

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство о регистрации *ПИ № ФС 77-21093*)

*Журнал включён ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук
(ред. от 19.02.2010 г.).*

2011

Ежеквартальное издание

№ 2

Основан в 2001 г.

Проблемным Советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»

Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

Редакционная коллегия

доктор исторических наук, профессор **В. С. Меметов** (*главный редактор*)

доктор политических наук, профессор **Ю. М. Воронов**

доктор философских наук, профессор **Г. С. Смирнов**

доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов**

(*заместитель главного редактора*)

кандидат исторических наук **А. К. Калинин**

кандидат исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**

кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин**

(*ответственный секретарь*)

*Издается НИИ интеллигентоведения
при Ивановском государственном университете*

Журнал награждён дипломом

**V Международного конкурса «Университетская книга — 2010»
в номинации «Лучшее вузовское периодическое издание»**

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.
Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

*Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com*

Подписные индексы:
Почта России 60320
Пресса России 41533

© НИИ интеллигентоведения при ИвГУ, 2011
© ГОУ ВПО «Ивановский государственный
университет», 2011

INTELLIGENTSIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

Registered by Federal Service for Control of Observation of the Law
on Mass Communication and for the Preservation of Cultural Heritage
(Registration License *ИИ № ФС 77-21093*)

*The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission
of the Russian Federation to publish main results of Doctors
and Candidatas of Sciences' dissertations (issued on 19/02/2010)*

2011

Quarterly

№ 2

**Founded in 2001 by the Council of the Russian Federation
on the Problem of Intelligentsia, Culture and Power**

**Ministry of Education and Science of the Russian Federation
State Educational Establishment of Higher Professional Education
Ivanovo State University**

Editor-in-Chief Prof. **Valery S. Memetov**, Dr. of History

Editorial Board

Prof. **Yury Voronov**, Dr. of Politics

Prof. **Grigory Smirnov**, Dr. of Philosophy

Prof. **Sergey Usmanov**, Dr. of History (*Deputy Editor-in-Chief*)

Alexander Kalinin, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Vladimir Komissarov**, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Nikolay Yurkin**, Cand. of Sc. (History) (*Secretary of the Board*)

*Edited by the Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University*

**The journal is awarded the diploma
of the Vth International contest «University Book — 2010»
in the nomination «The best university periodical»**

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

*The e-copy of the issue can be accessed at
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com*

Subscription indexes
The Post of RF 60320
Press of RF 41533

© Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University, 2011
© Ivanovo State University, 2011

Редакционный совет

В. С. Меметов, Ивановский государственный университет (председатель Редакционного совета); **А. И. Аврус**, Саратовский государственный университет; **Амвросий (Щуров)**, Архиепископ; **В. Р. Веселов**, Костромской государственный университет; **В. С. Волков**, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург); **Ю. М. Воронов**, Ивановский государственный архитектурно-строительный университет; **М. Е. Главацкий**, Уральский государственный университет (Екатеринбург); **А. А. Данилов**, Московский педагогический государственный университет; **В. Н. Егоров**, Ивановский государственный университет; **Э. Б. Ершова**, Государственный университет управления (Москва); **С. С. Загребин**, Челябинский государственный педагогический университет; **О. В. Золотарев**, Коми государственный педагогический институт (Сыктывкар); **А. В. Квакин**, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; **Г. Н. Кныш**, Днепропетровский национальный университет (Украина); **И. В. Кондаков**, Российский государственный гуманитарный университет (Москва); **М. И. Кондрашёва**, Уральская государственная юридическая академия (Екатеринбург); **Г. В. Корзенко**, Институт истории Национальной Академии наук Беларуси (Минск); **В. А. Мансуров**, Институт социологии РАН; **И. И. Осинский**, Бурятский государственный университет (Улан-Удэ); **В. А. Порозов**, Пермский государственный педагогический университет; **В. Г. Рыженко**, Омский государственный университет; **И. В. Сибиряков**, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск); **Ф. Х. Соколова**, Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск); **В. Л. Соскин**, Сибирское отделение ИРИ РАН; **Талгат Таджуддин**, Центральное Духовное Управление мусульман России и Европейских стран СНГ; **С. А. Филатов**, Конгресс интеллигенции РФ; **Р. Г. Яновский**, Институт социально-политических исследований РАН.

Editorial board

V. S. Memetov, Ivanovo State University (Chairman of the Editorial Board); **A. I. Avrus**, Saratov State University; **Amvrosiy (Tshurov)**, archbishop; **V. R. Veselov**, Kostroma State University; **V. S. Volkov**, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg); **Y. M. Voronov**, Ivanovo State Architectural University; **M. E. Glavatskiy**, Ural State University (Ekaterinburg); **A. A. Danilov**, Moscow State Pedagogical University; **V. N. Egorov**, Ivanovo State University; **E. B. Ershova**, State University of Management (Moscow); **S. S. Zagrebin**, Chelyabinsk State Pedagogical University; **O. V. Zolotaryov**, Komi State Pedagogical Institute (Syktyvkar); **A. V. Kvakin**, Moscow State University named after M.V. Lomonosov; **G. N. Knysh**, Dnepropetrovsky State University (Ukraine); **I. V. Kondakov**, Russian State Humanitarian University (Moscow); **M. I. Kondrasheva**, Ural State Academy of Law (Ekaterinburg); **G. V. Korzenko**, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk); **V. A. Mansurov**, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **I. I. Osinsky**, Buryat State University (Ulan-Ude); **V. A. Porozov**, Perm State Pedagogical University; **V. G. Ryzjenko**, Omsk State University; **I. V. Sibiryakov**, South Ural State University (Chelyabinsk); **F. H. Sokolova**, Pomorsky State University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk); **V. L. Soskin**, Siberian Branch of Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; **Talgat Tadguddin**, Central Religious Department of Muslims of Russian and the European Part of CIS; **S. A. Filatov**, Kongress of Intelligentsia of Russian Federation; **R. G. Yanovsky**, Institute of socio-political research of the Russian Academy of Sciences.

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Зябликов А. В.* Художественная интеллигенция и партия конституционалистов-демократов в 1905—1907 годах 9
- Никонов О. А.* Профессионально-образовательные контакты с Россией в свете формирования иранской интеллигенции (вторая половина XIX — начало XX века) 27
- Чередникова А. Ю.* Женские немецкие общественные организации в советской оккупационной зоне: к вопросу о формировании новой «идеологической интеллигенции» (1945—1949 гг.) 40

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

- Баженов А. М., Мартынова Т. М.* Интеллигенция как участник модернизации российского общества 51
- Юшкова-Борисова Ю. Г.* Новые аспекты влияния интеллигенции на российское общество 59

ИСТОРИОГРАФИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Возиллов В. В.* Проблема подражания Европе в спорах русских интеллигентов XIX века 71
- Ефименко О. К.* Некоторые вопросы историографии деятельности советской художественной интеллигенции Верхней Волги в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) 82

ДЕБЮТ

- Андреева Л. Ю.* В. И. Толмачевский: судьба интеллигента тверских карел 94
- Ёхина Н. А.* Синтез либеральных и социалистических идей в пореволюционной эволюции кадетской интеллигенции в эмиграции 101
- Солнцева В. Н.* Споры латинских интеллектуалов III—IV вв. о человеке: опыт христианской апологии Арнобия и Лактанция 116

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

Ершова Э. Б. От советской фантастики к нашим дням 126

ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

Меметов В. С. Отзыв официального оппонента на диссертацию
Раскатовой Елены Михайловны «Советская власть
и художественная интеллигенция в 1964—1985 гг.» 130

Аннотации 149

Информация для авторов 157

CONTENTS

FROM THE HISTORY OF INTELLIGENTSIA

- Zyablikov A. V.* Artistic intelligentsia and the party of constitutionalists-democrats in 1905—1907 9
- Nikonov O. A.* Professional educational contacts with Russia in the light of Iranian intelligentsia formation (the late 19th — the beginning of the 20th century) 27
- Cherednikova A. Yu.* Women's German social organizations in the Soviet occupational zone: to the question of the new «ideological intelligentsia» formation (1945—1949) 40

INTELLIGENTSIA IN THE CONTEMPORARY WORLD

- Bazhenov A. M., Martynova T. M.* Intelligentsia as a participant of Russian society modernization 51
- Yushkova-Borisova Yu. G.* New aspects of interrelationship between Russian intelligentsia and society 59

HISTORIOGRAPHY OF INTELLIGENTSIA

- Vozilov V. V.* The problem of Europe imitation in the discussions of Russian intelligentsia members of the 19th century 71
- Efimenco O. K.* Several questions of historiography of the Soviet artistic intelligentsia activity on the upper Volga river during the Great Patriotic war (1941—1945) 82

DEBUT

- Andreeva L. Yu.* V. I. Tolmachevsky: destiny of the intelligentsia member of Tver Karelians 94
- Yokhina N. A.* The synthesis of liberal and socialistic ideas in revolutionary evolution the Cadets' intelligentsia in emigration 101
- Solntseva V. N.* Debates of Latin intellectuals of III—IV centuries about human: the experience of the Christian apologetics of Arnobius and Lactantius 116

MAKING CONCLUSIONS

<i>Ershova E. B.</i> From the Soviet fantastic to the present days	126
--	-----

REVIEWS AND RECENSIONS

<i>Memetov V. S.</i> The review of the official opponent on the dissertation by Raskatova Elena Mikhailovna «The Soviet rule and the artistic intelligentsia in 1964—1985»	130
--	-----

<i>Annotations</i>	153
--------------------------	-----

<i>Information for authors</i>	157
--------------------------------------	-----

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ББК 63.3(2)5-283.2

А. В. Зябликов

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ПАРТИЯ КОНСТИТУЦИОНАЛИСТОВ-ДЕМОКРАТОВ В 1905—1907 ГОДАХ

Политическое позиционирование значительной части российской художественной интеллигенции в годы первой русской революции можно определить как *внеприсутствие*. Оно отнюдь не означало идейного, творческого безучастия к происходящим в стране процессам. Напротив, сознательное или бессознательное институирование себя на самом нижнем этаже политической активности позволяло художникам оценивать события без доктринерской замкнутости и предвзятости. Внепартийность несколько не мешала художнику как иметь свои политические антипатии, так и очаровываться теми или иными политическими концепциями и персонами. 1905—1907 гг. стали временем недолгого, но острого интереса «внепартийной» интеллигенции к миру политических идей и дискуссий. В. В. Розанов сравнивал время первой российской революции с короткой и «гениальной» минутой, которую человек проводит без пригляда «начальства»¹.

В центре особого общественного внимания были партии «конституционного» спектра, ищущие компромиссные варианты решения накопившихся в государстве проблем. Многие, даже в консервативных кругах, искренне верили, что именно легальная кон-

© Зябликов А. В., 2011

Зябликов Алексей Вячеславович — доктор исторических наук, профессор кафедры культурологии и филологии Костромского государственного технологического университета. (4942) 31-48-14 доб. 169

ституционно-монархическая партия окажется тем инструментом, который, соединив западнический интеллект и энергию с почвенными идеалами, поможет не только наладить заржавевший механизм российской государственности, но и усовершенствовать его.

Холодным душем для оптимистов стало «выборгское» воззвание кадетов (июль 1906 г.), показавшее обществу, что политические амбиции либералов выше интересов государства. Период романтизации революционных группировок завершился еще раньше: после декабря 1905 г. леворадикальные партии вновь были вынуждены уйти в подполье. Последняя ретушь с портрета социал-радикала стерлась в августе 1906 г., когда на Аптекарском острове в Петербурге бомба эсеров-максималистов унесла 32 ни в чем не повинные жизни.

Итак, в 1905—1907 гг. новая политическая элита приковывала к себе пристальное внимание художественной интеллигенции не только «экзотической» новизной, но и эвристическими, интеллектуальными, консолидирующими возможностями. У нового поколения политиков появилось законное право говорить с высокой государственной трибуны «о нуждах и чаяниях народных» — в XIX веке в этом качестве могла выступать только трибуна литературная. Не случайно В. В. Розанов призывал первую Государственную думу, отвечая на тронную речь Николая II, ощутить себя наследницей русской литературы и взять максимально душевный, деликатный тон². Конечно, писатель ни в коем случае не воспринимает думскую работу как литературное витийство, перенесенное на государственную трибуну, он лишь желает подчеркнуть, что Дума вправе осознавать себя как часть признанной во всем мире интеллектуально-духовной традиции. При этом практические возможности Думы несопоставимо выше любых художественных усилий. «...Для всей России, для всей русской истории, — писал В. В. Розанов в апреле 1906 г., — жизнь Думы будет таким “рафинированием” народной свободы, государственного упорядочения, с каким, напр., не смогут сравняться годы и десятилетия литературной работы на пользу свободы»³. Л. Л. Кобылинский (Эллис) считал, что Государственная дума нужна хотя бы для того, чтобы покончить с «писаревщиной». «А если бы такого места не было, — говорил поэт, — российская общественность по-прежнему продолжала бы требовать,

чтоб Брюсов писал стихи о наделении крестьян землей, Мережковский занимался бюджетом нефтяных рабочих, а Скрябин обязательно слагал симфонию на тему “Что ты спишь, мужичок?”⁴.

Либеральные партии России стояли перед очень сложной задачей: не отрещиваясь от своих «литературных» корней, храня уважение к духовной традиции, они должны были обозначить принципиально иной уровень политического мышления и предложить обществу реалистичную программу действий. Увы, декларируя высокие цели и новые подходы к решению общественных задач, молодые либеральные партии нередко использовали застарелые методы в своей работе, в том числе — в обезоруживании оппонентов и увещании возможных союзников. Многие партии так и не смогли преодолеть свою сугубо литературную природу. Другие, напротив, слишком рьяно отрекались от нее. История политического ангажемента, осуществлявшегося либеральными партиями в отношении деятелей искусства, высвечивает как особенности политической ментальности художников, так и причины кризиса либерально-народнических и либерально-западнических идей после 1906 г.

Бесспорно, не стоит идеализировать художественную интеллигенцию и считать всех художников непогрешимыми хранителями заветов «вечности» и культуры. Были среди них и те, кто с юношеским азартом отдавался политическому влиянию, превращаясь в неразборчивых и услужливых исполнителей партийных задач. Для начала XX века показательна фигура поэта Н. М. Минского, которого В. В. Розанов называл «вечно “крашеным”»⁵.

Примером несостоявшейся попытки соединить философско-эстетическую и политическую «рецептуру» освобождения личности можно назвать «мистический анархизм» Г. И. Чулкова. Провозглашая лозунгом «мистического анархизма» борьбу с догматизмом в религии, философии, морали и политике, ратуя за преобразование человека и мира посредством искусства, мистического и религиозного опыта, автор неожиданно переводит эту серьезную внутреннюю работу в плоскость борьбы с властью и «разрушения государственных норм»⁶. Эссе Г. И. Чулкова, вышедшее в 1906 г., поразило своим идейным сумбуром даже собратьев писателя по цеху символистов. Впоследствии и сам Г. И. Чулков крайне негативно оценивал эти умственные построения.

Проблема общественно-политического выбора художественной интеллигенции в 1905—1907 гг. могла быть решена и решалась двумя путями: «просеиванием» сквозь еще более мелкое партийное сито и резкой партийной дифференциацией литературно-художественных периодических изданий с последующим «бесмысленным самопоеданием»⁷ или — преодолением направленства на путях утверждения общенациональных, нравственных идеалов.

Ближе других партий к осуществлению задачи политического объединения прогрессивных общественных сил подошли конституционалисты-демократы (кадеты). Выросшая из немногочисленного московского кружка земских деятелей «Беседа» (1899—1905), нелегального «Союза освобождения» (1904—1905), к осени 1905 г. партия соединяла в себе три интеллигентских потока: левый фланг земцев-конституционалистов (часть губернского и уездного дворянства), городскую цензовую интеллигенцию (профессуру, приват-доцентов, адвокатов), интеллигенцию массовых профессий — учительство, врачей. К весне — лету 1906 г., высшему успеху кадетизма, в рядах партии насчитывалось от 25 тыс. до 100 тыс. человек (по разным сведениям). Наиболее оптимальными можно считать данные В. В. Шелохаева, назвавшего цифру в 50 тыс. человек к лету 1906 г.⁸ В составе ЦК партии 1905—1907 гг. состояло 11 крупных помещиков и 44 представителя интеллигенции⁹.

Кадетская партия не была рядовым тактическим альянсом, подобным умеренно-прогрессивной партии, партии «Свободо-мыслящих» и другим объединениям, просуществовавшим лишь до первых думских выборов. Сторонники парламентской монархии по английскому образцу, кадеты выступали за приоритет закона, упразднение всех видов цензуры, паспортной системы, за несменяемость, независимость и гласность суда, за предоставление окраинам культурно-национальной автономии. Кроме того, кадеты выдвигали серьезную программу экономических и финансовых реформ, направленных на развитие и расширение свободного рынка. Они также предлагали оптимальный план решения аграрной и рабочей проблемы. Успех кадетов в 1906—1907 гг. был связан с точно найденной мерой политического реализма и идеализма, консервативного и революционного начал — кадетская программа стала своего рода золотой серединой кон-

ституционных вожделий российского общества рубежа веков. «Страна указала нашу партию как равнодействующую», — замечал А. С. Изгоев на заседании ЦК партии в феврале 1907 г.¹⁰ В начале 1906 г. кадетами был увлечен даже М. О. Меньшиков. Пик меньшевиковской кадетофилии пришелся на май 1906 г., когда публицист провозгласил конституционалистов-демократов «партией Петра Великого». «Кадеты — самые крепкие и твердые русские люди, — писал он. — Это современный Великий Новгород, рассыпанный по России, — это люди промышленности, торговли, европейской культуры, европейских прав»¹¹.

Начиная с 1906 г. в речевом обиходе даже появляется выражение «кадетствующий интеллигент». Этим определением покрывается, в первую очередь, та часть образованного сословия, которая считала делом всего лишь нескольких лет превращение «отсталой» самодержавной России в «цивилизованное» европейское государство с крепкой парламентской системой. К художникам с их тяготением к почвенным ценностям упомянутое определение плохо приложимо.

Летом 1906 г. кадеты были убеждены в том, что не сегодня-завтра во главе с С. А. Муромцевым будет сформировано кадетское правительство: министром народного просвещения виделся А. А. Мануйлов, обер-прокурором Святейшего синода — Е. Н. Трубецкой или Н. Н. Львов, а портфель министра внутренних дел, естественно, был закреплен за П. Н. Милюковым¹². Эйфория лидерства в стане конституционалистов укрепляла кадетов в вожделиях на звание надклассовой, общенародной партии, следствием чего стало переименование конституционно-демократической партии в партию «народной свободы» на втором съезде 5—11 января 1906 г. Претенциозное название для партии, не имевшей глубоких социальных корней в обществе, символизировало начало политических мытарств кадетов, попытавшихся вывести российский либерализм за рамки чисто интеллектуального движения.

Особенности положения партии народной свободы в политическом спектре России точно уловила З. Н. Гиппиус. «Кадетская партия... — единственная значительная либеральная русская партия, в сущности, не имела под собой никакой почвы. Она держалась европейских методов в условиях, ничего общего с ев-

ропейскими не имеющих», — замечала поэтесса¹³. Н. А. Бердяев, упрекая кадетов в излишне рациональном подходе к идее национального возрождения, в склонности «сотворять кумира» из конституции, соглашался с тем, что в сфере политики партия народной свободы — наименьшее зло для России. «В партии этой нет чрезмерного человеческого самомнения, обращающего политику в религию, нет политической экзальтации, доводящей до изуверства и бесноватости. Это гуманитарная общественная среда, а в нейтральном гуманизме заключена несомненная правда», — писал философ¹⁴. Однако сами кадеты настойчиво опровергали лестную характеристику Н. А. Бердяева, предлагая без околичностей отождествлять историю первых шагов народного представительства с историей партии народной свободы¹⁵. Кадеты отнюдь не страдали отсутствием должного самомнения. «Россия будет свободна тогда, когда она вся будет кадетская», — говорил В. А. Маклаков на банкете в Литературно-художественном кружке 29 января 1907 г. по случаю победы кадетов на выборах¹⁶.

В советское время сложилась тенденция рассматривать кадетизм как идеологически однородное явление. Такой взгляд нуждается в уточнении. Как общественно-политическое образование кадеты распадались на два течения, схожих в политико-правовом и экономическом аспектах и существенно различающихся в аспектах культурно-этическом и эстетическом. «Линия» П. Н. Милюкова, линия «правовверных» кадетов-рационалистов, нашла свое идеологическое оформление в крупнейшей кадетской газете «Речь» — духовным пристанищем П. Б. Струве и кадетов-идеалистов стали журналы «Полярная звезда» и «Русская мысль».

Традиция отождествления партии народной свободы с передовым отрядом российского либерализма и наиболее значительной в культурном отношении силой начала утверждаться уже на рубеже 1905—1906 гг., когда разочарование насильственными методами борьбы и грядущие выборы в Думу сделали насущным выдвижение на первый план сильной парламентской партии центристского толка. «Всемирный вестник» С. С. Сухонина отмечал в мае 1906 г., что к кадетам примкнула почти вся интеллигенция либеральных профессий: наука, литература, адвокатура¹⁷. «Мы считали (кадетскую партию. — А. З.) самой выдающейся, как по качеству входящих в нее интеллигентских и научных сил, так и

по наиболее полной, сравнительно с другими, философской обоснованности ее программы», — писал Н. Крыленко в марксистском «Образовании»¹⁸. Определенную роль в формировании высокой интеллектуальной и культурной репутации кадетов играла политическая самореклама. А. С. Изгоев прямо провозглашал партию народной свободы главной культурной силой, накопленной русской историей «для перехода к новому строю»¹⁹. Одним из главных достоинств кадетов А. С. Изгоев считал необремененность партии никакими «фантазиями» о самобытности исторического пути России.

Факт сосредоточения в рядах партии народной свободы крупных литературных сил преподносился кадетами как данность.

В историографии советского периода убежденность в полной литературной обеспеченности кадетов основывалась на кочующем из исследования в исследование высказывании В. И. Ленина о 9/10 кадетской прессы по отношению ко всей издававшейся в годы революции периодике²⁰. Так, Б. И. Есин утверждал, что все либерально-буржуазные газеты в 1905 г. стали кадетскими²¹. Однако нет никаких оснований говорить о засилье кадетской печати в ту пору. В 1905—1907 гг. в России издавалось 3310 периодических изданий (из них 1467 — общественно-политических, 844 — специальных, 285 — сатирических, 181 — иллюстрированных, 149 — религиозных, 148 — научных и научно-популярных, 124 — профессиональных, 91 — информационных, 21 — детских и юношеских)²². Кадеты контролировали, в той или иной степени, не более 70 центральных и провинциальных изданий²³; для сравнения: большевики в 1906 г. издавали 83 (34 легальных и 49 нелегальных) печатных органа²⁴. Тем не менее, бесспорно: кадеты придавали огромное значение вопросам пропагандистско-издательской деятельности. В отличие от октябристов, кадеты начали работу с создания собственной издательской структуры и поиска литературных союзников.

Лидер кадетов П. Н. Милюков чертой, принципиально отличающей 1906 г. от 1905 г., считал возникновение легальных политических партий и, как следствие, — появление и бурный рост легальной, газетной и брошюрной литературы²⁵. В декабре 1905 г. кадетами был создан редакционный комитет, начало работу издательство «Народное право», основанное М. Г. Комисса-

ровым²⁶. Функционировало регулярно собиравшееся культурно-просветительское бюро²⁷. Кадетские издания, благодаря низкой цене, расходились быстро. С декабря 1905 г. по сентябрь 1906 г. кадеты выпустили 1 284 200 экземпляров различных книг, брошюр и листовок²⁸. В феврале 1906 г. вышел первый номер официального партийного еженедельника «Вестник партии народной свободы». На третьем съезде партии, 21—25 апреля 1906 г., по инициативе нижегородского издателя Е. М. Ещина было решено создать в Петербурге «Бюро прогрессивной печати», призванное помочь провинциальным изданиям в подготовке и доставке литературного и информационного материала. К лету 1906 г. Бюро объединяло 18 провинциальных издательств. На заседании Центрального Комитета 28 ноября 1906 г. было решено активнее взаимодействовать с формально беспартийными периодическими изданиями. М. Г. Комиссаров не исключал возможности использования в партийных целях даже бульварной прессы²⁹.

Отношение кадетов к устройству концертов, спектаклей и прочих чисто художественных мероприятий с целью сбора средств было двойственным. С одной стороны, такие формы признавались не вполне совместимыми со значением и характером партии³⁰, с другой — финансовые дела кадетов были плохи: партийные издания, включая «Речь», были сплошь убыточными. За период с октября 1905 г. по февраль 1907 г. треть своих средств партия потратила на издание официально-партийного «Вестника» и лекторские командировки³¹.

Иллюзия серьезной художественной обеспеченности кадетской партии поддерживалась в нашей исторической и публицистической литературе рядом других аргументов, например общим совпадением либерально-радикальных требований, изложенных в известных протестах деятелей искусства в 1905 г., с пунктами кадетской программы, а также данными о профессиональном составе партии народной свободы. Однако из восьми членов кадетской фракции в I Государственной думе, обозначивших свой род занятий как «литератор» и «писатель» (редактор газеты «Народное дело» В. Е. Якушкин, соредактор «Вестника права» М. М. Винавер, редактор архангельского «Северного листка» И. В. Галецкий, профессор-историк Н. И. Кареев, редактор виленского «Литовского листка» Ч. К. Янковский, издатель «Народного дела» М. Г. Ко-

миссаров, редактор пензенской газеты «Перестрой» Н. Ф. Езерский, редактор журнала «Жизнь Крыма» князь В. А. Оболенский), никто не может быть отнесен к художественной интеллигенции. Не было представителей художественной интеллигенции и среди шести аналогично обозначивших свою профессиональную принадлежность членов кадетской фракции II Думы (зоолог Н. А. Бородин, редактор «Голоса Юга» Д. С. Горшков, Г. Б. Иоллос, Н. Ф. Езерский, Д. И. Шаховской, В. Е. Якушкин)³². В списках выборщиков от партий народной свободы значились имена известных в России людей: В. Г. Короленко, Л. Ф. Пантелеев, академик живописи К. Я. Крыжицкий, композитор А. К. Глазунов, скульптор В. А. Беклемишев, художник П. А. Брюллов, артист В. Г. Вальтер³³, но их выбор определялся скорее осознанием корпоративного родства с кадетами как с партией интеллигенции, нежели серьезной политической убежденностью.

Вхождению художественной интеллигенции в поле притяжения кадетизма мешал директивный тон кадетской прессы, ее следование направленной архаике, а также безоглядная ориентация конституционалистов-демократов на либерально-западнические идеалы.

Кадетский публицист Ф. Д. Батюшков, декларируя раздельность областей литературы и политики, обособленность их задач, с удовлетворением отмечал, что из числа 300 рассказов, повестей и романов и 1000 стихотворений, появившихся в печати за 1906 г., — более половины отмечены проявлениями политики³⁴. Публицист признавал этику недостаточным оружием в условиях революции — художник был призван окунуться в благотворную стихию политики. Ф. Д. Батюшков считал, что внепартийный по своей сути художник подходит к политике и направлению «в силу вещей»³⁵.

Оценка публицистами «Речи» произведений искусства основывалась на степени созвучности последних общественным проблемам. Признавая огромную роль театрального искусства в формировании общественных настроений, кадеты критиковали столичные театры за пребывание «вне времени и пространства». «Где-то в заднем углу нашей общественной жизни, далеко от политики, в стороне от волнующих нас вопросов этики и эстетики,

копошится и пищит о чем-то, никого близко не затрагивающем, — русский театр», — писал А. Азов³⁶.

В самоустранении от участия в освободительном движении обвинялись художники и музыканты. Скульптор И. Я. Гинцбург, ведший в «Речи» «художественную хронику», упрекал художников в отсутствии «стремления к новым идеалам»³⁷. Причину общей «унылости» шести крупнейших художественных выставок Петербурга И. Я. Гинцбург связывал со спецификой искусства, всегда, по мнению скульптора, опаздывающего по отношению к политическим событиям, а также с цензурными гонениями. Осуждение цензурного террора было особенно характерно для кадетской публицистики — «Речь» регулярно публиковала своего рода мартиролог арестованных правительством изданий и запрещенных постановок. В своем стремлении подчеркнуть вседозволенность и бездуховность власти кадеты зачастую не оговаривали подлинных причин цензурных запретов, что приводило к казусам. Так, в скорбные списки «Речи» попал журнал «Под звуки Шопена», часть номеров которого была арестована и уничтожена за печатание полупорнографических материалов³⁸. В действительности, если в чем-то и можно было упрекать царскую цензуру, то в излишней лояльности и покладистости. Идеиный плюрализм тех лет поражает: в легальных журналах рядом с аннотацией на «Полное собрание речей Императора Николая II» можно было обнаружить развернутую рецензию на книгу П. А. Кропоткина «Записки революционера»³⁹. Заметим, что, начиная с 1906—1907 гг., более всего хлопот цензорам доставляли отнюдь не журнальные «политические хроники», а так называемые «легкие» жанры: театральные фарсы, пикантные журнальные иллюстрации, газетные юморески, «светские» зарисовки и анекдоты. Огромная доля цензурных воспрещений касалась заведомо безнравственных публикаций и антреприз. Канцелярия начальника Главного Управления по делам печати А. В. Бельгарда была завалена такого рода делами⁴⁰.

В 1906 г. по инициативе И. Я. Гинцбурга на страницах «Речи» развернулась обличительная кампания против С. И. Дягилева и художников «Мира искусства»⁴¹. Очевидное тяготение И. Я. Гинцбурга к эстетике социального заказа сближало скульптора с социал-демократами. Негативные и даже унижительные оценки преобладали в кадетской публицистике, посвященной «новой» поэзии и новаторским экспериментам на театральной сцене.

Кадетская эстетика ставила художника в сложное положение: с одной стороны, он не должен был отворачиваться от событий современности, с другой — он лишался какого бы то ни было права на проповедь и теорию. Эту прерогативу конституционные демократы оставляли за собой и ревностно ее оберегали. Политические рецепты художников кадеты сравнивали с речами ребенка и «шаманскими заклинаниями». «Никогда не доверяйте художнику, который отыскивал путь, открыл мораль, ведущую к совершенству. Знайте: он уже ушел из искусства и беспомощно блуждает в сектантстве, спотыкаясь о короткие мысли», — писала «Речь» о Л. Н. Толстом и М. Горьком⁴². С меньшей охотой направляли кадеты этот справедливый тезис в сторону идеологии и политики, в сторону самих себя: путь к политическому сектантству пролегает через те же пределы, что и к сектантству художественному.

Идейный наставник «Речи» П. Н. Милюков, несмотря на высокий уровень образованности, личное знакомство со многими деятелями искусства и музыкальные способности, был человеком весьма консервативных эстетических вкусов: он осуждал увлечение М. К. Морозовой музыкой А. Н. Скрябина, модернистской поэзией — именно модернистов П. Н. Милюков считал повинными в перенесении упаднических настроений из литературы в политику⁴³. Любимым выражением кадетского лидера было: «Нужно выправлять партийную линию»⁴⁴. По своему духовному складу П. Н. Милюков был ближе народникам из «Русского богатства»: Н. Ф. Анненскому, В. А. Мякотину, с которыми лидера «правоверных» кадетов связывала личная дружба⁴⁵. Это не могло не отразиться на эстетической программе «Речи», подчас дублирующей утилитаристские подходы энесов.

Как бы то ни было, П. Н. Милюкову удалось привлечь к сотрудничеству влиятельные творческие силы, хотя в их отборе проявлялась известная амбициозность: были, например, отвергнуты услуги А. А. Пиленко из «Нового времени»⁴⁶. Литературно-критический отдел бессменно вел К. И. Чуковский, не имевший, впрочем, серьезных политических убеждений и рассматривавший свое сотрудничество в околопартийных изданиях скорее как возможность заработка. Излюбленная тема К. И. Чуковского 1906—1907 гг. — критика «короткомыслия», партийного доктринерства, по сути, непосредственно касалась самих кадетов. В газете вели

постоянные разделы А. Н. Бенуа (с конца 1907 г.), музыкальный критик В. Г. Каратыгин, театральный критик П. Ярцев, публиковали отдельные беллетристические произведения А. В. Амфитеатров, А. И. Куприн, Ф. Сологуб, И. М. Потапенко. Несколько стихотворений опубликовал в «Речи» А. А. Блок. Заголовок газеты был выполнен по макету художника Л. С. Бакста⁴⁷. Более тесное сотрудничество художественной интеллигенции с «Речью» стало возможно с конца 1907 г., в условиях, когда историческая реальность все более убеждала общество в существовании не только политических ориентиров.

В 1905—1907 гг. отношение художественной интеллигенции к партии народной свободы оставалось двойственным. Европеизм кадетов настораживал, но и притягивал, так как выглядел достаточно экзотично в стране с недавним самодержавно-крепостническим прошлым. Свой голос за конституционных демократов во время первой избирательной кампании отдал И. Е. Репин⁴⁸. «Среди имен неизгладимо: Милюков. С его именем соединилась для меня блестящая полоса, из которой высвечивают письмена: свобода», — вспоминал не единожды поносимый «Речью» А. М. Ремизов⁴⁹. В течение долгого времени писатель хранил бланк для поступления в кадетскую партию с припиской В. В. Розанова: «Дорогому Алексею Михайловичу с просьбой подумать, решиться и подписаться...»⁵⁰ Мимолетное увлечение кадетизмом самого В. В. Розанова носило специфически «розановский» характер.

В 1905—1906 гг. В. В. Розанов частый гость на митингах, партийных и думских заседаниях; при этом писатель не забывает подчеркнуть, что смотрит на происходящее глазами беззаконной, недолголюбивающей политику личности, глазами «анархиста» и «архаиста». В очерках и репортажах В. В. Розанова той поры щедро рассыпаны яркие характеристики думских ораторов, фракций, партий. «Трудовики» — не испорченный цивилизацией «свежий дичок»⁵¹, кадеты — «революционеры с культурой»⁵². Как и многие, писатель особенно пристально следил за деятельностью этой партии, ядром которой были опытные юристы, интеллигенты-интеллектуалы. В отличие, например, от М. О. Меньшикова, В. В. Розанов не раздает кадетам слишком щедрых авансов. Он ценит ее, прежде всего, как партию «центра», некую «срединную» си-

лу, которая способна сплотить вокруг себя «белых из красных» и «красных из белых», то есть людей без политических крайностей⁵³. Успех кадетов в 1906 г., их популярность среди различных сословий В. В. Розанов связывал с тем, что активная политика никак не вписывалась в идеалы Святой Руси, и когда мужик оказался поставленным перед задачами государственного творчества, единственным подходящим для этого «универсально-европейским жаргоном» оказался либерализм⁵⁴. Кроме того, как замечал писатель, «после Цусимы, Лаояна, сдачи Порт-Артура “пойдешь в кадеты” и даже пойдешь куда угодно, ибо это — отчаяние...»⁵⁵.

Еще до начала работы первой Думы В. В. Розанов удивительно точно почувствовал политическую суть кадетов: они не строители, а только «критики и разрушители», со склонностью жертвовать делом во имя фразы. В. В. Розанов не отрицает «конституционных» заслуг кадетов, отдает должное ораторскому таланту Ф. И. Родичева и уравновешенности С. А. Муромцева, но основное внимание писателя сосредоточено на неуклюжих и «косолапых» депутатах из народа: земская Россия интересуется В. В. Розанова больше России «цензовой».

Кадетам не удалось сделать первую Думу инструментом общественного примирения и созидательной работы. В статье с характерным названием «Темная Дума» В. В. Розанов обвинял законодательное собрание в кулуарности, государственной и нравственной «неубедительности». Кадеты, с которыми связывалось столько надежд, уподобляются писателем хамелеону, «настоящий цвет которого есть все цвета и, пожалуй, отсутствие какого-нибудь цвета»⁵⁶.

В отличие от В. В. Розанова, сразу не «полюбившего» кадетов, Е. Н. Чириков, в 1905 г. потешавшийся над их «помещичьей внеклассовостью»⁵⁷, спустя 13 лет стал активистом деникинского ОСВАГА и соратником многих бывших кадетов по антибольшевистской борьбе.

Через сотрудничавшего в «Речи» Д. В. Философова близко соприкасались с кадетами З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковский. З. Н. Гиппиус признавала «культурные» заслуги кадетов, но замечала также, что именно кадеты окончательно убедили ее в обреченности российского либерализма, не имевшего под собой прочной социальной базы⁵⁸. Отношение к партии народной свободы

четы Мережковских особенно показательны. Многие художники, признавая свое «кровное» родство с конституционалистами-демократами, подчеркивали духовную антипатию к ним — таковая питалась излишним рационализмом, позитивизмом кадетов, игнорированием ими национального фактора. Так, З. Н. Гиппиус отдавала свои политические симпатии эсерам как более «русской», более национально и социально обеспеченной партии⁵⁹.

Многое роднило с конституционалистами-демократами В. Г. Короленко, названного А. В. Луначарским «борцом в сфере легальности»⁶⁰. В 1907 г. В. Г. Короленко был убежден, что середина общества должна находиться «около кадет»⁶¹. 15 мая 1906 г., выступая в суде ответчиком по обвинению в напечатании знаменитого «финансового манифеста», в последнем слове В. Г. Короленко четко сформулировал свою общественную и писательскую позицию, весьма совпадавшую с особенностями кадетской тактики: «Правительству теперь должно привыкнуть к анализу действий и к нападкам на него, ибо нападки на правительство не есть нападки на самую идею власти»⁶². Кадеты не без оснований считали В. Г. Короленко своим единомышленником, несмотря на отказ писателя вступить в партию. К. И. Чуковский позже высказал убежденность, что только духовный «кадетизм» помешал В. Г. Короленко стать великим писателем⁶³.

Преодолением кадетизма можно считать общественный путь А. А. Блока. Пренебрежение кадетов ко всякому художническому иррационализму, строгое следование математически выверенной доктрине усиливало разобщенность партии и художественной интеллигенции, заведомо исключало союзничество таких «внеобщественных» художников, в каковых числился А. А. Блок. В 1906 г., в пору своего подъема, когда партия народной свободы была вправе рассчитывать на поддержку не слишком именитых, но полных творческих сил представителей художественной интеллигенции, кадеты предпочли доказывать «кадетизм» И. С. Тургенева и А. П. Чехова. Н. А. Бердяев, анализируя причины трагического разрыва между политикой и культурой, справедливо отмечал ущербность как «аскетического» позитивизма русской радикальной интеллигенции, так и «самодовольно-ограниченного» позитивизма интеллигенции либерально-буржуазной⁶⁴.

В большей степени удалось избежать его правым кадетам во главе с П. Б. Струве, человеком «неугомонной» мысли (А. В. Тыркова), который, по признанию А. В. Пешехонова, в 1904 г. многим казался «вторым Герценом»⁶⁵. Если «линия Струве» была нацелена на достижение политического союза с родственными политическими группировками, то «линия Милюкова» в 1905—1907 гг. применяла тактику объединения и примирения строго дозированно и только в отношении левых партий. К кадетам, как духовному образованию, в значительной степени применима характеристика, данная социал-демократической партии «перевальцем» А. Боровым: «Становятся они монополистами спасения, усваивают себе постепенно начальнический тон, создают неумолимую партийную дисциплину. Из друзей и представителей интересов угнетенного класса превращаются в мелочных и придиричивых опекунов, забывая о действительно жизненных интересах опекаемых, стремятся они ввести пролетариат в собственный мир априорных, нередко фальшивых построений; с непоколебимым упрямством навязывают его опекаемым, обставляя его научным аппаратом и грозя, что вне рекомендованных им средств нет спасения»⁶⁶. Писатель-монархист В. Л. Величко замечал в своих «Русских речах»: «У крайних даже консерваторов чаще всего встречается широчайшая терпимость, то есть либерализм в идеальном смысле слова, а у крайних либералов — деспотизм и черты рьяного сыщика, доносящего на своих противников на три фронта: и их собратьям, и либеральному судилищу, и начальству»⁶⁷.

В 1905—1907 гг. новая политическая элита в лице партийных и думских деятелей получила реальную возможность аккумулировать и выражать настроения и интересы самых различных общественных групп. На этом фоне художественная интеллигенция в своей старой общественно-политической функции, действительно, выглядела архаично. Однако, как нам представляется, кадеты недооценивали фактор общественно-культурной инерции и идеократической природы российского государства — к рассмотрению же собственной социально-культурной роли подходили крайне эгоцентрично, спешно выводя за пределы своего революционного и либерального позитивизма художественные рецепты «морального убеждения». Отсюда — столь характерный для либералов-западников взгляд на художественную интеллигенцию

«сверху вниз». Такая позиция способствовала падению престижа партий кадетского спектра, дальнейшему оттоку интеллигенции от всего, что имеет признак деления по политической окраске.

Художественная интеллигенция, принимая объединительные декларации конституционалистов-демократов, в большинстве своем отказывалась от исполнения узкопрактических задач, уходила от прямолинейного политического дидактизма в суждениях. «...Беллетристика на побегушках у кого бы то ни было есть самый постыдный вид литературного ремесленничества и мещанства», — писал А. А. Измайлов⁶⁸. Суждение известного писателя и литературного критика вполне приложимо и к советской, и к постсоветской эпохе: серьезные, крупные художники всегда порицали открытый, циничный политический конформизм и идеологическое горлопанство.

Таким образом, серьезная обеспеченность партии народной свободы влиятельными литературно-художественными силами нам представляется спорной. Даже ощущение художественной интеллигенцией своего корпоративного, «кровного» родства с кадетами не помешало ей в итоге отвернуться от партии, слишком рьяно прерывавшей исторические нити, связывавшие ушедший век владычества литературы с новой общественно-культурной эпохой.

Примечания

¹ Розанов В. В. Когда начальство ушло... : собр. соч. М., 1997. С. 7.

² Там же. С. 103.

В статье «Несколько воспоминаний из недавнего прошлого», опубликованной в июле 1906 г. в «Русском слове», В. В. Розанов проводит любопытную параллель между политическими «персонажами» Таврического дворца и героями русской классической литературы (Розанов В. В. Русская государственность и общество : собр. соч. М., 2003. С. 106).

³ Розанов В. В. Русская государственность и общество. С. 55.

⁴ Валентинов Н. Два года с символистами. М., 2000. С. 263.

⁵ Розанов В. В. В нашей смуте : собр. соч. М., 2004. С. 99.

⁶ Чулков Г. И. Валтасарово царство. М., 1998. С. 359.

⁷ Изгоев А. С. Разбитое корыто // Русская мысль. 1907. № 7. С. 164.

⁸ Шелохаев В. В. Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905—1907 годов. М., 1983. С. 63.

- ⁹ Протоколы ЦК кадетской партии периода первой российской революции // Вопросы истории. 1990. № 2. С. 37 (далее — Протоколы ЦК... с указанием года и номера журнала).
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ *Меньшиков М. О.* Партия Петра Великого // Новое время. 1906. 28 мая.
- ¹² *Глинка Я. В.* Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906—1917 : дневник и воспоминания. М., 2001. С. 217.
- ¹³ *Гиппиус З. Н.* Черная книжка // Под созвездием топора : Петроград 1917 года — знакомый и незнакомый. М., 1991. С. 329.
- ¹⁴ *Бердяев Н. А.* К психологии революции // Русская мысль. 1908. № 7. С. 126.
- ¹⁵ Речь. 1907. 1 янв.
- ¹⁶ Вестник партии народной свободы. 1907. № 4. С. 234.
- ¹⁷ Всемирный вестник. 1906. № 5. С. 307—308.
- ¹⁸ *Крыленко Н.* Исторический момент // Образование. 1906. № 8. С. 123.
- ¹⁹ *Изгоев А. С.* Культурная сила // Речь. 1906. 1 нояб.
- ²⁰ См., напр.: *Есин Б. И.* Русская дореволюционная газета. М., 1971. С. 60.
- ²¹ Там же. С. 41.
- ²² *Смирнов С. В.* Легальная печать в годы первой русской революции. Л., 1981. С. 12.
- ²³ Политическая история в партиях и лицах. М., 1993. С. 95.
- ²⁴ *Смирнов С. В.* Указ. соч. С. 13.
- ²⁵ *Милюков П. Н.* Воспоминания (1859—1917). М., 1990. Т. 1. С. 352.
- ²⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 523. Оп. 2. Д. 32. Л. 2.
- ²⁷ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 2. Ед. хр. 770. Л. 2.
- ²⁸ *Шелохаев В. В.* Указ. соч. С. 168.
- ²⁹ Протоколы ЦК... 1992. № 10. С. 163.
- ³⁰ Там же. 1990. № 6. С. 141.
- ³¹ Там же. 1992. № 10. С. 182.
- ³² Вестник партии народной свободы. 1907. № 17. С. 1107—1116.
- ³³ Речь. 1907. 25 янв.
- ³⁴ *Батюшков Ф. Д.* Литература и политика (по поводу беллетристики за 1906 год) // Речь. 1906. 3 дек.
- ³⁵ *Батюшков Ф. Д.* Психология и политика в последних рассказах Куприна // Речь. 1906. 28 дек.
- ³⁶ *Азов А.* Горе театра // Речь. 1907. 18 дек.
- ³⁷ *Гинцбург И. Я.* Выставки // Речь. 1906. 3 марта.

- ³⁸ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 776. Оп. 9. Д. 75. Л. 1—57.
- ³⁹ Книга. 1906. № 1. С. 13—14.
- ⁴⁰ РГИА. Ф. 776. Оп. 25. Д. 911. Л. 1—2.
- ⁴¹ *Гинцбург И. Я.* В защиту искусства // Речь. 1906. 9 марта.
- ⁴² Речь. 1907. 17 июня.
- ⁴³ *Милюков П. Н.* Указ. соч. С. 265, 286.
- ⁴⁴ *Тыркова-Вильямс А. В.* То, чего больше не будет : воспоминания. М., 1998. С. 494.
- ⁴⁵ Там же. С. 273.
- ⁴⁶ *Гессен И. В.* В двух веках // Архив русской революции. М., 1993. Т. 21/22. С. 238—239.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ См.: *Шлеев В. В.* Революция и изобразительное искусство. М., 1987. С. 86. Один из основателей кадетской партии соредатор «Речи» И. В. Гессен считал картину И. Е. Репина «18 октября» лучшим постижением причин поражения революции 1905—1907 гг. (*Гессен И. В.* Указ. соч. С. 206).
- ⁴⁹ *Ремизов А. М.* Огонь вещей. М., 1989. С. 488.
- ⁵⁰ Там же. С. 491.
- ⁵¹ *Розанов В. В.* Когда начальство ушло... С. 109.
- ⁵² Там же. С. 124.
- ⁵³ *Розанов В. В.* Русская государственность и общество. С. 53.
- ⁵⁴ *Розанов В. В.* Когда начальство ушло... С. 108.
- ⁵⁵ *Розанов В. В.* Русская государственность и общество. С. 52.
- ⁵⁶ Там же. С. 95.
- ⁵⁷ *Чуриков Е. Н.* Рождение новой партии // Новая жизнь. 1905. 28 окт.
- ⁵⁸ *Гиппиус З. Н.* Указ. соч. С. 329.
- ⁵⁹ *Гиппиус З. Н.* Дмитрий Мережковский // 14 декабря : роман ; Дмитрий Мережковский : воспоминания. М., 1991. С. 409.
- ⁶⁰ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 142. Оп. 1. Д. 256. Л. 34.
- ⁶¹ Цит. по: *Гибет Е. И.* Идейные и эстетические принципы редакционной деятельности В. Г. Короленко : дис. ... канд. филол. наук. М., 1966. С. 17.
- ⁶² Речь. 1906. 15 мая.
- ⁶³ *Чуковский К. И.* Дневники. 1901—1929. М., 1991. С. 33.
- ⁶⁴ *Бердяев Н. А.* Культура и политика // Вопросы жизни. 1905. № 45. С. 329.
- ⁶⁵ *Пешехонов А. В.* «Санинцы» и «Санин» // Русское богатство. 1908. № 5. С. 122.

- ⁶⁶ *Боровой А.* Реформа и революция // Перевал. 1907. № 7. С. 6.
- ⁶⁷ *Величко В. Л.* Русские речи // Русский вестник. 1902. № 5. С. 121.
- ⁶⁸ *Измайлов А. А.* Помрачение божков и новые кумиры. М., 1910. С. 7.

О. А. Никонов

**ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ
КОНТАКТЫ С РОССИЕЙ В СВЕТЕ ФОРМИРОВАНИЯ
ИРАНСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
(вторая половина XIX — начало XX века)**

Перспективным направлением в отношениях Российской империи с Ираном (Персией) с середины XIX в. становилось сотрудничество в сфере образования и подготовки профессиональных кадров, пополнявших ряды национальной интеллигенции¹. В исторической литературе отмечалось, что, оказавшись в состоянии глубокого кризиса после двух войн с Россией первой трети XIX в., Иран стремился перейти от устаревших средневековых форм к новым методам и формам экономической и общественно-политической деятельности, утвердившимся в Европе (С. Л. Агаев, Д. М. Анаркулова, Н. К. Белова, С. М. Иванов, Б. В. Никитина и др.), а поэтому обострилась потребность страны в специалистах, способных решать возникавшие проблемы общественно-политического и экономического развития национального общества. Появилась необходимость в формировании кадров национальной интеллигенции.

Вторую половину XIX — начало XX в. можно считать начальным этапом формирования первого поколения современной иранской интеллигенции. Процесс этот тесно связан с активизацией патриотических чувств и настроений, ростом национального самосознания и проникновением инакомыслия в иранское общество. Унизительные условия Гюлистанского (1813 г.) и Туркманчайского (1828 г.) мирных договоров с Россией, поражение Ирана в войне с Англией (1856—1857 гг.), капитуляционные

© Никонов О. А., 2011

Никонов Олег Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории стран Запада и Востока Московского педагогического государственного университета. vs_memetov@mail.ru

торговые соглашения с западными державами — всё это способствовало пробуждению национального самосознания, разрушало представления просвещенной части общества о военно-политическом могуществе феодальной страны и выдвигало национальную интеллигенцию на ведущие позиции в общественно-политической жизни Ирана. Объективные причины, прежде всего осознание необходимости капиталистической трансформации государства и установление связей просвещенных представителей с образованными европейцами, способствовали расширению политического кругозора иранской интеллигенции.

Возникновению интереса иранцев к политическому, экономическому и культурному опыту развития европейских стран способствовало распространение светской литературы и появление первых газетных изданий в Иране. В 1818 г. в Тебризе уже был типографский станок. В Тебризе и Тегеране стали работать литографические станки, причем специалисты по литографическому делу прошли подготовку в Москве и Петербурге, а вскоре появилась первая иранская газета. С 1851 г. началось регулярное издание иранских газет. Исследователи Н. К. Белова и В. Б. Никитина заметили, что распространение светских изданий способствовало развитию интереса к содержавшимся в них, по существу, «новым идеям»². Осознание «отсталости» порождало интерес исключительно к достижениям западной цивилизации, в первую очередь к технике и естественнонаучным знаниям. По этому поводу историк-востоковед Н. А. Иванов заметил, что такой «интерес пробил первую брешь в культурно-историческом сознании Востока и заложил основу процесса европеизации и реформ»³. Проводником знаний о технических и научных достижениях европейской цивилизации в иранское общество становилось образование. Иранские дипломаты в Лондоне и Париже по поручению своего правительства пытались привлечь европейских специалистов на шахскую службу по организации профессионально-образовательных центров и распространению современных знаний в Иране. Но европейцы с недоверием относились к таким предложениям. В то же время российская сторона соглашалась содействовать Ирану в подготовке профессиональных кадров для военного производства, горного дела, ремесла и стро-

ительства. В установлении таких контактов царское правительство видело средство по расширению отношений с сопредельным государством. Один из просвещенных сановников шахского двора мирза Агаси высказывался за использование профессионально-образовательного опыта Российской империи. Мирза Абдуль Касым Ферахани ратовал за распространение в своей стране светского образования, в чем видел средство освобождения широких масс от многовековых суеверий и преодоления упадка национального хозяйства. Однако в стране сохранялось значительное большинство приверженцев порядков старины, отрицавших все западное. Им противостояло меньшинство, стремящееся к образованности и нововведениям, соответствующим духу времени. В правительственных верхах Ирана проявлялась заинтересованность в использовании профессионально-образовательного опыта Российской империи. Царское правительство соглашалось принять иранцев на обучение в Петербург и Москву и оказывать содействие в совершенствовании профессионального мастерства для плавильного, кузнечного и столярного дела, хрустального производства⁴.

Заинтересованность в связях с Россией в целях подготовки образованных технических специалистов подкреплялась появлением в Иране фабрик и мануфактур по производству сахара, фарфоровых и хрустальных изделий, текстильных предприятий для снабжения одеждой армии, а также восстановлением медных рудников и угольных копий, расширением изготовления оружия. По просьбе иранских властей в Тегеран, на государственный арсенал были командированы русские опытные специалисты кузнечного, сверлильного, колесного и лафетного дела. Затем в Иран был направлен военный инженер-полковник Воскобойников для обучения мастеровых и ремесленников современному плавильному искусству. В 1843 г. Воскобойников совершил поездку по Астабадской и Мазандаранской провинциям, где обследовал «рудные месторождения и состояние литейных мастерских»⁵.

Последовательным сторонником реформ и модернизации Иранского государства стал Мохаммед Таги-хан Ферахани, известный под именами Амир-Кабира (великого эмира) и Амир-Низама (эмира войска). Эти титулы Таги-хан получил за заслуги

в государственной деятельности и разгроме бабидского движения. При шахе Наср эд-Дине в 1848—1851 гг. он был первым министром. Его реформаторские начинания подчинялись задачам укрепления власти шахского правительства, ликвидации феодального сепаратизма, сохранению целостности, политической и экономической независимости Ирана. Таги-хан был хорошо знаком с реформаторскими идеями своих соотечественников (Абдуль Касыма и др.), реформаторской деятельностью российского императора Петра I и представителями первого периода Танзимата в Турции (1839 г.), посетил Россию, Турцию и Египет. Стремясь заимствовать их опыт, он предпринял попытки по созданию сильной армии, развитию военного и гражданского производства, торговли, транспорта и банковского дела. Для успешной реализации этих проблем возрастала потребность в грамотных работниках и служащих, технических специалистах. Таги-хан пытался внедрить светское судопроизводство и сформировать правоведческие кадры⁶.

В реформаторских планах Таги-хан отводил видное место распространению светского образования. В учреждении школ европейского образца он видел средство распространения естественнонаучного знания. По его инициативе в Иран приглашались иностранные преподаватели и посылались за границу молодые и способные кандидаты на учебу. В 1849 г. при его участии в Тегеране приступили к созданию первого в стране высшего учебного заведения — «Дар-аль-фунун» (Дом науки). Этот вуз был открыт в декабре 1851 г., уже после отставки Таги-хана, и стал для иранцев, по существу, памятником замечательному представителю иранской интеллигенции первого поколения. «Дар-аль-фунун» предназначался, главным образом, для подготовки офицерского состава шахской армии и высшего административного персонала. Таджикский историк-иранист Д. М. Анаркулова отмечала, что в иранской историографии основание «Дар-аль-фунуна» рассматривается как результат посещения Таги-ханом в 1829 г. военной академии и других высших учебных заведений в Петербурге⁷.

Со временем «Дар-аль-фунун» превратился в авторитетный центр образовательной, научной и культурной жизни страны и

внес существенный вклад в формирование иранской интеллигенции. В нем обучались дети знатных и состоятельных родителей. Студенты осваивали не только офицерские и чиновничьи специальности, но и овладевали знаниями в областях гуманитарных и естественных наук, математики, медицины, искусства. Приглашенные из-за рубежа профессора способствовали переводу с европейских языков на персидский язык учебников, научной и общественно-полезной литературы. С их участием закладывались основы для становления иранского высшего образования. В европейских странах, в том числе и в России, молодые иранцы получали технические специальности. Так, в Горном корпусе (институте) Петербурга обучался и получил высшее инженерное образование иранец Джафар Кули-бек, ставший на родине руководителем национальной службы горных инженеров⁸.

После отставки и последующей затем казни Таги-хана в 1852 г. реформаторские начинания в стране были свернуты. Под давлением духовенства и феодальной знати сокращались дотации на образование, из-за рубежа отзывались иранцы, обучавшиеся за казенный счет. Стали ограничиваться образовательные контакты с Россией, но полностью они не прекратились. В 1856 г. иранский посол в Петербурге Махмуд-хан по поручению своего правительства и с согласия российских властей смог привлечь к поездке в Иран восемь мастеров-ткачей из московского и смоленского регионов. Двумя годами позже в Иран из России выехали профессионалы чугунного литья (А. Молодкин, С. Андреев), медного производства (Ф. Степанов, С. Молодцов), сахарного (А. Савицкий), писчебумажного (А. Пучкин) и шелкомонтажного (А. Николаев) производств⁹.

В 1851 г. в Тебризе существовало Армянское училище, вскоре преобразованное в гимназию для мальчиков и девочек. Мальчики наряду с богословием изучали математику, географию, историю, армянскую литературу, французский, персидский и татарский языки. Девочки имели уроки по Закону Божьему, рукоделию, армянскому и французскому языкам. Учащимися гимназии являлись дети армянского купечества, имевшего прочные позиции на иранском рынке. Армянская община обратилась к российскому консулу с просьбой о помощи в организации препо-

давания в гимназии русского языка. По этому поводу консул Ступин констатировал: «Мы замечаем в характере персидского правительства одно, достойное особого внимания странное соприкосновение двух крайних наклонностей: 1) совершенное равнодушие к образованию своего мусульманского юношества, которое растет как дикий лес в пустыне, и 2) стремление не только разрешить, но даже поощрять образование армянских и других иноверческих детей своих подданных»¹⁰.

В 1866 г. российский министр просвещения граф Д. А. Толстой в отчете об организации Московского и Казанского учебных корпусов представил на высочайшее рассмотрение проект об учреждении в Астрахани школьного учебного заведения для детей иранцев: элементарного и первоначального. Астраханская школа, где преподавание должно было вестись на русском языке, рассчитывалась на детей иностранцев, как постоянно проживавших в Астрахани для торговых дел, так и выезжавших в длительные коммерческие командировки. Министр писал: «Обучаясь нашему языку, сродняясь с нашим просвещением, они могли бы распространять его в своей стране, а это было бы самым прочным и вместе с тем самым дешевым завоеванием на Востоке»¹¹. Примечательно, что это учебное заведение должно стать светским: при таком количестве мулл, считал министр, Коран можно изучать и в домашних условиях. После императорского одобрения проект довели до сведения населения в Астрабаде через управляющего делами иностранцев Неджеф Кули Ага и в Тебризе через старшину русской мусульманской общины¹². Однако со стороны местных жителей русский проект не получил отклика, поэтому его реализацию пришлось отложить до лучших времен.

Следует признать, что инициатива российского правительства запоздала. Процессы модернизации государства, начатые Таги-ханом и частично продолженные Ага-ханом Нури, оказались свернутыми. Шах Наср эд-Дин и его окружение не видели смысла в распространении просвещения, неграмотность и невежество помогали им удерживать в повиновении иранское население. Сказывалась и позиция шиитского духовенства, стремившегося помешать распространению светского просвещения в своей стране. Сворачивание полезных начинаний в образовании могло

показаться странным хотя бы потому, что даже крупные сановники не знали обыденных для европейца вещей. Например, наследник престола удивлялся предложению консула Ступина строить ветряные мельницы в Иранском Азербайджане, а воду направить на полив полей. В дипломатическую миссию в Тегеране консул писал: «Для Сердара Кулли известие о возможности устройства ветряных мельниц было такой неслыханной новостью, таким сказочным чудом, что мне много стоило труда подробным объяснением предмета уверить его в существовании таковых в России». По желанию наследника консульство вызвало в Тебриз русского мастера по строительству ветряков из Саратова. Ветряные мельницы были устроены в имениях двух наиболее «смелых» экспериментаторов — самого Сердана Кули и артиллерийского генерала Саид уль-Мулька¹³. Со стороны интеллигенции проявлялись инициативы по преодолению невежества и массовой безграмотности в стране.

В связи с вовлечением Ирана в среду международных политических и экономических контактов, феодальная знать и формировавшаяся элита новых общественно-политических групп нуждались в знании реальной жизни в зарубежных странах. Шах Наср эд-Дин со своей свитой трижды совершал заграничные поездки (в 1873, 1878 и 1889 гг.). Во время первого путешествия он посетил Астрахань, Москву, Петербург, Венскую международную выставку (май 1873 г.), Ливерпуль и Манчестер. Шах вел дневник, в котором значительное место уделено описанию всего увиденного. В 1887 г. дневник Наср эд-Дина был опубликован в Англии, а в 1889 г. в русском переводе под названием «Извлечение из собственного Его величества дневника» издан в Петербурге. Знакомство с этой публикацией позволяет отметить, что результаты путешествия «оказались скуднее, чем можно было ожидать», серьезных выводов из своего европейского турне шах и его свита не сделали ни для государственного управления и хозяйственной деятельности, ни в отношении распространения просвещения в Иране. Сохранился один из достоверных рассказов о посещении шахом петербургского балета, от которого он испытал восторженные чувства, а по прибытии на родину обрядил всех обитательниц гарема в балетные пачки поверх традицион-

ных шальвар. Примеру шаха последовали придворные и состоятельные люди¹⁴. Известно также, что армянская реформа шаха свелась к тому, что солдат обмундировали по европейскому образцу.

В 1865 г. визирь Абдуль Вехаб-хан предпринял попытку создать отдельную мусульманскую школу, в которой учащиеся могли бы знакомиться с начальными основами научных знаний. Попытка оказалась неудачной, муллы и купеческие старшины отнеслись к ней равнодушно. «Никто ничего не пожертвовал, муллы и грамотеи-самоучки, — говорил визирь, — заставили народ страшно бояться книжников и фарисеев»¹⁵. Видный иранский просветитель мирза Хасан Рушдие также попытался в 1887 и 1888 гг. создать в Тебризе светскую начальную школу. Дважды духовенство Иранского Азербайджана организовывало погромы открываемых школ. Только в 1897 г. Хасан Рушдие смог учредить светскую школу в Тегеране. Довольно скоро она превратилась в политический клуб либеральной интеллигенции и антишахской оппозиции¹⁶.

В 1898 г. иранской интеллигенцией было создано «Общество просвещения», которое открыло несколько светских школ, среди них: школа иностранных языков в Тегеране и школа политических наук в Тебризе. В поддержку распространения образования выступили известные представители иранского просветительства (Ходжа Зейя аль-Аблдин, Сеид Джемаль эд-Дин Афгани, эмир Ага-хан Кермани и др.). Наиболее видным среди них был мирза Мальком-хан Незам од-Доуле, получивший философское образование в Париже и занимавшийся много лет дипломатической деятельностью. Одно время он преподавал в «Дар-аль-фундуне», где переводил лекции иностранных преподавателей на персидский язык. Его отец — армянин мирза Якуб-хан, принявший ислам, был переводчиком в русском посольстве в Тегеране. В своем программном трактате «Дафтари канун» (Свод законов) Мальком-хан предложил создать в стране систему светского образования, при этом считал необходимым учредить министерство просвещения. Стремясь примирить светскую образовательную систему с господствовавшими вековыми религиозными устоями в национальном образовании, он выступил за со-

здание «специальных теологических колледжей и изучение в школе ислама»¹⁷.

Образовательные проекты Мальком-хан намеревался реализовать на основе синтеза ислама и христианства, однако его усилия игнорировало шиитское духовенство. В европеизации культурной и административной жизни страны, в заимствовании западных законодательных, культурно-образовательных и технических новшеств духовенство видело угрозу традиционному исламу. Тем не менее, появились мотивы к сближению духовенства и патриотических сил страны в вопросах критики шахского самодержавия Каджаров, либерализации системы государственного управления, распространении просвещения и внедрении светского образования. Такие настроения отчетливо проявились во время иранской революции 1905—1911 гг. Со стороны революционных организаций, появлявшихся при участии интеллигенции, выдвигались требования о введении в стране обязательного и бесплатного образования, учреждении правительством начальных, средних и высших школ и принуждении «всех персидско-подданных без различия класса и положения послать детей для обучения»¹⁸.

По конституции 1906 г., появившейся на высшем этапе революции, в Иране было основано министерство просвещения, вакфов и изящных искусств (1910 г.), которому предоставлялось право контроля над деятельностью государственных и частных школ. В 1911 г. второй иранский меджлис принял закон о народном образовании, по которому начальное обучение становилось обязательным. Неоднозначной оказалась реакция на этот закон со стороны отдельных социальных групп. В частности, раздавались голоса за предоставление права каждой национальности на начальное образование «по своему желанию на родном языке или другом языке», и только дальнейшее получение образования возможно на персидском языке. Конституция должна гарантировать всему населению страны свободу просвещения и убеждений. Выдвигались призывы к распространению образования среди женщин¹⁹.

Во время революции в иранских городах открылись новые школы, однако преодоление массовой безграмотности оставалось весьма отдаленной перспективой. В 1911 г. в Тегеране имелись

только 123 начальные школы с 10,5 тыс. учащихся и во всем остальном Иране насчитывалось около 10 тыс. школьников. Только двое из тысячи детей в возрасте от 7 до 13 лет посещали школу²⁰. В создании новых школ, средних и высших профессионально-образовательных учебных заведений шахские власти рассчитывали на содействие зарубежных стран, среди которых не последнее место могло принадлежать России.

Как свидетельствуют приведенные выше факты, российская сторона проявляла готовность откликнуться на просьбы иранского правительства и содействовать в подготовке профессиональных кадров для военной, хозяйственной и административно-общественной деятельности как за счет передачи иранским рабочим и специалистам профессионального опыта, так и в обучении иранцев в российских учебных заведениях. Царизм заботился о сохранении своего военного присутствия в сопредельном Иране, для этого выделялись значительные средства на поддержание иранской казачьей бригады, наиболее боеспособной части шахской армии, созданной в 1879 г. и руководимой русскими офицерами. Средства использовались на обучение рекрутов и подготовку командных кадров для шахской регулярной армии. Тем самым Россия вносила определенный вклад в пополнение рядов иранского офицерства, по своим настроениям и взглядам примыкавшего к национальной интеллигенции.

Несмотря на некоторый подрыв авторитета России на Среднем Востоке, в связи с поражением царизма в войне с Японией 1904 г., торговые и прочие деловые успехи России в Иране оказались значительными. По этому поводу в 1907 г. британский генеральный консул в Хорасане майор П. М. Сайкс признавал: «...лишенная своего дальневосточного владения, энергия русской торговли обратилась к Северной Персии, и, несмотря на революционные волнения, торговля эта ничего из своих завоеваний не потеряла»²¹. Сохранялся авторитет России и в офицерском корпусе Ирана. Российский царизм не намерен был выводить из Ирана введенные ранее военные контингенты для подавления в стране революции. В том же направлении действовала и Англия. Но и русских и англичан настораживало благожелательное отношение иранцев к появлению в Тегеране

миссии американских экономистов во главе с финансистом М. Ш. Шустером и особенная активность Германии, при участии которой в иранских городах появились миссионерские школы, а в столице открылся немецкий колледж. В высшую политическую школу в Тегеране, в аграрный институт и школу политических наук приглашались немецкие преподаватели. Немецкая пропаганда стремилась изображать Германию в качестве надежного союзника всех мусульман, в Иране увеличивалось количество консульских и прочих представительств.

В заключение следует отметить, что полноценных образовательных связей с зарубежными странами Ирану установить не удалось не только из-за трудностей преодоления массовой безграмотности, но и по причине непопулярности шахских властей, их сближения с европейскими державами. Значительная часть иранского общества отвергала западную цивилизацию «только потому, что она не иранская»; другая — представленная формирующейся интеллигенцией, воспринимала культуру и цивилизационные достижения Запада дифференцированно, отличая подлинные ценности (художественные, идейные, научно-технические) от неприемлемых явлений «массовой» и «потребительской», так называемой «цивилизаторской» культуры²². О росте политической культуры иранских интеллигентов свидетельствовала их деятельность в эмиграции (Англии, Франции, Турции, России). Многие из них группировались вокруг издаваемых ими оппозиционных газет, на страницах которых содержалась критика капитулянтской позиции шахских властей и косности духовенства, появлялись призывы к превращению Ирана в конституционную монархию и приобщению страны к достижениям мировой цивилизации. Нелегально эти газеты проникали в Иран и распространялись среди населения, прежде всего среди иранской интеллигенции.

Массовую группу иранской интеллигенции составляли так называемые средние слои: служащие национальной администрации, учителя и технические (инженерные) специалисты, врачи, юристы, клерки, литераторы и журналисты, армейские офицеры, студенчество, лица свободных профессий. Многие из них получили европейское образование на родине или за рубе-

жом, их мировоззрение формировалось под влиянием западных философских и политических теорий. Поэтому они, как пишет историк-востоковед А. М. Родригес, обладали наивысшим потенциалом политической активности и «были наиболее восприимчивы к новым идеям, и не столько в силу относительно высокого уровня образованности, сколько в силу интересов и самого их места в общественной структуре»²³. Во время Конституционной революции 1905—1911 гг. наиболее отчетливо проявилась политическая зрелость иранской интеллигенции. Среди активных участников революции было немало студентов и молодых людей, получивших образование в зарубежных странах. Так, будущий руководитель Иранской компартии «Адалет» Гейдар-хан Али оглы окончил Эриванскую гимназию и Тифлисское политическое училище, где получил диплом инженера-электрика.

Процесс формирования иранской интеллигенции вступил в завершающую стадию с началом капиталистической трансформации Иранского государства при правлении Реза-шах Пехлеви, когда экономика, наука, культура, система высших и средних учебных заведений получили дополнительный импульс для своего развития, появился новый административно-управленческий аппарат. Все это способствовало количественному росту национальной интеллигенции, консолидации ее рядов, появлению интеллектуальной элиты современного общества.

Примечания

- ¹ Частично эти вопросы рассмотрены в статье: *Никонов О. А.* Научно-культурные аспекты русско-иранских отношений XVIII—XIX вв. (к вопросу формирования национальной интеллигенции) // *Интеллигенция и мир.* 2005. № 3/4.
- ² *Белова Н. К., Никитина В. Б.* Иран // *Зарождение идеологии национально-освободительного движения (XIX — начало XX в.): очерки по истории общественной мысли народов Востока.* М., 1973. С. 104.
- ³ *Иванов Н. А.* Упадок Востока и установление мировой гегемонии Западной Европы // *Восток.* 1994. № 4. С. 18.
- ⁴ *Новая история Ирана: хрестоматия / отв. ред. М. С. Иванов, В. Н. Зайцев.* М., 1988. С. 114 ; *Овсянников В. И.* Восток в обществен-

- но-политической мысли России (середина XIX в.) : науч.-аналит. обзор. М., 1990. С. 30—31.
- ⁵ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 194. Оп. 1. Д. 238. Л. 381—382.
- ⁶ *Агаев С. Л.* Иран в прошлом и настоящем : пути и формы революционного процесса. М., 1981. С. 17—20 ; *Белова Н. К., Никитина В. Б.* Указ. соч. С. 111—112.
- ⁷ *Анаркулова Д. М.* К вопросу об оценке деятельности Амир-Кабера в современной иранской историографии // Иран: экономика, история, историография, литература : сб. ст. М., 1976. С. 217—218.
- ⁸ АВПРИ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 263. Л. 1 об. ; Д. 269. Л. 9 об.
- ⁹ Там же. Ф. 194. Оп. 1. Д. 569. Л. 1—2, 7, 72, 76, 94, 100—102 ; Д. 610. Л. 2—3.
- ¹⁰ Там же. Ф. 144. Оп. 488. Д. 469. Л. 7.
- ¹¹ Там же. Ф. 194. Оп. 1. Д. 784. Л. 2.
- ¹² Там же. Ф. 144. Оп. 488. Д. 469. Л. 9, 13.
- ¹³ Там же. Л. 22 об.
- ¹⁴ *Крутихин М.* Из истории каджарских шахов // Азия и Африка сегодня. 1984. № 10. С. 60 ; *Базиленко И. В.* Россия и Иран (страницы мифической и достоверной истории) // Россия и Восток : учеб. пособие. СПб., 2000. С. 170—171 ; История человечества. Всемирная история / отв. ред. *Г. Гельмонт.* СПб., 1904. С. 367.
- ¹⁵ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 469. Л. 10 об.—11.
- ¹⁶ *Белова Н. К., Никитина В. Б.* Указ. соч. С. 122—123.
- ¹⁷ *Анаркулова Д. М.* Мальком-хан и шахское духовенство в Иране // Народы Азии и Африки. 1983. № 4. С. 109.
- ¹⁸ Новая история стран Азии (вторая половина XIX — начало XX в.) / отв. ред. *В. И. Овсянников.* М., 1995. С. 81.
- ¹⁹ Новая история Ирана : хрестоматия. С. 319.
- ²⁰ Новая история зарубежной Азии и Африки. Л., 1971. С. 436.
- ²¹ Российский государственный архив экономики. Ф. 7590. Оп. 3. Д. 25. Л. 27.
- ²² *Гребнев А. М.* Иран 60—70-х годов: восприятие буржуазной культуры Запада // Народы Азии и Африки. 1984. № 4. С. 104.
- ²³ *Родригес А. М.* Особенности развития общественной мысли в странах Востока в эпоху колониализма // Рязанский историк : науч. журн. 2006. № 4. С. 73.

А. Ю. Чередникова

**ЖЕНСКИЕ НЕМЕЦКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ
ОРГАНИЗАЦИИ В СОВЕТСКОЙ ОККУПАЦИОННОЙ
ЗОНЕ: К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ
НОВОЙ «ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ»
(1945—1949 гг.)**

После поражения Германии немецкий народ был в отчаянии, духовно опустошен, морально подавлен. Разруха, голод, безработица, потеря близких и родных усугубляли тяжелое состояние людей. В первые же послевоенные дни перед советскими оккупационными властями остро стоял вопрос о преодолении идеологического нацистского наследия, о решении первоочередных задач по денацификации германского общества, построения гражданского социума, свободного от нацистской идеологии, а также — о возрождении духовного начала немецкого народа и восстановлении душевного равновесия каждого немца. Большинство из них были пассивны, к начавшимся мероприятиям по решению насущных вопросов Советской военной администрации в Германии (СВАГ) относились настороженно, с недоверием, а зачастую — враждебно.

Особая роль в этих процессах отводилась женской части немецкого общества, и именно той ее части, которая была политически активна и лояльна к проводимой СВАГ и Социалистической единой партией Германии (СЕПГ) политике в Германии.

Новая, так называемая «идеологическая интеллигенция» Восточной Германии родилась в рамках функционирования общественных политических движений и руководящей партии, поскольку иные объединения, например религиозные, находились либо под запретом, либо под жестким контролем. Женский фактор при этом был значительным.

© Чередникова А. Ю., 2011

Чередникова Анна Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Поморского государственного университета (г. Архангельск). anna41975@mail.ru.

В зарубежной исторической науке отмечают ряд работ, выполненных в методологических рамках гендерной истории¹. Однако практически все эти труды носят либо обобщающий характер, в которых периоду деятельности СВАГ уделено незначительное место и женский общественно-политический фактор не является специальным объектом исследования особенностей функционирования и взаимоотношений женских общественных организаций с советскими властями, либо женские организации в Советской оккупационной зоне (СОЗ) рассматриваются в качестве одного из действенных рычагов в процессе формирования поддержки женской части населения СЕПГ. В целом, в упомянутых работах содержатся ценные статистические факты и социологические аналитические выкладки.

Поэтому исследование роли женских общественных организаций в процессе формирования новой восточногерманской государственности, оформления функционеров «идеологической интеллигенции», а также определение места женского фактора в политике СВАГ поныне остается перспективным направлением в рамках этого периода в истории Германии.

Женский вопрос стал одним из приоритетных в политике СВА в Восточной Германии при решении социальных, социально-идеологических, а также духовно-религиозных и иных внутривнутриполитических проблем. Для советских властей было крайне необходимо установить с женской половиной тесное сотрудничество в деле антифашистской и иного рода политической работы. По словам Н. М. Парфёновой, одной из советских женщин-общественниц, которые приехали в Германию в первые же месяцы после Победы, чтобы обеспечивать помощь советским властям в восстановлении мирной жизни, школ и детских учреждений, создании общественных организаций немецких женщин: «За годы пребывания у власти фашизм сделал все, чтобы низвести женщину до положения человека “второго сорта” в обществе, принизить ее достоинство, ограничить круг забот рамками дома, изолировать от внешнего мира. Надо было пробудить гражданское чувство у немецких женщин, помочь им осознать меру своей ответственности за случившееся, проявить готовность к участию в строительстве демократической Германии»².

Невзирая на несколько патетическую окраску этого высказывания, суть последнего отражает сверхзадачу, которая стояла перед советскими властями в Германии в отношении женской политики.

Женское население — по объективным причинам — находилось в большинстве от общего количества населения послевоенной Восточной Германии, а численное колебание в период 1946—1949 годов было незначительным. Так, по данным германского исследователя Хайке Траппе численность женского населения в период СВАГ составляла в 1946 г. — 10 628 771 человек (57,49 %), в 1949 г. — 10 449 760 человек (55,6 %) ³.

Сложное экономическое положение и моральную дезориентацию женской части населения характеризует замечание исполняющего обязанности начальника Отдела пропаганды УСВА федеральной земли Тюрингия В. С. Бабенко по поводу цензуры критики приказов СВА. Так, любая критика этих документов не допускалась, однако если таковая касалась вопросов снабжения неработающих категорий населения — в первую очередь домохозяйек, — делалось исключение: «Выражения в этом случае должны быть не резкими. Не допускать формулировок вроде “...unsere Hausfrauen den neuen Anordnungen fast aggressive gegenueberstehen” (I — А. Ч.) или: “die Lag emit Fersorgung der Hausfrauen wird einer starken Kritik unterzogen” (II — А. Ч.)» ⁴.

С течением времени в СОЗ было разрешено для публикации и распространения среди населения около 90 наименований печатной продукции — газет и журналов. Среди них «чисто» женскими изданиями, посвященными быту, моде, кулинарии и пр., числилось не менее пяти («Модный журнал Берлина», «Женщина сегодня», «Воскресенье», «Для тебя», «Голос женщины»), кроме того, выпускались профессиональные и тематические газеты и журналы, потенциальным большинством читателей которых были также женщины («Труд и социальное обеспечение», «Немецкое здравоохранение», «Парикмахер — косметика — моды», «Новая школа», «Педагогика», «Театр нашего времени», «Портной», «Народный учитель» и мн. др.) ⁵. Несмотря на попытки властей СОЗ и германского руководства создать и поддерживать деятельность аполитичных средств массовой информации, в том числе специально выпускаемых для женщин, замкнуть

их интересы на сугубо бытовых и прикладных вопросах жизнедеятельности, политические и общественно-политические, религиозные и социальные вопросы не остались вне поля зрения женщин, стремящихся полноценно (или в меру личных возможностей и окружающей действительности) участвовать в восстановлении и стабилизации обстановки в стране и обществе.

С лета 1945 года в Германии начал функционировать Центральный комитет женщин при магистратуре Большого Берлина. Сопредседателями организации являлись Э. Шмидт — КПГ (Коммунистическая партия Германии), Т. Вольгемут — СДПГ (Социал-демократическая партия Германии), Х. Штеле — ХДС (Христианско-демократический союз), Х. Бир — ЛДП (Либерально-демократическая партия).

30 октября 1945 года был издан Приказ Главного начальствующего СВАГ № 080, в котором запрещалось создание каких-либо отдельных женских общественных организаций при уже действовавших в СОЗ партиях. Вероятно, стоит сделать вывод о заведомом запрете на организацию женских политических объединений, что преследовало цель, во-первых, не допустить разрастания численности партий и, во-вторых, максимально обеспечить женскому движению политическую заданность в рамках уже существующих партийных объединений. Поэтому женское движение организовывалось органами СВАГ как самостоятельное общезональное общественное объединение.

27 января 1946 года в Берлине состоялось совещание представителей женских комитетов зоны, а 13—14 июля 1946 года — конференция делегатов от всех женских комитетов, на которой был создан руководящий орган женского движения — Центральный комитет женщин Советской зоны оккупации. В декабре 1946 года в Берлине состоялось заседание 200 представителей женских комитетов СОЗ и был образован подготовительный комитет для создания общезональной женской общественной организации. Наконец, на учредительной конференции в Берлине 7—9 марта 1947 года был создан Демократический Союз женщин (ДСЖ) — *Demokratischer Frauenbund Deutschlands (DFD)*, который изначально получил название «Немецкий женский конгресс за мир». В провинциях и землях СОЗ действовали земельные и провинциальные органы ДСЖ, а в советском секторе Берлина — городской союз.

Как общественная организация ДСЖ занимался социальными вопросами жизни женского населения. Собственной политической платформы, находясь в русле деятельности и политических устремлений СЕПГ, ДСЖ не имел. По состоянию на 1 января 1949 года в Советской зоне оккупации членами ДСЖ числились 322 683 женщины. Центральным печатным органом организации стала газета «Женщина сегодня», выходившая 2 раза в месяц⁶.

Кроме упомянутого ДСЖ и его поземельных ответвлений в число санкционированных и разрешенных женских организаций, всячески подпитываемых СВАГ и руководством СЕПГ, входили создававшиеся по территориальному принципу антифашистские комитеты (городские, окружные и провинциальные), а также формируемые на предприятиях женские комиссии.

О перспективной роли и сути антифашистских комитетов вспоминает современница и участница описываемых событий уже упоминавшаяся выше Н. М. Парфёнова: «Предстояла огромная работа по перевоспитанию женщин. А это, как известно, процесс сложный и длительный. Я убеждалась не раз: куда легче восстановить разрушенное, чем моральный дух, нравственное здоровье нации. Своеобразной школой общественного воспитания в первые послевоенные годы стали антифашистские женские комитеты. Они возникали повсеместно. Их работу направляли, как правило, женщины, которые сами пережили страшное время фашизма и не потеряли веру в будущее Германии. Их называли “активистками первого часа”... Их было очень много — “активисток первого часа”. Им было труднее всего, ибо в те “первые часы” после самой жестокой и разрушительной войны еще не прошел шок, еще парализована была воля нации — поверженной, побежденной... Чем только не занимались в то время антифашистские комитеты! Они помогали всем: детям, больным, старым людям, переселенцам. Открывали народные кухни, обогревательные пункты, пошивочные мастерские, детские приюты. Организовывали различные курсы, где женщины получали первоначальные трудовые навыки, овладевали несложными профессиями»⁷.

Наряду с получавшими поддержку в своем развитии и деятельности женскими общественными организациями существовали, некоторое время функционировали, а следовательно, находились под более жестким контролем организации, которые не

были угодны оформляющемуся режиму. К так называемым «запрещенным» женским организациям и объединениям относились как ряд общественных организаций, так и религиозных сект и общин. Тот факт, что в январе 1947 года списки подобных объединений были составлены и их деятельность подвержена запрету, говорит о том, что на протяжении полутора лет велась прицельная и скрупулезная работа по выявлению функционирования этих организаций, их задач и методов деятельности.

Отметим, что все запрещенные женские организации были основаны и действовали в западных секторах Берлина и на территориях, оккупированных союзниками, зачастую имели аполитичную, но религиозную направленность, шедшую вразрез с деятельностью разрешенных в СОЗ церковных и религиозных объединений (евангелическо-лютеранская, евангелическо-униатская, реформаторская, католическая, православная русская, православная греческая, иудейская и магометанская), а также преследовали иные политические и социально-экономические цели, нежели СВАГ.

Важным фактором формирования политической стабильности в СОЗ, с точки зрения советских властей, являлось создание благоприятных условий для укрепления влияния СЕПГ и завоевания ею всего политического пространства Германии. Это в высшей степени соответствовало планам и стремлениям советского руководства, которое изначально видело приоритетными направлениями работы с женскими организациями в области пропаганды и политического воспитания борьбу с фашистской идеологией и переориентацию населения на построение демократического общества под руководством СЕПГ, находящейся в полной зависимости от советских властей, их целей и задач. Как пишет отечественная исследовательница Н. П. Тимофеева: «Мероприятия СВАГ соответствовали программе, разработанной в Москве в 1945—1949 гг. лидерами КПГ и ВКП (б); она предусматривала перевоспитание немецкого народа под руководством рабочего класса»⁸.

Поэтому все иные политические силы в Восточной Германии рассматривались не как конкуренты, а в качестве политических оппонентов. Среди них наиболее популярным у немцев в Восточной и, в особенности, Западной Германии был ХДС (Христианско-демократический союз). Об этом свидетельствует сте-

нограмма отчета С. Тюльпанова, начальника Управления пропаганды/информации СВАГ, на заседании комиссии ЦК ВКП (б) по проверке состояния работы Управления пропаганды СВАГ. С. Тюльпанов отмечает: «Влияние ХДС, как показывает и анализ выборов, необыкновенно сильно именно на женщин»⁹.

Путь становления СЕПГ и завоевания более-менее устойчивых позиций на политической арене Восточной Германии: внутренние трения, разногласия в лагере немецких коммунистов, а также слабая пропагандистская работа создавали малоустойчивую политическую конструкцию СЕПГ, не устраивающую избирателей, среди которых больший процент составляли женщины. Указывая на конкретные «промахи при контроле и проверке работы немецких радиостанций», упоминавшаяся выше комиссия ЦК ВКП (б) по проверке соответствия работы Управления пропаганды СВАГ, в которую входили А. Панношкин, К. Кузаков и М. Бурцев, отмечала следующее: «За время с 16 по 31 августа (1946 г. — А. Ч.) в разделе программы передач “Трибуна демократии” Берлинского радиодома были запланированы три передачи о женщинах от ЛДП, СДП и ни одной передачи от СЕПГ. ...Слабо разоблачается по радио идеология фашизма и преступления гитлеровцев»¹⁰.

Резкой критике подвергалась и деятельность Управления пропаганды СВАГ и его периферийных органов. Так, в 1946 году начальник ГПУ ВС СССР И. В. Шикин заявлял: «Вне достаточного политического влияния продолжают оставаться широкие слои молодежи и женщин, активность которых в последнее время значительно возросла»¹¹.

В мае 1946 года политический советник при Главном начальствующем СВА в Германии В. С. Семенов в письме о политическом положении в Германии выделял направление по работе среди женщин в Советской зоне оккупации одним из наиболее приоритетных. Эта проблема отмечалась им третьей по степени важности после таких сфер политической деятельности СВА, как территориальные вопросы и партийно-политическое ние¹². Он подчеркивал: «О слабой политической активности женщин можно судить по тому факту, что, несмотря на преобладающее количество женщин в Германии, их членство в партиях и профсоюзах незначительно. По заявлению члена берлинского

женского антифашистского комитета, члена ЦП СЕПГ Кете Керн, в политических организациях женщины составляют только 20 %. В больших городах число их достигает 33 %. В мелких городах они составляют 15—16 %, в сельских местностях еще меньше»¹³.

Женское движение действительно рассматривалось в качестве влиятельной силы общественного и политического характера. Руководство Советского государства видело угрозу в недооценке возможностей использования потенциала женского движения в достижении общих целей построения антифашистского, демократического, и тем более — пролетарского немецкого государства и критиковало деятельность не только Управления пропаганды СВАГ, но и Центрального Правления СЕПГ. Так, в докладной записке А. Панюшкина, К. Кузакова и М. Бурцева А. Жданову значилось: «Управление пропаганды и Центральное правление Социалистической Единой Партии совершенно неудовлетворительно проводят политическую работу в массовых демократических организациях — профессиональных союзах, антифашистских женских комитетах, союзе свободной немецкой молодежи и союзе интеллигенции “Культурбунд”... В советской зоне оккупации насчитывается свыше 6 000 женских антифашистских комитетов, имеющих вокруг себя около 25 000 человек актива. Однако эти комитеты занимаются преимущественно благотворительными делами. Политико-воспитательная работа комитетов среди женщин, как правило, не проводится. Влияние этих комитетов на немецких женщин крайне слабое»¹⁴.

Решение проблемы виделось в смене неудачливого и несправлявшегося с насущными и жизненно важными проблемами руководства, в усилении штата Управления более подготовленными и квалифицированными политработниками, способными организовать должную пропаганду среди женского населения и обеспечивать поддержку деятельности женских организаций, прежде всего антифашистских женских комитетов, а также в эффективном внедрении и использовании советского опыта агитации, пропаганды и «обработки» женского компонента восточно-германского населения в известном направлении. В качестве практических предложений по осуществлению повышения роли и авторитета антифашистских женских комитетов, а также накануне выборов в сентябре 1946 года выдвигалось требование не

только усилить индивидуальную работу по вербовке женщин в СЕПП, но и привлечь их следующими мероприятиями:

«1. Увеличить всем женщинам-домохозяйкам, получающим продукты по 5-й продовольственной норме (840 калорий), ежедневную норму хлеба на 50 грамм.

2. Увеличить количество штатных единиц для женских антифашистских комитетов и дать какое-либо материальное поощрение женщинам-общественницам, ведущим основную работу в комитетах.

3. Провести и широко опубликовать назначение наиболее способных женщин на руководящие посты в провинциальных и городских органах самоуправления.

4. Усилить кампанию вокруг лозунга “Равная оплата за равный труд”.

5. Помочь женским комитетам создать в Берлине и в крупных городах зоны женские дома и библиотеки, которые стали бы центрами работы среди женщин.

6. Увеличить тираж журнала “Фрау фон Хойте”, издаваемого берлинским женским антифашистским комитетом, а также разрешить издание женской газеты.

7. Отпустить из лагерей в СССР часть немецких военнопленных антифашистов и облегчить переписку семей с военнопленными»¹⁵.

Кроме упомянутых предпринимались меры по обеспечению жесткого цензурирования печатных изданий (газет и журналов) на территории СОЗ. Так, еще в 1945 году в указании исполняющего обязанности начальника Отдела пропаганды УСВА федеральной земли Тюрингия В. С. Бабенко говорилось: «Освещение работы женских и молодежных организаций допускается только в рамках антифашистских комитетов при органах самоуправления. Организации или комитеты женщин или молодежи при отдельных партиях, как известно, запрещены»¹⁶.

В январе 1947 года в целях обеспечения контроля над идеологическим содержанием издающейся в СОЗ литературы и над всей издательской деятельностью, согласно Приказу № 25, был организован Совет по идеологическим вопросам издательского дела под председательством вице-президента Немецкого центрального управления народного образования Эриха Вайнерта

и с участием представителей общественной жизни, демократических партий, профсоюзов, «Культурбунда», организации «Свободная немецкая молодежь», женских комитетов и т. д., а также наиболее крупных деятелей науки, литературы и искусства¹⁷.

Таким образом, нельзя утверждать, что в СОЗ существовало независимое женское движение, характеризующее своей деятельностью оригинальность или национальную самобытность. Не было и социально-политического движения женщин, которое, например, в годы Веймарской республики выступало за права женщин в немецком обществе, стояло на позициях защиты материнства и детства, женского здоровья и добивалось справедливой оплаты женского труда. Налиествовала же особая, подчиненная властям и ими же управляемая политика среди женского населения, направленная на антифашистскую работу (призванную обеспечить поддержку СВАГ и СЕПП), а также на ликвидацию реальных политических и духовных конкурентов — церкви и оппозиционных режиму партий. Ставка в деятельности этих объединений делалась, в первую очередь, на «политически грамотных и идеологически надежных» немецких женщин, поддерживающих новую «идеологическую интеллигенцию» и отчасти являющихся ее оплотом, а также — на адекватную целям и задачам построения нового немецкого общества и государства проводимую на всех уровнях политику.

Примечания

¹ Broszat M., Weber H. SBZ — Handbuch: Staatliche Verwaltungen, Parteien, Gesellschaftliche Organisationen und ihre Fuehrungskraefte in der Sowietische Besatzungszone Deutschlands 1945—1949. Oldenbourg, 1990 ; Klessmann Ch. Die doppelte Staatsgruendung. Deutsche Geschichte 1945—1955. Bonn, 1991 ; Trappe H. Emanzipation oder Zwang? Frauen in der DDR zwischen Beruf, Familie und Sozialpolitik. Berlin, 1995 ; usw.

² Парфёнова Н. М. Так это было // Народное образование. 1995. № 4. С. 106.

³ Trappe H. Emanzipation oder Zwang? S. 47.

⁴ I — «...наши домохозяйки к нововведениям относятся почти агрессивно» и II — «положение со снабжением домохозяек подвергается сильной критике» (Указание исполняющего обязанности начальника Отдела пропаганды УСВА федеральной земли Тюрингия В. С. Бабенко начальникам отделений пропаганды о правилах цензуры газет. 28 ноября 1945 г. //

- Советская военная администрация в Германии. 1945—1949 : политика СВАГ в области культуры, науки и образования: цели, методы, результаты. 1945—1949. М., 2006. С. 103).
- ⁵ Письмо начальника отдела связи УСВА федеральной земли Саксония В. Е. Колесникова начальнику 4 отдела Управления связи СВАГ Н. Ф. Гилеву с просьбой прислать список газет и журналов, запрещенных к пересылке из западных зон в советскую оккупационную зону. 04 апреля 1947 г. // Советская военная администрация в Германии. С. 162—164.
 - ⁶ По организации и деятельности Демократического Союза Женщин см. подробнее: *Broszat M., Weber H. Ibid. S. 691—713.*
 - ⁷ *Парфёнова Н. М.* Указ. соч. С. 106—107.
 - ⁸ *Тимофеева Н. П.* Немецкая антифашистская интеллигенция и советская оккупационная власть в Германии 1945—1949 // Интеллигенция и власть : сб. ст. по материалам конф. «Интеллигенция и власть». М., 1999. С. 147.
 - ⁹ Из стенограммы отчета С. Тюльпанова на заседании комиссии ЦК ВКП (б) по проверке состояния работы Управления пропаганды СВАГ. 16 сентября 1946 г. // СВАГ. Управление пропаганды (информации) и С. И. Тюльпанов : 1945—1949 : сб. док. М., 1994. С. 166.
 - ¹⁰ Из докладной записки А. Панюшкина, К. Кузакова и М. Бурцева А. Жданову о результатах проверки работы Управления пропаганды СВАГ. 11 октября 1946 г. // Там же. С. 189.
 - ¹¹ Записка начальника Главного Политического Управления ВС СССР И. В. Шикина начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) Г. Ф. Александрову об итогах проверки Управления пропаганды СВАГ. 30 марта 1946 г. // Там же. С. 188.
 - ¹² Информационное письмо В. С. Семенова (Информационное письмо № 6 о политическом положении в Германии (1—15 мая 1946 года)). 26 мая 1946 г. // СССР и Германский вопрос, 1941—1949 : документы из Архива внешней политики РФ : в 3 т. М., 2000. Т. 2. 09 мая 1945 — 3 октября 1946 г. С. 524—539.
 - ¹³ Там же. С. 536.
 - ¹⁴ Из докладной записки А. Панюшкина, К. Кузакова и М. Бурцева А. Жданову... С. 186.
 - ¹⁵ Информационное письмо В. С. Семенова. С. 537.
 - ¹⁶ Указание исполняющего обязанности начальника Отдела пропаганды УСВА федеральной земли Тюрингия В. С. Бабенко начальникам отделений пропаганды о правилах цензуры газет. 28 ноября 1945 г. // Советская военная администрация в Германии. С. 103.
 - ¹⁷ Приказ № 25 об организации Совета по идеологическим вопросам издательского дела. 24—25 января 1947 г. // Там же. С. 1156.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

ББК 60.543.132.1

А. М. Баженов, Т. М. Мартынова

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК УЧАСТНИК МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Современное российское общество находится в состоянии определения пути своего дальнейшего развития. В этой связи необходимо вспомнить о том, что в годы перестройки Россией был заявлен курс на органическое вхождение в сообщество западных демократических государств с перспективой вступления в Европейский союз и другие структуры. Наше государство намеревалось перейти к политике полномасштабного сотрудничества с Западом по вопросам нераспространения ядерного оружия, борьбы с терроризмом и наркобизнесом. Россия должна была стать полноправным членом ВТО.

Но не нужно забывать и о том, что западные демократические общества объединяют общие ценности европейской цивилизации. В первую очередь речь идет о таких ценностях, как индивидуальная свобода, частная собственность с гарантиро-

© Баженов А. М., Мартынова Т. М., 2011

Баженов Анатолий Матвеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и политологии Тульского государственного университета. bagulnik79@ Rambler.ru

Мартынова Татьяна Михайловна — кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и политологии Тульского государственного университета. bagulnik79@ Rambler.ru

ванной ее неприкосновенностью, права человека и другие. Их роднит также однотипное социально-экономическое и политическое устройство. Скорее всего, Россия сможет войти в это общество тогда, когда примет такие ценности не на словах, а на деле и соответствующим образом будет выстраивать свою внутреннюю и внешнюю политику. Здесь огромное поле деятельности для отечественной интеллигенции.

Справедливости ради следует заметить, что для движения по названному пути у нашего общества есть определенные основания. В частности, у России имеется демократическая Конституция, она входит в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе, в Совет Европы. Россия подписала и ратифицировала 14-й протокол Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Этот документ открывает возможность для реформы Европейского суда по правам человека. Правда, сделано это было с задержкой в три с лишним года, что не лучшим образом отразилось на имидже нашего Отечества. Положительным моментом можно считать признание Государственной думой катынского преступления со стороны сталинского режима, а также показ по российскому телевидению фильма «Катынь» польского кинорежиссера Анджея Вайды. В этом же ряду необходимо назвать и наличие у российского общества интеллектуального потенциала. Здесь уместно сослаться на мнение польского общественного деятеля Адама Михника (он был участником заседания клуба «Валдай»): «То, что я услышал во время дискуссий на теплоходе, то, что говорили Алексащенко, Кирилл Рогов, Андрей Зубов, Рыжков, Иноземцев, было фантастически интересно! Это была захватывающая дискуссия. Я знал, что в России много людей, способных блестяще мыслить, но чтобы столько!»¹

Значительным фактором, предопределившим модернизацию российского общества, является его социально-экономическое состояние, в том числе разразившийся в конце 2008 г. финансово-экономический кризис. Он убедительно показал, что Россия необратимо включена в мировые хозяйственные связи. Но в то же время у нас падение производства оказалось более глубоким, дефицит государственного бюджета — опаснее, инфляция — более 10 %. Безработица остается на высоком уровне (более 5 млн человек), а валютные резервы сокращаются быстрее, чем это про-

гнозировалось еще недавно. В этой связи часто можно встретить утверждение специалистов о необходимости изменения экономической модели. Способом ее изменения руководством страны объявлено пять направлений модернизации: энергоэффективность, космические, ядерные, медицинские и информационные технологии. Правда, некоторые экономисты замечают, что смена модели развития для России — это не только и не столько поиск направлений технологического прорыва, сколько переосмысление роли «силы» в рыночных отношениях.

Многие эксперты сходятся во мнении, что нужно проводить такую экономическую политику, чтобы, с одной стороны, наполнять экономику деньгами (иначе не будет роста ВВП), а с другой стороны — следить, чтобы дополнительные деньги не оборачивались ростом цен. Для этого деньги должны поглощаться инвестиционным процессом. У нас этого не происходит, иностранные инвестиции в Россию не идут. Инвесторов беспокоит репутация России как исторически нестабильной страны. Так, в первом полугодии 2010 г. прямые иностранные инвестиции в российскую экономику снизились на 11 % по сравнению с аналогичным периодом 2009 г. — до 5,4 млрд долларов². К тому же имидж России за рубежом находится на низком уровне после недавнего приговора Михаилу Ходорковскому, владельцу ЮКОСа, бывшие активы которого составляют основу компании «Роснефть».

Тем не менее, имеются и другие факты. Так, 15 января 2011 г. подписанное соглашение об обмене акциями между «Роснефтью» и британской «British Petroleum» стало новостью первого ряда в европейских СМИ. Мнения обозревателей, политиков и экономистов, в том числе российских, разделились: одни называли это соглашение «игрой в русскую рулетку», другие — «первой сделкой, достойной XXI века». Видимо, наши партнеры исходят из того, что Россия занимает важнейшее положение в глобальной энергетике, сегодня на нее приходится почти пятая часть суточной добычи газа в мире и около 13 % добычи нефти. Правда, министр финансов А. Кудрин видит близость исчерпания возможностей нефтегазовой копилки, за счет которой Россия прожила прежние годы. Он заявил, что в 2009 г. от нефтегазового сектора доходы составляли 17 % ВВП, а в 2020 г. будет всего 13 % ВВП. Однако государственные расходы только

растут. Начаты глобальные проекты: Олимпиада в Сочи, саммит АТЭС на Дальнем Востоке, теперь еще футбольный чемпионат мира в 2018 г. Возможно, в будущем они приведут к положительным экономическим результатам, но пока лишь усугубляют структуру расходов.

Большинство экспертов считает, что причиной столь незавидных результатов является плохой инвестиционный климат в стране. «Имеет место очень сильное недоверие бизнеса к государству, — замечает Е. Ясин. — Я имею в виду не “прикормленных” представителей крупного бизнеса, а большинство средних предпринимателей: их бизнес находится под постоянным давлением со стороны чиновников и силовиков, а права собственности не гарантированы»³.

Кроме того, структурной проблемой, отпугивающей инвесторов, является российская коррупция. В недавно опубликованном рейтинге мировой коррупции, подготовленном Transparency International, наша страна занимает 154-е место из 178, соседствуя с такими государствами, как Папуа — Новая Гвинея, Конго и Таджикистан. Другие эксперты обращают внимание на высокие административные барьеры, возведенные в нашей стране для бизнеса. По меткому выражению бывшего премьера М. Касьянова, у нас «к предпринимателям отношение, как к ворам».

Время, отведенное технологической эволюцией для проведения модернизационных преобразований в России, ограничивается 2020—2025 годами. В случае неудачи, по мнению Н. Кричевского, мы окажемся перед угрозой утраты не только национальной конкурентоспособности, но и в перспективе — территориальной целостности страны⁴. Вызывает беспокойство и то, что у нас нет развернутой программы движения в сторону модернизации, которая включала бы в себя не только цели, но и средства их достижения. Пожалуй, сегодня самый известный наш инновационный проект — это центр в Сколково, который должен стать аналогом Силиконовой долины в США.

В экспертном сообществе высказываются разные точки зрения по поводу модернизации экономики России. Вновь появились предложения о насильственной модернизации. В экономической области предложения подобного рода состоят в том, чтобы, с одной стороны, сократить бюджетные расходы на

социальные нужды с целью направить сэкономленные средства на рост государственных инвестиций, а с другой — усилить давление на бизнес. Кстати, с 1 января 2011 г. вместо единого социального налога, ставка которого составляла 26 %, работодатели будут платить в три социальных фонда, включая пенсионный, в общей сложности 34 % от фонда заработной платы⁵. По мнению некоторых аналитиков, эта мера будет ударом в первую очередь по малому и среднему бизнесу.

В то же время власти пока твердо заявляют, что, несмотря на кризис, не откажутся от поддержки бюджетников, малоимущих, пенсионеров. Но в 2010 г. зарплаты бюджетников не индексировались. Например, зарплата доцента университета в месяц составляет примерно 10 тыс. рублей. На 2011 г. запланирована индексация в объеме 6,5 %. На индексации в 2012 и 2013 гг. денег нет⁶. Правда, трансферт Пенсионному фонду в 2011 г. составит 2 триллиона рублей⁷. Однако для проведения подобной политики необходимо оживить экономику на основе новейших технологий, чтобы она давала больше денег в бюджет. Но серьезных результатов на этих направлениях пока не видно. Более того, после окончания мирового кризиса резко ужесточатся условия конкуренции на мировых рынках, поэтому он вынуждает многие страны повысить эффективность своей экономики. По утверждению отечественных экспертов, Россия остается пока в стороне от этого процесса.

Конечно, инициаторам модернизации российского общества придется считаться с нашей повседневностью. Две трети населения живут в малых городах и деревнях. У них нет ресурсов и никаких счетов даже в Сбербанке. Люди, как правило, живут от получки до получки, и у них нет возможностей из этого положения выбраться. Статистический комитет СНГ и Счетная палата РФ недавно опубликовали данные, в соответствии с которыми 10 % наиболее обеспеченных российских граждан почти в 17 раз богаче 10 % самых бедных. По этому показателю Россия опередила таких своих соседей, как Казахстан (там разрыв составляет 5,3 раза), Белоруссию (5 раз) и Украину (9 раз). В странах Европейского союза этот разрыв до кризиса находился на уровне 6—8, в последние два года понизился до 5—6 раз. В России на долю 10 % самых богатых граждан приходится 30,5 % общего объема денежных доходов населения, а на долю 10 % самых бедных — лишь 1,9 %⁸.

Видимо, здесь мы перешли порог социальной безопасности. Тем не менее, эта малообеспеченная группа граждан является основным электоратом партии власти, обеспечивает поддержку существующему политическому режиму. По последним опросам Левада-центра, среди тех, кто решил идти на выборы 2011 г., голосовать за «Единую Россию» готовы 41 %. При низкой явке (участвовать в выборах намерены менее 50 % избирателей) это означает, что она получит около 60 % голосов⁹. Положительные изменения в социальной сфере происходят в ограниченной среде крупных городов, где сосредоточена самая образованная, активная и обеспеченная часть общества. Здесь люди вписаны в гораздо более открытые системы отношений.

В то же время следует помнить и о том, что развитие экономики возможно только в совокупности с трансформацией политических институтов. По мнению многих аналитиков, нынешний кризис со всей ясностью показал, что сложившаяся в 2000-е гг. в России политическая система достаточно консервативна, так как сопротивляется собственным изменениям. Она представляет собой социальный институт, одной из функций которого является сдерживание, блокирование или даже парализация развития других подсистем общества, включая экономику, науку, образование, коммуникации, гражданское общество, публичную сферу жизни. Об этих аномалиях говорят такие деятели российской науки и культуры, как Б. Акунин, Л. Ахеджакова, Л. Гудков, Л. Парфенов, В. Познер, З. Прилепин, А. Пумпянский, Ю. Рыжов, Б. Стругацкий, Л. Улицкая, Н. Фатева, Л. Шевцова, Ю. Шевчук, В. Шендерович и другие.

На необходимость укоренения в российском обществе демократических ценностей обращают внимание и партнеры из Европейского союза. Сейчас в повестке дня наших отношений находится историческая инициатива — Партнерство для модернизации, предложенное в ноябре 2008 г. на саммите ЕС — Россия в Стокгольме и закрепленное в совместном заявлении 1 июня 2010 г. в Ростове-на-Дону. Эта же тема была предметом переговоров президента Д. Медведева и руководителей Евросоюза 7 декабря 2010 г. в Брюсселе. Европа готова помочь России в модернизации, но понимает это не только как передачу технологий и ноу-хау, а выступает за широкий подход. Друзья из Ев-

ропы подчеркивают важность демократических ценностей и власти закона. Это касается судебной системы, борьбы против коррупции, диалога с гражданским обществом.

Как известно, смысл демократии состоит в выявлении, представительстве и учете позиций разных социальных групп, в такой системе государственных институтов, которая формирует политику как компромисс. В этом же ряду необходимо назвать свободные и состязательные выборы, реальную многопартийность, действительное разделение властей по вертикали и горизонтали, самостоятельный и влиятельный парламент, независимый суд. К сожалению, эти демократические ценности слабо укореняются в нашем обществе. По данным Левада-центра, почти 40 % граждан считают, что Россия развивается в сторону демократии, а 47 % утверждают при этом, что настоящей демократией в нашей стране и не пахнет¹⁰.

Как подчеркивают многие специалисты, возвращение к привычной патерналистской модели взаимоотношений с государством принято подавляющим большинством российского общества. В то же время некоторые сдвиги в сторону социальной модернизации все-таки происходят. Накопленный опыт жизни в условиях индивидуальной свободы и рыночной экономики способствует появлению нового слоя людей, которые умеют принимать решения и брать на себя ответственность. По оценкам Левада-центра, в этот модернизированный слой попадают 4—6 % населения¹¹. В его состав входят люди с хорошим образованием, относительным достатком, информированные, с широким кругозором и трезвым мышлением.

Целый ряд знаковых событий, произошедших в России в последнее время, реакция на них со стороны власти вызывают обеспокоенность у нашей общественности. В частности, речь идет о таких событиях, как строительство «Охта-центра» компанией «Газпром» в Санкт-Петербурге (9 декабря 2010 г. В. Матвиенко заявила о решении перенести возведение башни из центра города в другое место); прокладка автомобильной дороги Москва — Санкт-Петербург через Химкинский лес; акция «Стратегия-31» на Триумфальной площади в Москве; административный арест на 15 суток бывшего вице-премьера Б. Немцова за участие в разрешенном митинге на Триумфальной

площади 31 декабря 2010 г.; второй процесс и приговор 30 декабря 2010 г. Хамовнического суда по делу руководителей ЮКОСа М. Ходорковского и П. Лебедева; трагическая гибель в тюрьме юриста компании «Hermitage Capital» Сергея Магнитского 16 ноября 2009 г.; смерть предпринимателя Веры Трифоновой в следственном изоляторе; неготовность региональных и федеральных руководителей к пожарам, которые произошли летом 2010 г. в Центральной России; массовое убийство в станице Кушевская и в Ставрополе; зверское избиение корреспондента газеты «Коммерсант» Олега Кашина; события на Манежной площади в Москве 11 декабря 2010 г. Можно по-разному относиться ко всем перечисленным фактам, но вывод напрашивается один: это не соответствует демократическим ценностям и модернизации российского общества.

Конечно, все происходящее можно объяснить нашей историей, обстоятельствами, воспитавшими отсутствие личного достоинства, татаро-монгольским игом, крепостным правом, советским тоталитаризмом и т. д. В этой связи следует сослаться на исследование социолога Н. Лапина, который полагает, что соотношение современных и традиционных ценностей не является роковым препятствием для модернизации российского общества. Он считает, что наиболее значимым тормозом модернизации является отсутствие сетевых институтов саморазвития, прежде всего инновационных¹². С мнением ученого нельзя не согласиться.

Таким образом, процесс модернизации российского общества во многом предопределяется участием в нем отечественной интеллигенции.

Примечания

¹ *Михник А., Липский А.* «Встреча с Путиным была настоящим спектаклем» // Новая газета. 2010. № 100. С. 6.

² *Дубинин С., Докучаев Д.* «Ослабление рубля не станет вселенской катастрофой» // The New Times. 2010. № 37. С. 32.

³ Цит. по: *Грозовский Б., Докучаев Д.* Деньгам не подходит климат // Там же. № 40. С. 28.

⁴ *Кричевский Н.* Ретроинноград // Новая газета. 2010. № 117. С. 8.

⁵ *Полухин А.* Бизнес как полезное ископаемое // Там же. № 133. С. 10.

- ⁶ *Алексащенко С.* Суверенный капитализм с нечеловеческим лицом // Там же. 2010. № 114. С. 8.
- ⁷ *Гонтмахер Е.* Тест на «социалку» // The New Times. 2010. № 33. С. 39.
- ⁸ *Водянова М., Докучаев Д.* Проверка на разрыв // Там же. № 40. С. 24.
- ⁹ *Гудков Л.* Государство оказывает избирателям ритуальные услуги // Новая газета. 2010. № 117. С. 10.
- ¹⁰ *Ильичев Г.* Свободные люди в несвободной стране // Там же. № 141. С. 10.
- ¹¹ Страна односторонней связи // Огонек. 2010. № 48. С. 18.
- ¹² *Лапин Н. И.* Ценности «сохранение-открытость изменениям» и сетевые инновационные институты // Общественные науки и современность. 2009. № 5. С. 45—50.

ББК 60.543.132.1

Ю. Г. Юшкова-Борисова

НОВЫЕ АСПЕКТЫ ВЛИЯНИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НА РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

Вопрос о судьбе и роли отечественной интеллигенции никогда не уходил из повестки дня общественной дискуссии в России. В нашей стране это было всегда чем-то большим, чем вопрос о характеристиках одного из социальных сообществ или профессиональных корпораций. Дело в том, что, помимо рационально-аналитического дискурса, в проблематике российской интеллигенции неизбежно присутствуют дискурс политико-идеологический и морально-этический. Согласно стойкой традиции её не принято обсуждать без апелляций к теме нравственной миссии, исторического призвания, духовных исканий в широком диапазоне вплоть до религиозно-мистических коннотаций.

© Юшкова-Борисова Ю. Г., 2011

Юшкова-Борисова Юлия Геннадьевна — кандидат философских наук, научный руководитель некоммерческого партнерства политического консультирования и гуманитарных исследований «Мера» (Н. Новгород). usb@mera-expert.ru

В данной статье автор предпочитает сосредоточиться на социологических аспектах проблем современной российской интеллигенции, опираясь, прежде всего, на собственную исследовательскую практику последних лет. Экспертный центр «Мера» в последние годы осуществил несколько исследовательских проектов, которые дали обширный материал для анализа современного состояния интеллигенции, социальных групп и слоев, традиционно относимых к этой категории. Исследования касались различных внутренних и внешних аспектов воспроизводства и жизнедеятельности этих групп, их гражданской и социальной роли, профессиональных, корпоративных и иных проблем. Полученные данные позволяют по-новому посмотреть на настоящее и будущее российской интеллигенции.

Разумеется, автор не может совсем отойти от другой стойкой российской традиции: исследовать и обсуждать вопрос об интеллигенции в пессимистическом и скептическом ключе. Тем более что современная действительность дает немало поводов поговорить о «конце русской интеллигенции» или ее роковом перерождении в нечто иное. А любой социальный исследователь сам является частью той среды, где и происходят эти процессы, и не может быть свободен от личных, субъективных впечатлений.

Одно из таких впечатлений, красноречивое и симптоматичное, осталось у группы исследователей, объединенных «Мерой», от семинара «Интеллектуально-активная Россия», который в июне 2008 года провел в Нижнем Новгороде московский фонд «Наследие Евразии» при поддержке Общественной палаты. Этот семинар был замечателен тем, что в отличие от многих, слишком многих научных дискуссий коллективный разум собрания породил новое научное знание или, по крайней мере, указал направление его результативных поисков. Говорили о российской интеллигенции как о социальной страте, о ее судьбах в прошлом и настоящем и о том, что ее ждет в будущем¹.

С подачи профессора Натальи Гронской присутствующие пришли к выводу, что животрепещущие ранее вопросы «Что делать?» и «Кто виноват?» отпали сами собой, и вовсе не потому, что был получен исчерпывающий ответ, а потому что появился новый — горький — вопрос: «Куда же мы пойдём?». Этот вопрос

в свое время был задан преподавателями одного из вузов Нижнего Новгорода — им без предупреждения урезали выплаты, которые они считали своим постоянным доходом, — своей коллеге, предложившей в знак протеста коллективно уволиться.

Вопрос, куда же пойдет в том или ином случае и куда в реальности движется российская интеллигенция, действительно является основным, и не только для самой интеллигентской страты.

Принято считать, и не без оснований, что интеллигенция России всегда отличалась от западных интеллектуалов широтой своего состава. В него традиционно включали не только интеллигенцию творческую и научную, но также и учительство, и медицинских работников. Слегка обособленной, но мощной — а в советский период превратившейся в массовую и едва ли не доминирующую — составляющей страты была интеллигенция техническая. И при всей условности, подвижности интеллигенция всегда была достаточно определенным социальным образованием с набором устойчивых признаков, воспроизводящихся даже при радикальной смене политических режимов и социально-экономических укладов на протяжении как минимум полутора столетий. Социальные аналитики могли без конца спорить о границах и критериях принадлежности тех или иных групп к интеллигенции, но никто не ставил под сомнение само ее существование как самодостаточной и оригинальной общественной страты.

Сейчас же возникает сильное ощущение, что границы интеллигенции размываются, сама страта рассыпается, рассыдается, перестает быть некой самостоятельной частью общества, имеющей свой нравственный кодекс, образ жизни, свои основные жизненные вопросы.

Одна из причин заключается в следующем: область «интеллигентского» труда постепенно компьютеризируется, информатизируется, сужается до чисто профессиональной, из нее вымывается пропагандистско-просветительский элемент. Раньше этот элемент существовал, потому как именно интеллигентская страта переносила информацию, осуществляла смычку, цементировала разрыв между узкой высшей стратой и широко представленными низшими. «Петру удалось на века

расколоть Россию на два общества, два народа, переставших понимать друг друга. Разверзлась пропасть между дворянством (сначала одним дворянством) и народом (всеми остальными классами) — та пропасть, которую пытается завалить своими трупами интеллигенция XIX века», — писал русский философ XX века Г. Федотов².

Сейчас доведение позиции высшей, управляющей государством страты до всего населения проходит через СМИ, анализ процессов в управляемых стратах происходит с помощью социологических инструментов, интеллигенция же сосредоточилась на своих все более усложняющихся собственно профессиональных задачах и на компенсации все более и более выпадающих доходов и общественных предпочтений. Ее труд оплачивается и котируется теперь в соответствии с профессиональными, и только, обязанностями.

На встрече, упомянутой вначале, обсуждался вопрос производства смыслов, которыми живет общество. По мнению собравшихся, именно интеллигенция их ранее производила и она же занималась их тиражированием, упаковывая в доступные образовательные и культурные формы. Сейчас вопрос производства идей, притока интеллектуальной энергии стоит чрезвычайно остро, но вряд ли можно ожидать, что ряд необходимых интеллектуальных перестроек осуществит именно интеллигенция.

Уже почти произошедший распад интеллигенции как однородного социального слоя на специалистов и интеллектуалов-профессионалов не оставил внутри общественной структуры жизненного пространства, где бы энергия рождалась и умножалась, откуда бы шли новые смыслы и ценности. Расслоение интеллигенции на интеллектуалов и специалистов также было обусловлено развитием знания и технологий — в связи с резким увеличением потока специальной профессиональной информации, с многократным увеличением объема информации, которая требуется для каждодневной работы специалистов «интеллигентских» профессий (врачей, учителей, инженеров и т. д.). Именно в связи с развитием технологий произошел рост объема интеллектуальной работы, которую должен делать рядовой специалист. Сейчас врач или инженер должен знать так много и

думать о своей работе так много, что на выполнение традиционных «интеллигентских» общественных функций — осмысление судьбы страны, участие в общественной жизни — у него уже не остается ни физических возможностей, ни сил. Произошло еще одно обычное разделение труда, которое всегда случается при технологическом развитии.

Рассмотрим эту ситуацию на примере художественного творчества. Слой людей искусства, ранее активно производивший смыслы, особенно это относится к российским литераторам, теперь почти устранился от этой общественной обязанности. Дело в том, что ранее, еще тридцать-двадцать лет назад у произведенных новых идей был свой массовый потребитель, та самая интеллигенция. Соответственно труд по производству новых жизненных смыслов и установок, оформленных в символы искусства, был оплачен — разумеется не только деньгами, но и социальными льготами и общественной престижностью — через потребление предметов и форм искусства. Потребленный в виде символа смысл обдумывался, и если он принимался, то передавался, тиражировался, становился новой нравственной ценностью. Задачу распространения, осмысления и тиражирования упрощало также то, что был усреднен образ жизни всех граждан страны, уровень потребления, экономические условия. Перед многими людьми стояли практически одинаковые жизненные проблемы и задачи.

Теперь же все иначе. Вместе с тем, что пропал массовый потребитель новых жизненных смыслов — интеллигенция, условия жизни в стране настолько разные, что даже люди одной профессии, закончившие один и тот же вуз, но проживающие в разных частях страны, оказываются в совершенно разных жизненных условиях, проблемы и задачи у них совершенно различны.

Очевидно, именно поэтому так популярен во многих видах искусства и коммерчески успешен жанр фэнтези, позволяющий отвлечься от столь мозаичной реальности и вернуться к обсуждению вечных проблем добра и зла. Поэтому набирает вес и современное искусство, которое почти полностью отказывается от общественно-нравственных поисков, сосредотачиваясь на глубинных переживаниях отдельной личности или эстетских экспериментах.

Эти процессы нашли отражение в результатах большого исследовательского проекта под названием «Три театра», который в 2006—2007 годах был осуществлен группой Некоммерческого партнерства политического консультирования и гуманитарных исследований «Мера» в коллективах и зрительских аудиториях двух театров Нижегородской области и одного театра в Пермском крае³. В процессе работы была отмечена общая черта той части российской интеллигенции, которой еще не коснулась модернизация: небогатых сельских школ, сельских больниц, домов культуры, театров — служение своему делу на рабочем месте. Подобное отношение к работе встречалось, в основном, у представителей старшего поколения. Люди, «трудясь не за деньги», проводят на работе большую часть своей жизни. Можно сказать, что в этой сфере, в противоположность офисному планктону, работают люди счастливые, но недовольные жизнью. Счастливы они, потому что занимаются тем делом, которое позволяет им самовыражаться и уважать себя, а недовольны потому, что им за это мало платят.

Один из сотрудников театра в интервью подчеркивал: «Государство наше, правительство низвели понятие “артист” до минимума социального положения. Когда я сажусь в троллейбус и вижу, что им требуется кондуктор или вагоновожатый — до 15 тысяч в месяц — мне становится стыдно. У нас народный артист, который закончил музыкальную школу, музыкальное училище, консерваторию, наконец принят в театр, прошел путь большой, исполняет такие партии — и получает столько, сколько кондуктор»⁴.

Однако благородная жизненная позиция служения часто приводит к печальным результатам. Очень важная для всего социума работа становится сферой самовыражения и самореализации группы людей, сплоченных рабочим коллективом. Качество предоставляемой услуги, медицинской и образовательной, духовного продукта при этом мало регулируемо, оно отдано на откуп тем, кто «служит». Это вызывает определенное возмущение тех, кому служат: «...здесь, в силу каких-то традиционных установок, впитанных с незапамятных времен, они не вздрагивают, даже когда видят 90-килограммового Ленского или

50-летнюю Татьяну, возраст которой без труда можно определить даже с 19-го ряда, не говоря о 9-м».

Один из экспертов в области театрального искусства в интервью отмечал: «Ну, предположим, я некий импресарио. Ну поехали за границу съездим, вы будете получать гонорар, а не те деньги, которые вам платят как заработную плату. А что вы покажете? Вас можно что, продавать? Вот, извините, этот оркестр?»⁵

Слом ситуации в пользу повышения качества в этом случае практически невозможен. Привыкшие работать так, как они сами для себя определили, будучи уверенными в том, что этот уровень качества труда лучший из возможных, работники бюджетной сферы часто не могут работать иначе. Это большая проблема. Так, один из сотрудников театра в интервью высказал следующую мысль: «...я не думаю, что если бы у нас кому-то из исполнителей платили больше или меньше, он стал бы лучше или хуже петь. Это в общем-то как бы не влияет, потому что человек выходит, он понимает, что пришли зрители, и он поет для них, максимально, насколько он может это сделать»⁶.

В сферах образования и медицины часто подобная позиция усугубляется наличием коррупционных практик. Сфера культуры, как правило, от них свободна, люди живут на зарплату, и это до определенной степени их оправдывает.

Возвращаясь к основной проблеме — производству смыслов, нельзя не упомянуть возникшее новое сообщество, блогосферу. Блогосфера, набирающая вес, фиксирует действительность, осмысляя на средовом уровне каждый ее отдельный кусочек. Каждый из блогеров выражает свое отношение к происходящему, появляется некое мнение группы. Насколько это мнение соответствует мнению большинства страны — неясно. Частично блогосфера воспроизводит в электронном варианте знаменитые российские интеллигентские «кухни», где собирались и говорили о смысле жизни. Но если на кухнях ранее обсуждались публикации в «Новом мире» или спектакли «Современника», которые из мозаики действительности собирали единый образ, вычленяли тренд и предлагали выход из ситуации, то сейчас идет стихийное обсуждение фактов.

Люди, облеченные властью, реагируют на изложение фактов. В частности, именно интернет-блоггеры, выкладывающие в сеть информацию и видео ДТП с участием сотрудников МВД, стимулировали объективное расследование происшествий. Можно думать, что широкое обсуждение деятельности МВД способствовало началу реформ министерства. Однако блогосфера не предложила принципов реформ. И не могла их предложить, потому как пестрый состав ее членов и не предполагает ничего подобного. Блогосфера дает оценки, но не производит смыслов.

Почти то же самое происходит с телевидением. Оно должно быть коммерчески успешным, найти своего зрителя и предложить то, что ему интересно. Предположим, что зритель хочет осмысления окружающей действительности. Но такое осмысление должно быть представлено массовому зрителю на понятном ему языке и доступном интеллектуальном уровне, хотя вряд ли интеллектуальные инновации можно сделать общедоступными.

Слой профессиональных интеллектуалов необходимого уровня в России не сложился, и пока нет тенденций к его формированию. Ситуация в оставшихся от советских времен институтах Академии наук неясна и требует отдельного изучения. Фактически, слой ученых мало влияет на происходящее в стране. Вполне возможно, что внутренняя корпоративная, профессиональная культура научных сообществ глушит идейные инновации.

Не решен вопрос источников, ресурсов существования изобретателей идей и смыслов. На Западе интеллектуальные работы во многом связаны с благотворительными источниками и университетами, которые либо имеют собственные фонды, либо являются объектами благотворительности. В России с благотворительностью плохо в целом, тем более плохо с благотворительной поддержкой науки. Университеты все более и более начинают представлять из себя очень специфические образования коммерческого толка. Между тем уровень запросов и обязательств даже среднего человека уже достаточно велик для того, чтобы такой сугубо интеллектуальной деятельностью можно

было заниматься бесплатно (сегодня никто не может позволить себе жить в бочке). С другой стороны, интеллектуальная деятельность уже достаточно сложна и затратна, чтобы ею можно было заниматься на досуге.

На ситуацию влияет то, что в России не сложились знаки отличия, маркеры общественной успешности интеллектуалов. Научные степени и звания говорят об успешности профессиональной, корпоративной, но не общественной. Не оформились и устойчивые правила конкуренции между интеллектуалами. Сложилась парадоксальная ситуация, когда маркером успешности становится консультирование властных структур. Казалось бы, власть должна принимать консультационные услуги самых значимых профессионалов, а не наоборот, значимым профессионалом с доступом к ресурсам становится тот, кто какими-то действиями смог привлечь внимание власти.

К сожалению, может быть так, что привлечение заинтересованности и ресурсов происходит за счет того, что людям, принимающим решения, преподносятся обоснования именно тех решений, которые они и собираются принимать. По мнению ученых, сейчас идет общее снижение достоверности науки: «Вообще, надо сказать, за последние годы наука во всем мире изменилась в сторону потери достоверности, и виной тому — грантовая система. Чтобы человеку дали грант, он должен приукрасить свои достижения и предоставить планов громадьи. Приходит время отчитываться — и отчитываются, сочиняя, вплоть до подтасовки экспериментальных результатов. Возникает замкнутый круг — чтобы дали грант, надо в той или иной степени писать туфту. Чтобы отчитаться — опять писать туфту, иначе не дадут следующий грант. А потом такие ученые начинают глубокомысленно рассуждать: “Что же у нас? Потепление? Похолодание? Когда следующее? Влияет ли человек?” Так что на науку особо уповать не стоит и ждать открытий — тоже (у нас, по крайней мере). За последнее время открытием прославился только математик Перельман, да и то, вероятно, открыл, потому что со странностями»⁷. В приведенном высказывании речь идет о точных науках. Что же тогда говорить о науках общественных, известных своими возможностями для проявлений предвзятости и ангажированности.

Объем знаний, накопленных человечеством, уже давно перевалил за рамки возможностей человеческой памяти и продолжает увеличиваться самым стремительным образом. Отдельный человек все накопленное знание усвоить уже не может, во всяком случае, с помощью общепринятых и распространенных методов обучения и запоминания информации. Люди, принимающие решения, столкнувшись с объективной невозможностью самостоятельно усвоить необходимый им для принятия решений материал — с одной стороны, и с недоверием к качеству консультантов-специалистов — с другой, вызванным той самой недостоверностью, сознательно сокращают поток информации, который уже плохо поддается оформлению и навигации. В этой ситуации естественным психологическим решением становится выбор консультанта, который предлагает ожидаемую информацию⁸. Гуманитарные исследования в таком случае нужны не для получения новой информации, а для научного подтверждения собственной правоты и хорошей работы. (Зачем управленцу тот интеллектуал, который своими знаниями поставит под сомнение его работу?)

Проблема сортировки информации уже решается и скоро решится со сменой поколений: дети поколения «i», то есть iGeneration, Internet Generation, цифровое поколение, как назвал его Ларри Розен, профессор психологии Калифорнийского университета, уже «поняли, что получить доступ к данным важнее, чем их запомнить. Они привыкли к тому, что информации слишком много, чтобы внимательно изучить ее всю, и важно уметь найти нужный сейчас кусок и суметь его использовать»⁹. Хуже обстоят дела с достоверностью. Единственным и еще никем не отмененным способом проверки истинности знания является практика. Но вот тут и кроется самая большая проблема — проблема оценки результатов. В свое время и коллективизация, и тотальное осушение болот, и программа переселения неперспективных деревень, и орошение степей Приаралья были признаны успешными проектами. Страну едва не постиг такой проект, фантастический по силе безумия, как поворот северных рек, последствия только начала работ по которому могли разрушить экологию половины

страны. Если все так неоднозначно даже с практическими делами, то что говорить об общественной и тем более интеллектуальной сфере.

Между тем управляющими элитами страны остро ощущается необходимость смысловой модернизации. Время от времени речь идет о создании национальной идеи или даже «объединяющей наднациональной идее»¹⁰, которая даст России шанс вырваться в мировые лидеры. Однако сама по себе новая национальная или мировая идея вряд ли способна быть определяющим энергетическим зерном. Она должна быть востребована, понята и принята конкретными людьми в конкретных обстоятельствах, использована как руководство к действию в реальной жизни, то есть население страны в целом должно быть готово к восприятию новых идей. Однако, оставшись без «окормления» интеллигенцией, в ситуации подрыва авторитета учителя, артиста, писателя и врача, массы с определенной подозрительностью относятся к идейным новациям.

Все вышесказанное говорит о том, что вопрос роли интеллигенции в современной жизни российского общества остается открытым, и от того, куда же пойдет интеллигенция, в сторону дальнейшего самоустранения или же в сторону повышения качества собственного труда и роли его результатов в жизни общества, зависит будущее страны.

Примечания

¹ Макарычев А. С. Интеллектуально активные // Новая газета : региональная вкладка «Новая газета в Нижнем Новгороде». 2008. № 43 (1361). 19—25 июня.

² Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции // Федотов Г. П. Судьба и грехи России : избранные статьи по философии русской истории и культуры : в 2 т. СПб., 1991. Т. 1. С. 80.

³ Названия театров в данной статье умалчиваются в связи с пожеланиями их руководителей, являющихся заказчиками. Исследование проводилось с октября 2006 г. по декабрь 2007 г. и включало в себя: 1) цикл глубинных социологических интервью с руководителями и сотрудниками театров и внешними экспертами в области театрального искусства Нижегородской области и Пермского края;

- 2) сбор, систематизацию, операционализацию и многофакторный контент-анализ документов, содержащих информацию о внутренних и внешних факторах и условиях деятельности театра;
- 3) цикл фокусных групп с представителями зрительских аудиторий театров.
- ⁴ Материалы экспертных интервью, из интервью с сотрудником театра.
- ⁵ Материалы экспертных интервью, из интервью с экспертом в области театрального искусства.
- ⁶ Материалы экспертных интервью, из интервью с сотрудником театра.
- ⁷ Из интервью с научным сотрудником одного из институтов АН РФ (мужчина, кандидат наук, 45 лет). Из личного архива автора.
- ⁸ Это подтверждается собственной консультативной практикой автора. Консультируемый гораздо легче принимает те данные, которые подтверждают его собственную точку зрения, в этом случае достоверность процедуры никогда не оспаривается. Если же в процессе исследования была получена новая информация, то консультируемый начинает сомневаться в ее правдивости, несмотря на то что она может объяснять причины возникновения его проблем, т. е. он действует, как правило, нелогично. Заплатив за получение нового знания, он часто его отторгает, особенно если это знание разбивает его точку зрения.
- ⁹ Цит. по: *Константинов А.* Поколение быстрых кнопок // *Русский репортер*. 2010. № 11 (139). С. 66.
- ¹⁰ *Матвейчев О.* Российские бизнесмены сильны только в искусстве быть вторыми // *Деловой квартал*. 2010. № 13 (137). С. 12.

ИСТОРИОГРАФИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ББК 63.3(2)5-283.2

В. В. Возилов

ПРОБЛЕМА ПОДРАЖАНИЯ ЕВРОПЕ В СПОРАХ РУССКИХ ИНТЕЛЛИГЕНТОВ XIX ВЕКА

Проблема «европейничания» (подражания Европе) русской интеллигенции не теряла своей актуальности на протяжении всего XIX века и занимала важное место в общественных дискуссиях, являлась отражением отдельных элементов других общественных споров: о патриотизме интеллигенции, путях развития страны, роли интеллигенции в преобразовании русского общества.

Анализируя общественные дискуссии XVIII века, следует признать то, что проблема подражания Европе не рассматривалась интеллигентами этого времени. Усвоенное европейское образование и образ жизни были приняты интеллигенцией как данность, не требующая обоснования. По мнению Л. Д. Троцкого, русская интеллигенция в начале XVIII века стала новым слоем, «национальным щупальцем, продвинутым в европейскую культуру»¹. Петровские преобразования создали условия для замены религиозного мировоззрения научно-философским, привели к усилению светского сознания и проникновению на русскую почву европейских идей (вначале европейского рационализма, позже идей Просвещения).

© Возилов В. В., 2011

Возилов Владимир Владимирович — кандидат исторических наук, директор МУК «Шуйский историко-художественный и мемориальный музей имени М. В. Фрунзе» г. о. Шуя, депутат Думы г. о. Шуя 5-го созыва. vozilov@list.ru.

Важным этапом развития русской интеллигенции стало появление отряда либерально-западнической интеллигенции, увлеченной идеями европейского Просвещения. Однако патриотизм, желание возвысить свое Отечество, любовь к родине были одинаково близки как масонам-западникам, так и русским традиционалистам того времени. Ссылки же на опыт европейских стран являлись исключением. В конце XVIII века в России либерально-западническая и традиционалистско-консервативная интеллигенция не имели определенных идеологических концепций. Как внутри, так и между ними по некоторым вопросам существовали и противоречия и единство. Например, личность Петра Великого имела непререкаемый авторитет (и только кн. М. М. Щербатов указывал на некоторые недостатки его преобразований), а развитие России не противопоставлялось европейскому (но уже М. В. Ломоносов отмечал алчный характер буржуазного развития) и т. п.

Отношение к Европе показательно в мировоззрении консервативной интеллигенции. Князь М. М. Щербатов предопределил основные положения русского консерватизма: противопоставление двух этапов исторического развития (до Петра I и после), возврат к традиционной вере, особое видение возможных преобразований, возражение против безоглядного заимствования у Запада и т. п. В начале XIX века Н. М. Карамзин — издатель, редактор и автор «Вестника Европы» неоднократно обращался к актуальным проблемам своего времени, например негативно оценил результаты Французской революции. В записке «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» (1811 г.) он отрицал любую возможность конституционных реформ, поскольку в России нет механизмов для подобных преобразований.

Отношение к опыту европейского развития меняется в начале XIX века. М. С. Лунин в «Разборе донесения тайной Следственной комиссии государю императору в 1826 году» отмечал, что становление общества декабристов происходило исключительно в рамках конституционных идей, чему способствовали события в Европе и позиция Александра I². По мнению советских исследователей, декабристское движение самым тесным образом связано с европейским освободительным движением

первой четверти XIX века, хотя по характеру оно было национальным («патриотическим»)³. Это не помешало декабристам, большинство из которых отрицали опыт Французской революции, ориентироваться на военную революцию в Испании, а строительство общества вести по образцу тугендбунда, карбонариев и масонских лож.

Изменение общественно-политической ситуации в России во второй четверти XIX века привело к тому, что в 1830—40-е годы оформились два основных направления общественной мысли, именуемые западничеством и славянофильством. Понятия эти в целом достаточно условные, поскольку обозначают социально-философские течения мысли, включавшие людей разных убеждений. Так, к западнической интеллигенции принадлежали как радикалы (А. И. Герцен, В. Г. Белинский и др.), так и либералы (Н. В. Станкевич, Т. Н. Грановский, Н. Ф. Павлов и др.).

Одним из ярких представителей российского западничества считается медиевист Т. Н. Грановский (1813—1855), политическим идеалом которого была конституционная монархия, воплощенная в английском политическом строе. Т. Н. Грановский, являвшийся признанным лидером русских западников, не был поклонником «европейских» порядков и «европейской» культуры. При этом он не разделял идей славянофилов. По его мнению, Россия должна идти вперед, с равным презрением внимая «и клеветам иноземцев, которые видят в нас только легкомысленных подражателей западным формам, без всякого собственного содержания, — и старческим жалобам людей, которые любят не живую Русь, а ветхий призрак, вызванный ими из могилы, и нечестиво преклоняются перед кумиром, созданным их праздным воображением»⁴.

Одним из представителей русского западничества традиционно считается И. В. Киреевский, который в 1832 году начинает издавать журнал «Европеец», закрытый после выхода второго номера. В центре внимания журнала оказался вопрос о просвещении России, характере европейской образованности, возможности западного влияния на русскую жизнь. Свои идеи Киреевский изложил в программной статье «Девятнадцатый век». Во второй части статьи, так и не опубликованной, он писал, что просвещение России только начинается, а главный недостаток обра-

зованности происходит от недостатка связи с классическим миром. Для него просвещение — в истинном смысле этого слова — есть не отдельное развитие отечественной особенности, но участие в общей жизни просвещенного мира: «Вот отчего просвещение каждого народа измеряется не суммою его познаний, не сожнутым развитием его национальности, не утонченностью и сложностью той машины, которую называют *гражданственностью*, но единственно участием его в просвещении всего человечества, тем местом, которое он занимает в общем ходе человеческого развития»⁵. И. В. Киреевский выступал против мнения, что Петр дал ложное направление русской образованности, заимствуя ее из просвещенной Европы, а не из развития отечественного быта. Еще более резко свой взгляд на заимствование европейской образованности Киреевский выразил в статье «Горе от ума»: «Там, где *общевропейское* совпадает с нашею *особенностью*, там родится просвещение истинное русское, образованно-национальное, твердое, живое, глубокое и богатое благодетельными последствиями»⁶. Столь прямолинейные высказывания стали причиной закрытия журнала. Следует отметить, что идеи Киреевского, как и ранее идеи Чаадаева, были слишком прямолинейно истолкованы многими современниками.

В последующие годы, несмотря на определенные разногласия, начинается сближение Киреевского со славянофилами; в 1845 году он возглавит «Москвитянин». В статье «В ответ А. С. Хомякову» на статью Хомякова «О старом и новом» (1839 г.) Киреевский писал: «Сколько бы мы ни были врагами западного просвещения, западных обычаев и т. п., но можно ли без сумасшествия думать, что когда-нибудь, какою-нибудь силою истребится в России память всего того, что она получила от Европы в продолжение двухсот лет». При этом, не Россия достигнет образованности, заимствуя ее на Западе, а наоборот: Запад, если бы он «изучил нашу церковь поглубже», пришел бы к убеждению, «что в ней совсем неожиданно открывается именно то, чего теперь требует просвещение Европы»⁷. Эти идеи сближают Киреевского с позднейшими умозаключениями Чаадаева. Таким образом, Иван Киреевский займет важную в эволюции русской интеллигенции идейную позицию: оставаясь русским мыслите-

лем, он искал сближения традиций европейской образованности и особенностей отечественного исторического развития.

Концепция славянофилов предполагала самостоятельное развитие России и видела особую роль славянского мира в историческом развитии Европы. Она противостояла идеям либеральной и радикальной интеллигенции 1830—40-х годов, ориентированной на достижения современной ей европейской цивилизации и новейшие социально-экономические и философские теории Запада. А. И. Кошелев писал, что идеи славянофилов «должны были возвратить нашу отчасти слишком высоко и отчасти слишком униженно о себе мыслящую интеллигенцию на настоящую родную почву»⁸. Славянофилы не столько противостояли Западу, сколько призывали пользоваться достижениями Европы с учетом российских национальных особенностей; русские мыслители восставали против тех идей, которые, по их мнению, никогда не могли укорениться в России⁹.

Нельзя забывать о большом значении для развития русской идеологии ряда официальных концепций этого времени, предложенных Л. В. Дубельтом и С. С. Уваровым. Одним из главных для интеллигентов-государственников стал вопрос об истинном и ложном просвещении. Л. В. Дубельт, обращаясь к своим сыновьям, просил: «Не заражайтесь бессмыслием Запада — это гадкая помойная яма, от которой, кроме смрада, ничего не услышите. Не верьте западным мудрствованиям; они ни вас и никого другого к добру не приведут... Для нас одна Россия должна быть самобытна, одна Россия должна существовать; все иное есть только отношение к ней, мысль, привидение»¹⁰.

В 1841 году в журнале «Москвитянин» появились статьи «Взгляд русского на современное образование Европы» С. П. Шевырева и «Возможна ли у нас германская философия?» И. И. Давыдова. Эти статьи были направлены против «западного просвещения» и немецкой философии (в том числе гегельянства). По мнению Шевырева, просвещение определяется религией, а когда наука и просвещение порывают с ней, то неизбежно обрекают себя на гибель. Воплощением «разврата мысли» Шевырев считал немецкую философию, он призывал русское общество противостоять «тлетворному влиянию» гегельянства и «политическому разврату», идущему из Франции. Для этого, исходя из

присущих каждому русскому человеку «трех коренных чувств, в которых семя и залог нашему будущему развитию» — «чувства религиозного», «чувства государственного единства России» и «сознания нашей народности», — предстояло выработать «истиннорусское», христианское мировоззрение¹¹.

Русские интеллигенты — сторонники теории официальной народности («защитники русского начала», как они сами себя называли) — М. П. Погодин, С. П. Шевырев, И. И. Давыдов, М. А. Максимович отталкивались от идеи единства всего человечества, взаимосвязи народов, которые, осуществляя только им свойственную национальную идею, вносят свой вклад в развитие мировой цивилизации. Россию они рассматривали как часть Европы, связанную с развитием европейской цивилизации, но отмечали недостатки такого развития, выражающиеся в подражательности национального развития. Поэтому они выступали за самобытное народное развитие, которое позволило бы России выполнить свою историческую миссию. Поскольку в Европе, по их мнению, начали наблюдаться признаки политического и духовного кризиса, то именно Россия должна была стать великой мировой державой и осуществить общечеловеческие цели.

В 1830—50-е годы оригинальную теорию исторического развития России предложил П. Я. Чаадаев. Созданная им историософская концепция является важным вкладом в историю русской общественной мысли. Противоречия в оценке творческого наследия Чаадаева связаны с тем, что известность получило только первое «Философическое письмо». Между тем уже в начале письма Чаадаев закладывает основную идею: его предмет является религия, он отмечает, что «учение, основанное на высшем начале единства и непосредственной передачи истины в непрерывном преемстве ее служителей, только и может быть самым согласным с подлинным духом религии, потому что дух этот заключается всецело в идее слияния всех, сколько их ни есть в мире, нравственных сил — в одну мысль, в одно чувство и в постепенном установлении социальной системы или церкви, которая должна водворить царство истины среди людей»¹². Именно эта этическая установка лежит в центре историософской концепции Чаадаева и его оценки исторического пути России и европейских революций: «Все политические революции были там по сути ре-

волюциями нравственными. Искали истину и нашли свободу и благоденствие»¹³. По мнению Чаадаева, Россия должна войти в семью зрелых, высококультурных и нравственных народов, проделав путь, который прошли европейские страны. Он признавал, что «в странах Европы не все исполнено ума, добродетели, религии, совсем нет. Но все там таинственно подчинено силе, безраздельно царившей на протяжении столетий; все является результатом того продолжительного сцепления актов и идей, которым создано теперешнее состояние общества»¹⁴. Под этой таинственной силой мыслитель понимал христианское учение.

Историософская концепция Чаадаева, заложенная в «Философических письмах», получила развитие в «Записке графу Бенкендорфу» (1832 г.) и «Апологии сумасшедшего» (1837 г.), в которых он сближается с русскими консерваторами. Печально известная «Записка графу Бенкендорфу» представляет собой сложное произведение, наполненное двойными смыслами, а отдельные фразы в нем звучат как издевательство над адресатом («посудите сами, генерал, возможно ли, чтобы, говоря о цивилизации и разуме, я подразумевал свободу и конституцию»). Несмотря на резкие выпады в адрес декабристов, критику европейских революций и реверансы в сторону русского самодержавия, Чаадаев остается верен собственным взглядам¹⁵. Мыслитель предлагает правительству встать во главе преобразований, конечная цель которых заключается в том, чтобы ввести Россию в число ведущих держав мира, придерживаясь при этом собственного пути развития. В «Апологии» Чаадаев все более сближается с консерваторами, пристально всматриваясь в опасность, грозящую обществу со стороны революционеров. В его заметках встречаются резкие замечания в адрес набиравших популярность в Европе и России идей утопического социализма.

Болезненное восприятие русскими интеллигентами проблемы «европейничанья» начинается со второй половины XIX века, когда особым влиянием среди молодежи стал пользоваться нигилизм. Анализируя русский нигилизм, Н. Н. Страхов дал самое общее определение данного явления: «Нигилизм есть отрицание всяких сложившихся форм жизни, отрицание, которое мы, в силу особенного нашего развития, заимствовали из Европы преимущественно перед многими другими и которое, в силу тех

же особенностей развития, стало у нас хроническим»¹⁶. По мнению Страхова, нигилизм возник под влиянием Запада, а именно — левой гегелевской школы, Прудона, Фурье и других, и представляет по своей сути крайнее западничество. В то же время он указывал, что в нигилизме следует видеть чисто русское явление. Интеллигенции при «ложной образованности недостает действительно *настоящего* образования». Общий вывод Страхова звучал так: «...нельзя не видеть, что нигилизм хотя развился под влиянием Запада, но главные свои условия нашел в особенностях нашего внутреннего развития. Самая лучшая и самая важная его сторона есть попытка *освобождения ума* от тех уз, которые тяготеют над русским человеком»¹⁷.

В одно время со Страховым к этой проблеме обратился Н. Я. Данилевский. В известном труде «Россия и Европа» (1868—1869 гг.) основными недостатками русской интеллигенции он считал подражательство Западу, или «европейничанье», интеллигентское подражание Западу как выражение слабости и немощи народного духа в высших образованных слоях русского общества, а также идущие отсюда западничество, либерализм, нигилизм, в которых виделась угроза интересам общеславянского дела. По его мнению, нигилизм есть пример русского лжедемократизма и «последовательного материализма». Он выступал против приписывания русскому нигилизму «доморощенного» происхождения. Н. Я. Данилевский считал, что нигилизм заимствован, а следовательно, карикатурен: это новейшее направление немецкой науки, основателями которой являются Фогт, Молешотт, Фейербах, Б. Бауэр, Бюхнер и Штирнер. Причину распространения нигилизма он видел в отсутствии самобытного развития¹⁸.

Н. Я. Данилевский предлагал интеллигенции отказаться смотреть на все европейскими глазами и исходить прежде всего из собственных российских интересов¹⁹. Он считал, что интеллигенция должна работать на благо идеи создания славянской федерации, идеи, которая для каждого славянина должна быть выше науки, свободы и просвещения²⁰. Упрекая интеллигенцию в подражательстве Европе, он называл ее представителям в качестве ближайшей цели борьбу с европеизмом. «...Самый процесс этой неизбежной борьбы, а не одни только ее желанные результаты... — писал он, — считаем мы спасительными и благотельными,

ибо только эта борьба может отрезвить мысль нашу, поднять во всех слоях нашего общества народный дух, погрязший в подражательности, в поклонении чужому, зараженный тем крайне опасным недугом, который мы назвали европейничаньем»²¹. Предназначение русской интеллигенции Данилевский видел в содействии сохранению и развитию того культурно-исторического типа, к которому она принадлежит.

Наряду с «европейничаньем» русская интеллигенция обвинялась еще и в «обезьянничаньи» по отношению к Западу. Наиболее ярко критическое отношение к интеллигенции было сформулировано К. Н. Леонтьевым, назвавшим интеллигентов «обезьянами прогресса». Говоря о русской интеллигенции, К. Н. Леонтьев в книге «Восток, Россия и Славянство» отмечал, что дворяне, т. е. русские европейцы, «выросли на общеевропейских понятиях XIX века, т. е. на понятиях смутных, на основах расшатанных, на чтении таких книг и газет, в которых все критикуется и многое отвергается, а непреложными аксиомами считаются только принципы либерально-эгалитарного прогресса»²². По мнению К. Н. Леонтьева, до национального своеобразия и национальной самобытности интеллигенции дела нет, а своим идеалом она видит европейского буржуа²³.

В «Третьей речи» в память Достоевского (1883 г.) В. С. Соловьев писал, что «в царствование Александра II закончилось внешнее, природное образование России, образование ее тела, и начался в муках и болезнях процесс ее духовного развития»²⁴. К вопросу о предназначении российской интеллигенции В. С. Соловьев обратился в работе «Три силы», в которой писал: «...мы, имеющие несчастье принадлежать к русской интеллигенции, которая вместо образа и подобия Божия все еще продолжает носить образ и подобие обезьяны, — мы должны же, наконец, увидеть свое жалкое положение, должны постараться восстановить в себе русский народный характер, перестать творить себе кумира из всякой узкой ничтожной идейки, должны стать равнодушнее к ограниченным интересам этой жизни, свободно и разумно уверовать в другую, высшую действительность. Конечно, эта вера не зависит от одного желания, но нельзя также думать, что она есть чистая случайность или падает прямо с неба. Эта вера есть необходимый результат внутреннего душевного процесса — процесса

решительного освобождения от той житейской дряни, которая наполняет наше сердце, которая наполняет нашу голову. Ибо отрицание низшего содержания есть тем самым утверждение высшего, и, изгоняя из своей души ложных божков и кумиров, мы тем самым вводим в нее истинное Божество»²⁵.

Уже в начале XX века некий итог дискуссии о подражательности русской интеллигенции подвел Л. А. Тихомиров. К вопросу о сущности интеллигенции Л. А. Тихомиров обратился в труде «Монархическая государственность» (1905 г.), где он рассматривал интеллигенцию как часть образованного класса. Отмечая, что Россия за двести лет прославилась на весь мир своим «обезьяничаньем» Европы, он писал: «Сверх того, хотя у нас проблески самосознания проявились очень рано, но подавляющее влияние европейской культуры породило в образованном классе — особенно в так именуемой себя “интеллигенции” последнего периода — совершенно рабское усвоение и форм и духа “общечеловеческой культуры”, яркий космополитизм, и даже отрицание всего своего. Эта обезличенная часть образованного класса численно стала постепенно преобладающей, и если она не успела до сих пор совершенно упразднить русское своеобразие, то исключительно по трудности такой задачи»²⁶. Этой интеллигенции на всем протяжении ее существования (отсчет которого исследователь ведет с начала XVIII века) противостоит «национальная часть образованного общества» или, как ее именовал в кавычках сам Тихомиров, — «национальная интеллигенция»²⁷.

Российскую интеллигенцию часто и в определенной степени оправданно обвиняли в необоснованном подражании другим культурам, в частности в европеизме: «Правящий слой (правительство и интеллигенция) дорого расплатился за свою науку у Европы, необходимую для самого существования России, ибо Европа технически ее опередила и ей угрожала. Этот слой настолько европеизовался, что почти потерял свою русскую душу, не приобретя, впрочем, и европейской. Он сохранял русские свойства, и даже часто специфически русские дарования, но без организующей их русской идеи»²⁸. Между тем, человек, являясь членом определенной семьи, не перестает быть членом всего человечества. Позитивной является не только позиция человека, защищающего свой дом и собственную семью, но и человека,

который помнит, что есть общечеловеческие ценности, которые он должен защищать.

Примечания

- ¹ *Троцкий Л. Д.* Об интеллигенции // Троцкий Л. Д. Литература и революция. М., 1991. С. 263—264.
- ² И дум высокое стремление... М., 1986. С. 159—162.
- ³ *Пантин И. К. и др.* Революционная традиция в России: 1783—1883. М., 1986. С. 80—117.
- ⁴ Цит. по: Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. М., 1955. С. 428.
- ⁵ *Европеец* : журнал И. В. Киреевского. 1832. М., 1989. С. 303—320.
- ⁶ Там же. С. 108—109.
- ⁷ См.: *Фризман Л. Г.* Иван Киреевский и его журнал «Европеец» // Там же. С. 466—467.
- ⁸ Русское общество 40—50-х годов XIX в. М., 1991. Ч. 1 : Записки А. И. Кошелева. С. 87.
- ⁹ Там же. С. 90—92.
- ¹⁰ См.: *Левандовский А. А.* Время Грановского: у истоков формирования русской интеллигенции. М., 1990. С. 18.
- ¹¹ Там же. С. 110—113.
- ¹² *Чаадаев П. Я.* Полное собрание сочинений и избранные письма. М., 1991. Т. 1. С. 320—321.
- ¹³ Там же. С. 328—329, 335.
- ¹⁴ Там же. С. 335—336.
- ¹⁵ Там же. С. 517—518.
- ¹⁶ *Страхов Н. Н.* Литературная критика. М., 1984. С. 79.
- ¹⁷ Там же. С. 81.
- ¹⁸ *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа : взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 1991. С. 291—293.
- ¹⁹ Там же. С. 441.
- ²⁰ Там же. С. 360.
- ²¹ Там же. С. 435—436.
- ²² *Леонтьев К. Н.* Восток, Россия и Славянство. М., 2007. С. 490.
- ²³ Там же. С. 471, 493.
- ²⁴ *Соловьев В. С.* Сочинения : в 2 т. 2-е изд. М., 1990. Т. 2. С. 307.
- ²⁵ *Соловьев В. С.* Избранное. М., 1990. С. 59—60.
- ²⁶ *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. СПб., 1992. С. 304—305.
- ²⁷ Там же. С. 309, 381.

²⁸ Евразийство : опыт систематического изложения (1926) // В поисках своего пути : Россия между Европой и Азией. М., 1997. С. 588.
ББК 63.3(2)6-283.2

О. К. Ефименко

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ВЕРХНЕЙ ВОЛГИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(1941—1945 гг.)**

В отечественной историографии по данной теме хронологически можно выделить четыре взаимосвязанных периода: первый — 1941—1945 гг.; второй — 1945 — середина 1950-х гг.; третий — 1960-е — первая половина 1980-х гг.; четвертый — вторая половина 1980-х — 2010 г. Каждый из этапов отразил основные черты общего состояния исторической науки в стране в данное время, ее достижения, просчеты и тенденции в освещении отдельных процессов периода войны.

Первый этап (1941—1945 гг.) был периодом зарождения историографии, опубликования первых работ по данной теме и постепенного накопления фактического материала. С первых дней войны Коммунистическая партия в передовых статьях газеты «Правда» обратилась к советской интеллигенции, определяя ее задачи в войне¹. За 1941—1945 гг. вышли десятки публикаций, положивших начало историографии рассматриваемой темы.

В некоторых статьях, докладах, выступлениях деятелей партии, писателей и работников искусств содержались не только фактические сведения, но и первые попытки обобщения художественного творчества тех лет. Наиболее значимыми были работы Е. М. Ярославского, С. В. Кафтанова, П. Н. Поспелова, М. С. Шагинян и др., в которых наряду с показом основных аспектов развития культуры периода войны раскрывались мобилизационные

© Ефименко О. К., 2011

Ефименко Оксана Константиновна — аспирантка кафедры истории России Ивановского государственного университета. eksenik@rambler.ru

задачи литературы и искусства². Война представлялась как противостояние советской и фашистской культуры³. В свет выходят первые небольшие работы о литературе⁴ и изобразительном искусстве военных лет⁵. 1944 год положил начало «Летописи советского театра» А. Аганбекяна в журнале «Театр»⁶. На страницах журналов «Знамя», «Славяне», «Ленинград» появляются публикации о музыкальной жизни военной эпохи⁷.

Для всех материалов военных лет характерна идеологическая направленность, обусловленная обстоятельствами того времени. В связи с этим работы носили агитационно-пропагандистский и публицистический характер, были пропитаны духом эпохи и отражали представления и взгляды авторов.

Второй период историографии охватывает послевоенное десятилетие: 1945 — середина 50-х гг. На данном этапе продолжался процесс накопления документального и статистического материала. Стали появляться и первые серьезные исследования.

Во второй половине 1940-х гг. издается ряд работ, в которых уделяется внимание творческой и общественной деятельности писателей и поэтов. Одним из крупных исследований деятельности писателей и поэтов-фронтовиков, воплощения в литературе героического характера советского народа является книга В. Перцова⁸. Попытка обобщения основных направлений советской литературы была сделана в статье О. Резника «О некоторых чертах советской литературы в годы Великой Отечественной войны»⁹.

В области театрального искусства важную работу провел А. Аганбекян¹⁰ (в то время директор ВТО). Он продолжил начатое во время войны исследование и составил «Летопись советского театра периода Великой Отечественной войны». Однако его труд мало чем отличался от предыдущих: главное внимание уделялось пересмотру репертуара и недостаточное другим видам работы театров в условиях войны. В 1947 г. вышли три работы, посвященные творческой деятельности драматургов¹¹. Важным шагом на пути изучения отечественной художественной интеллигенции в годы Великой Отечественной войны явилось издание в 1946 г. «Театрального альманаха» — сборника статей и материалов, в котором впервые был приведен полный перечень всего репертуарного плана ведущих театральных коллективов в военный период на территории СССР¹². Большой интерес для исследователей

представляет опубликованная в 1948 г. книга «Ленинградские театры в годы Великой Отечественной войны»¹³. В ней обобщен опыт работы коллективов в блокадном Ленинграде и в эвакуации. Отмечается значительный вклад эвакуированных коллективов в дело развития театральной культуры тыла, самоотверженность в обслуживании фронтовиков.

Во второй половине 1940-х — середине 1950-х гг. вышло несколько статей и сборников о творческой деятельности композиторов в годы войны, но в основном в них рассматривалось музыкальное искусство Москвы и Ленинграда¹⁴. В 1951 г. появилась книга обобщающего характера «Изобразительное искусство в годы Великой Отечественной войны», освещающая широкий круг вопросов¹⁵. Следует отметить серьезную работу П. К. Суздалева (глава «Искусство в годы Великой Отечественной войны» в книге «Русское советское искусство. 1917—1950 гг.»), в которой подробно рассмотрена агитационно-воспитательная деятельность художников, виды и жанры изобразительного искусства военных лет¹⁶. Однако, с точки зрения теории и методологии, значительного прорыва в эти годы не наблюдалось. Художественная интеллигенция как отдельный объект научного исследования в это время еще не выделяется.

В историографии послевоенных лет был поднят ряд вопросов, касающихся отдельных видов культуры, но отсутствовали работы о месте и роли художественной интеллигенции в годы войны, материалы в основном носили искусствоведческий характер. Информация была довольно скудной и ограничивалась отдельными примерами, отражавшими, как правило, материальную помощь фронту. Вместе с тем опубликованные работы стали основой для более глубокого и объективного изучения темы в дальнейшем.

Третий период развития историографии стал новым этапом в разработке проблемы истории жизнедеятельности советской художественной интеллигенции в годы войны. В послевоенные годы историкам удалось не только накопить документальный материал, но и **по-новому осмыслить, понять события военных лет**. Именно в этот период в историографии появляются коллективные обобщающие труды и первые монографии по истории культуры России периода войны в целом и ее отдельным отраслям, разнообразные сборники статей, воспоминания. Было опубликовано большое количество документальных материалов, ха-

рактизирующих творчество писателей, поэтов, художников, актеров, журналистов в годы войны. Данный период историографии охватывает довольно большой отрезок времени. Хронологически можно выделить подпериоды: *первый* — «хрущевская оттепель» конца 1950-х — 1960-е гг.; *второй* — «брежневский застой» 1970—80-х гг.

Период «хрущевской оттепели» благотворно сказался на развитии историографии. История отечественной культуры получила частичное отражение в сводных трудах по истории Великой Отечественной войны. Вышла шеститомная «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.». Героическому труду советской интеллигенции и непосредственно художественной интеллигенции были посвящены многие разделы¹⁷.

Со второй половины 1950-х гг. начали издаваться работы биографического и автобиографического характера. В 1957 г. вышла в свет книга М. П. Кима. Автор предпринял попытку комплексно рассмотреть вопросы развития культуры советского общества за сорок лет¹⁸. Важное значение имели опубликованные исследования Л. В. Максаковой¹⁹. Они были шагом вперед с точки зрения методологии. Автор впервые в отечественной историографии определила основные направления развития культуры СССР в военные годы, акцентировала внимание на ее значении в победе над фашизмом. Следует подчеркнуть, что Л. В. Максакова выделила художественную интеллигенцию как самостоятельную творческую силу и определила основные направления ее деятельности в военное время. Эти работы имели важное методологическое значение для осмысления жизнедеятельности художественной интеллигенции в суровые годы войны.

В конце 50-х — начале 60-х гг. появляются капитальные труды, подготовленные филологами и искусствоведами Академии наук СССР, по истории советской литературы, музыки, театра, киноискусства, драматургии²⁰. В них была сделана попытка обобщить творческую, военно-шефскую деятельность всех отрядов художественной интеллигенции в военные годы. Выходят также работы о творчестве отдельных отрядов художественной интеллигенции²¹. В 1966 г. редакцией «Литературное наследство» был издан двухтомный труд «Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны», где опубликованы произведения,

созданные в годы войны, но по разным причинам не появившиеся в печати²². Значительный вклад в изучение изобразительного искусства военных лет внес искусствовед П. К. Суздалев²³. В 1965 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Советское искусство периода Великой Отечественной войны». В своих исследованиях автор рассматривал вопросы специфики военного изобразительного искусства, эволюции форм и видов художественного творчества и другие вопросы. Появляются научные исследования историков и музыковедов о музыкальной культуре в годы войны, деятельности отдельных композиторов в эвакуации²⁴. Большой интерес представляют изданные в этот период воспоминания, дневники писателей, работавших в военное время²⁵. В целом, появление таких работ стало началом целенаправленного интереса исследователей к теме художественной интеллигенции. В 1976 г. была издана книга «Советская культура в годы Великой Отечественной войны»²⁶. Этот сборник затрагивал проблемы культурной жизни не только России, но и национальных районов. Были также опубликованы фундаментальные коллективные исследования о литературе, музыке и архитектуре военного периода²⁷.

В 1970—80-е годы появляются первые серьезные публикации, рассматривающие деятельность художественной интеллигенции Москвы и Ленинграда²⁸. Жизнедеятельности художественной интеллигенции Ленинграда и Эстонской ССР в годы войны были посвящены две работы В. Н. Маина²⁹. В них автор сосредоточил внимание на различных формах военно-шефской работы, в том числе и театров³⁰.

На верхневолжском региональном материале выходят статьи В. М. Бритова, Л. Ф. Целищева, В. Н. Маина, освещающие деятельность партийных организаций Верхней Волги по подбору и воспитанию кадров и повышению квалификации интеллигенции³¹.

Крупной работой, обобщающей опыт партийного руководства деятельностью художественной интеллигенции СССР в годы войны, стала монография В. С. Меметова³². Автор — первый из историков, который всесторонне рассмотрел многоплановую деятельность партии по руководству художественной интеллигенцией в годы войны на документах и материалах всех союзных республик. В монографии раскрывается роль партии в организации перестройки работы творческих союзов и учреждений искусств

на военный лад, показана деятельность партии по идейно-политическому воспитанию работников литературы и искусства, идеологическая работа художественной интеллигенции среди воинов действующей армии и труженников тыла.

В начале 1980-х гг. появился ряд обобщающих работ, раскрывающих вклад РСФСР и различных отрядов советской интеллигенции в достижение победы над врагом³³. В этот же период активно публикуются различного рода источники: статистические сборники, посвященные культурному строительству областей Верхней Волги³⁴.

Таким образом, можно сделать вывод, что значительная часть исторической литературы конца 50-х — середины 80-х гг. была посвящена прежде всего вопросам места и роли художественной интеллигенции в общественно-политической жизни страны в годы Великой Отечественной войны. Целый ряд вопросов оставался либо недостаточно, либо вовсе не изученным.

В конце XX века в обществе возрастает интерес к проблемам прошлого, настоящего и будущего российской интеллигенции. Она стала объектом интенсивного изучения. Только за период с 1992 по 2010 г. состоялось свыше 30 интеллигентоведческих конференций различного уровня: региональных, всероссийских, международных. К началу 1990-х гг. сложились научные школы и коллективные центры разработки проблем интеллигентоведения. В последние годы наблюдается нарастание профессионального интереса к основным направлениям и проблемам деятельности художественной интеллигенции в военный период³⁵. Появляются работы, раскрывающие отдельные аспекты творческой деятельности работников искусства. Наибольшее освещение получили вопросы литературной деятельности в годы войны. Публикуются статьи на материалах Ленинграда, Поволжья, Сибири, Урала и других регионов³⁶. Ряд исследований был посвящен состоянию изобразительного искусства в годы войны³⁷. Из крупных работ следует выделить книгу «Великая Отечественная война. Живопись. Графика. Скульптура»³⁸. Было опубликовано несколько работ о театральном искусстве военных лет, главным образом о деятельности местных театральных коллективов³⁹. Литература о музыкальном искусстве в годы войны представлена немногочисленными публикациями, в основном брошюрами и тезисами⁴⁰.

Защищаются диссертационные исследования по деятельности художественной интеллигенции на региональном материале⁴¹, отдельные стороны жизни и творчества художественной интеллигенции Верхней Волги нашли отражение в кандидатских диссертациях Е. В. Ворожейкиной⁴² и О. А. Вакуровой⁴³. Выходит ряд работ, посвященных деятельности художественной интеллигенции РСФСР в целом в 1941—1945 гг.⁴⁴

С конца 1980-х гг. начинается новый этап в изучении методов партийно-государственного руководства художественной интеллигенцией в годы войны. В ряде работ была предпринята попытка по-новому подойти к анализу культурной, духовной жизни и взаимодействия с властью⁴⁵.

Подводя итог по данному периоду историографии в целом, подчеркнем, что во второй половине 1980-х — 2010 гг., хоть и был накоплен достаточный материал о жизни и творчестве художественной интеллигенции, все же многие моменты остаются недостаточно изученными. Это вопросы литературы военных лет, творческой судьбы отдельных писателей, поэтов, драматургов, журналистов, музыкантов, художников как на региональном, так и на общероссийском уровне, а также проблемы эвакуации и реэвакуации художественной интеллигенции. Стоит отметить возрастание удельного веса региональных исследований в историографии.

Отечественная историография художественной интеллигенции Верхней Волги в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. прошла сложный, но продуктивный путь развития. Накапливался фактический материал, формировалась и совершенствовалась методология, развивались новые подходы. Отметим также, что каждый этап внес свой неопределимый вклад в разработку отдельных вопросов деятельности художественной интеллигенции в сложный для страны период. Круг вопросов расширился, давая возможность по-новому подойти к оценке места и роли художественной интеллигенции Верхней Волги в деле победы над врагом. Важным стало появление интереса к региональной истории: выходят диссертационные исследования, проводятся научные конференции. Более подробно исследуются отдельные группы художественной интеллигенции. Объектами исторического изучения стали литература, поэзия, журналистика, живопись, театральное искусство, музыкальное творчество.

Несомненно, учеными затронут широкий спектр вопросов, но некоторые проблемы еще ждут своего исследователя.

Примечания

- ¹ Правда. 1941. 5 сент. ; 1942. 14 февр., 1 апр. ; и т. д.
- ² *Ярославский Е.* Советская интеллигенция в Отечественной войне. Куйбышев, 1944 ; *Кафтанов С. В.* Советская интеллигенция в Великой Отечественной войне // Большевик. 1944. № 5. С. 16—31 ; *Поспелов П. Н.* Советская интеллигенция в Великой Отечественной войне // Там же. 1942. № 5. С. 26—43 ; *Шагинян М. С.* Отечественная война и советская интеллигенция : сб. ст. Свердловск, 1942 ; и др.
- ³ *Юдин П. Ф.* Советская культура. М., 1943 ; *Эренбург И.* Культура и немецкие вандалы // Пропагандист. 1944. № 7/8. С. 30—34 ; и др.
- ⁴ *Белкина Н.* Советская литература в Отечественной войне // Под знаменем марксизма. 1942. № 8/9. С. 125—135 ; *Эренбург И.* Словооружие // Новый мир. 1944. № 1/2. С. 210—215 ; *Громов П.* О литературе военных лет // Звезда. 1945. № 2. С. 115—129 ; и др.
- ⁵ *Дымищиц А.* Искусство антифашистского плаката // Ленинград. 1942. № 7. С. 16 ; *Бродянский Б.* На выставке ленинградских художников-фронтовиков // Там же. 1943. № 9. С. 17—18 ; и др.
- ⁶ *Аганбекян А.* Летопись советского театра периода Великой Отечественной войны : материалы // Театр. М., 1944. Кн. 1. С. 246—255.
- ⁷ Новая опера Б. Ф. Асафьева // Ленинград. 1942. № 7. С. 14 ; *Прокофьев С.* Над чем я работаю // Славяне. 1943. № 3. С. 46 ; и др.
- ⁸ *Перцов В. О.* Подвиг и герой : этюды о советской литературе. М., 1946.
- ⁹ *Резник О.* О некоторых чертах советской литературы в годы Великой Отечественной войны // Советская литература : материалы совещания-семинара преподавателей сов. лит-ры пед. ин-тов. М., 1947.
- ¹⁰ *Аганбекян А.* Летопись советского театра периода Великой Отечественной войны // Театральный альманах : сб. ст. и материалов. М., 1946. Кн. 1 (3). С. 261—272 ; Кн. 2 (4). С. 327—346.
- ¹¹ *Крути И.* В годы Отечественной войны // Советский театр. М., 1947. С. 189—247 ; Русская классика на сцене в дни Отечественной войны : материалы и исследования. М., 1947. Вып. 1 ; *Оснос Ю.* Советская историческая драматургия. М., 1947.
- ¹² Театральный альманах : сб. ст. и материалов. М., 1946. Т. 1, ч. 3.
- ¹³ Ленинградские театры в годы Великой Отечественной войны. Л. ; М., 1948.
- ¹⁴ *Богданов-Березовский В.* Симфоническое творчество ленинградских композиторов за годы Отечественной войны // Сов. музыка. 1946. № 5/6. С. 44—52 ; Советская музыка в годы войны // Там же. № 1.

- С. 5—12 ; *Хубов Г.* В дни суровых испытаний // Там же. С. 23—30 ; и др.
- ¹⁵ Изобразительное искусство в годы Великой Отечественной войны. М., 1951.
- ¹⁶ *Суздаев П.* Искусство в годы Великой Отечественной войны // Русское советское искусство. 1917—1950 гг. М., 1954. С. 74—97.
- ¹⁷ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. М., 1960—1965. Т. 2, 4—6.
- ¹⁸ *Ким М. П.* 40 лет советской культуры. М., 1957.
- ¹⁹ *Максакова Л. В.* Культурно-просветительные учреждения в первые годы Великой Отечественной войны. 1941—1943 гг. // История СССР. 1960. № 3. С. 88 — 100 ; *Она же.* Театр — фронту. 1941—1945 // Там же. 1965. № 3. С. 137—145 ; *Она же.* В рядах воюющего народа. М., 1965.
- ²⁰ История русской советской музыки. М., 1959. Т. 3 : 1941—1945 ; Очерки истории советского кино. М., 1959. Т. 2 : 1935—1945 ; История русской советской литературы. М., 1961. Т. 3 : 1941—1957 ; Очерки истории русского советского театра. М., 1960. Т. 2 ; Очерки истории русской советской драматургии. М., 1966. Т. 2 : 1934—1945.
- ²¹ *Соколова Н. Г.* Кокорин. М., 1957 ; *Плоткин Л. В.* Литература и война. М. ; Л., 1967 ; *Павловский А. И.* Русская советская поэзия в годы Великой Отечественной войны. Л., 1967 ; *Полищук Э. А.* Великая Отечественная война в произведениях советского искусства. М., 1960 ; и др.
- ²² Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны : в 2 кн. М., 1966.
- ²³ *Суздаев П. К.* Советское искусство периода Великой Отечественной войны. М., 1965.
- ²⁴ *Сохор А. Н.* Русская советская песня. Л., 1959 ; *Он же.* Из истории песен Великой Отечественной войны. М., 1963 ; Музыка продолжала звучать. Л., 1969 ; и др.
- ²⁵ Своим оружием : воспоминания советских писателей, артистов, композиторов и художников об участии в Великой Отечественной войне. М., 1961 ; *Уранова С. С.* Четыре года в шинели : фронтовой дневник художницы. 1942—1945. М., 1967 ; *Елисеева В.* Незабываемые дни // Подвиг актера. М., 1970. С. 211—233 ; *Загурский Б. И.* Искусство суровых лет. Л., 1970 ; *Эренберг А.* О том, что остается на всю жизнь // Подвиг актера. М., 1970. С. 75—87 ; Музыка и музыканты на фронтах Великой Отечественной войны : статьи. Воспоминания. М., 1978 ; и др.
- ²⁶ Советская культура в годы Великой Отечественной войны. М., 1976.
- ²⁷ Из истории советской архитектуры. 1941—1945 гг. : документы и материалы. Хроника военных лет. Архитектурная печать. М., 1978 ; Ис-

- тория музыки народов СССР. М., 1972. Т. 3 : 1941—1945 ; Музыка и музыканты на фронтах Великой Отечественной войны : статьи. Воспоминания. М., 1978 ; История русской советской поэзии. 1941—1980. Л., 1984 ; и др.
- ²⁸ *Фолмин А. И.* Партийное руководство художественной интеллигенцией столицы в первый период Великой Отечественной войны. М., 1974 ; *Он же.* Творческая интеллигенция Москвы — фронту // Военно-исторический журнал. 1980. № 6 ; *Он же.* Художественная интеллигенция Москвы в годы Великой Отечественной войны // История СССР. 1978. № 3 ; *Большедворова Е. И.* Партийное руководство художественными организациями Ленинграда в первые месяцы Великой Отечественной войны // Ученые записки ЛГУ. 1975. № 344. Вып. 34.
- ²⁹ *Маин В. Н.* Интеллигенция Ленинграда в Великой Отечественной войне // История СССР. 1979. № 3 ; *Он же.* Усиление идейной зрелости и творческого роста художественной интеллигенции Эстонской ССР в годы Великой Отечественной войны // Деятельность КПСС по повышению производственной и общественно-политической активности тружеников тыла в годы Великой Отечественной войны : межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 1985.
- ³⁰ *Маин В. Н.* Руководство партийных комитетов военно-мобилизационной работой интеллигенции в 1941—1942 гг. // Межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 1978.
- ³¹ *Бритов В. М.* Из истории партийного руководства культурным строительством в годы Великой Отечественной войны (по материалам Владимирской, Ивановской, Костромской и Ярославской областей) // Ученые записки ИГПИ. 1971. Т. 96. Вып. 4 ; *Целищев Л. Ф.* Роль культурно-просветительных учреждений по воспитанию трудящихся в годы Великой Отечественной войны (по материалам Ивановской областной партийной организации // Там же. Т. 96.
- ³² *Меметов В. С.* Партийное руководство деятельностью художественной интеллигенции в годы Великой Отечественной войны. Воронеж, 1985.
- ³³ *Колесник А. Д.* РСФСР в годы Великой Отечественной войны : проблемы тыла и всенародной помощи фронту. М., 1982 ; *Савельев В. М.* Советская интеллигенция в Великой Отечественной войне. М., 1981.
- ³⁴ *Культурное строительство в Ивановской области. 1917—1987 : сб. док. Ярославль, 1987 ; Культурное строительство во Владимирской области. 1917—1977 : сб. док. Ярославль, 1982 ; Ярославский край в документах и материалах. 1917—1977 : сб. док. Ярославль, 1980.*

- ³⁵ Отечественная и мировая интеллигенция в кризисные периоды истории : материалы XXI Междунар. науч.-теор. конф. Иваново, 2010 ; и др.
- ³⁶ *Михайлова М. Г.* Литературная летопись войны // Вузовская наука — 50-летию Победы. Якутск, 1995. С. 33—36 ; *Петрова Е. С.* Ленинградская писательская организация в годы блокады: некоторые вопросы историографии // Вестн. ЛГУ. Сер. 6. 1989. Вып. 4. С. 76—78 ; *Война в судьбах и творчестве русских писателей : материалы межвуз. науч.-метод. конф., посвящ. 55-летию Победы в Великой Отечественной войне.* Уссурийск, 2000 ; *Кожин В.* Поэзия 1941—1945 годов : современное прочтение // Литература в школе. 2000. № 3. С. 41—55 ; и др.
- ³⁷ *Барин Д. Б.* Шершавым языком плаката // Полит. собеседник. Саратов, 1990. № 3. С. 27—30 ; *Назимова В. Ш.* Агитационное искусство в дни Великой Отечественной войны // Сибиряки в борьбе за власть Советов, за защиту социалистического Отечества. Кемерово, 1990. С. 42—44 ; *Пинегина Л. А.* Изобразительное искусство в годы Великой Отечественной войны. М., 1990 ; и др.
- ³⁸ Великая Отечественная война. Живопись. Графика. Скульптура. М., 1990 ; и др.
- ³⁹ *Барин Д. Б.* Музы не молчали // Полит. агитация. Саратов, 1989. № 13. С. 21—24 ; *Рыков А. В.* Письма из осажденного Ленинграда // В спорах о театре. СПб., 1993. С. 136—150 ; *Исаев Ю. К.* Творческие коллективы Красноярья в период военных испытаний // Вклад сибиряков в Великую Победу. Красноярск, 1995. С. 130—135 ; и др.
- ⁴⁰ Советские композиторы — фронту: самоотчеты — воспоминания. М., 1989 ; *Минина О. В.* Деятельность музыкантов и музыкальных коллективов Архангельска в годы Великой Отечественной войны (1941—1945) // Уроки второй мировой войны и значение победы над фашизмом. Архангельск, 1996. С. 39—43 ; *Сперанский А. В.* Музыкальное искусство Урала в годы Великой Отечественной войны: особенности и закономерности развития // Урал индустриальный. Екатеринбург, 1997. С. 123—126 ; и др.
- ⁴¹ *Барин Д. Б.* Художественная интеллигенция Поволжья в годы Великой Отечественной войны (1941—1945) (проблемы профессиональной и общественно-политической деятельности) : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1991 ; *Шальнов М. Ю.* Общественно-политическая роль художественной интеллигенции в годы Великой Отечественной войны (на материалах областей и автономных республик Волго-Вятского региона и Среднего Поволжья). Н. Новгород, 1991 ; *Сперан-*

- ский А. В. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны : дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 1997.
- ⁴² Ворожейкина Е. В. Российская художественная интеллигенция в эвакуации в годы Великой Отечественной войны: 1941—1943 гг. Кострома, 2004.
- ⁴³ Вакурова О. А. Общественно-организаторская деятельность интеллигенции в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. : на материалах областей Верхней Волги: Владимирской, Ивановской, Костромской и Ярославской. СПб., 2007.
- ⁴⁴ Бельшев И. С., Меметов В. С. К вопросу о судьбах художественной интеллигенции // История российской интеллигенции : материалы тез. науч. конф. М., 1995. Ч. 2. С. 87—89 ; Веселов В. Р. Духовная жизнь советского общества накануне и в годы Великой Отечественной войны. Кострома, 1995. С. 227—232 ; Меметов В. С., Олейник О. Ю. Патриотическая деятельность художественной интеллигенции в начальный период Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война: опыт, уроки. М., 1995. С. 69—72 ; и др.
- ⁴⁵ Назимова В. Ш., Рыженко В. Г. Художественная интеллигенция и властные структуры в условиях войны // 50 лет победы советского народа над фашизмом в Великой Отечественной войне. Новосибирск, 1995. С. 206—211 ; Сперанский А. В. Художественная интеллигенция и власть в годы Великой Отечественной войны: опыт взаимодействия // Интеллигенция России в истории XX века: неоконченные споры : к 90-летию сборника «Вехи». Екатеринбург, 1998. С. 253—257 ; Парамонов В. Н. Политическая власть и культура советского периода: некоторые аспекты взаимоотношений // Мир культуры, человек, наука, искусство. Самара, 1996. С. 69—71 ; и др.

ББК 63.3(2)5-283.2

Л. Ю. Андреева

**В. И. ТОЛМАЧЕВСКИЙ:
СУДЬБА ИНТЕЛЛИГЕНТА ТВЕРСКИХ КАРЕЛ**

Малые этнические группы народов России, судьбы их представителей в революционном движении — это тема, мало исследованная в российской, и тем более — в зарубежной историографии. По разным причинам они оказывались далеко от своих исконных территорий, но не ассимилировались, а сохраняли по возможности свою идентичность, свои традиции и уклад жизни. И это является величайшей ценностью такой страны, как Россия, ибо на одной большой территории уживаются до сего дня множество больших и малых народов, народностей и этнических групп. В составе этих народов были все слои населения страны — от крестьян, предпринимателей до депутатов Государственной думы. Была и своя интеллигенция. Изучение истории малых народов, этнических групп, проживающих в анклавном другом коренного населения, актуально и научно значимо по многим факторам и событиям, происходя-

© Андреева Л. Ю., 2011

Андреева Лилия Юрьевна — аспирантка кафедры истории и политологии Государственного университета управления (Москва).
liebelle@list.ru

щим в начале XXI века. Но истоки их находятся в движениях начала XX века.

Данная статья посвящена революционной деятельности представителя интеллигенции тверских карел Толмачевскому Василию Ивановичу.

К началу XX века в России сложился немногочисленный слой интеллигенции в различных профессиональных сферах: военной, художественной, технической, медицинской, научной, судебно-правовой, чиновничьей, учительской и т. д. По подсчетам некоторых историков, интеллигенция в этот период составляла всего лишь 2,7 % от общего числа населения страны¹. Среди них была и интеллигенция народов, проживавших в Российской империи: украинцев, белорусов, карело-финнов, грузин и др. Своими взглядами, стремлением поиска путей преобразования России она оказывала большое влияние на общество. Наряду с непосредственно профессиональной деятельностью интеллигенция постоянно искала смысл жизни, понимала необходимость в изменении положения народа, освобождении его от притеснения власти. Несмотря на проводившиеся Александром II реформы, среди городской и сельской интеллигенции, вне зависимости от национальной принадлежности, с 60-х годов XIX века стали распространяться левые взгляды и революционные идеи. Многие представители национальной интеллигенции разделяли эти взгляды, и когда создавались условия для их публичного выражения, они стремились это сделать.

Вследствие войн Российского государства со Швецией с середины XVII века начался активный процесс переселения карел из района Приладожья в Верхневолжский регион, где они с того времени стали проживать компактно. Позднее их стали называть тверскими карелами. В основном они занимались сельским хозяйством, кустарничеством, производством изделий по сохранившимся артефактам своей национальной культуры.

С течением времени у них появились школы, они приняли православие, дававшее им основу равноправия с русскими соседями. История не сохранила никаких фактов разногласий или недоброжелательства между этими народами. Они так же, как и все население тверского края, перенесли отмену кре-

постного права, получили возможность самоуправления. И этот процесс создал условия для появления среди местного населения карельской народности представителей интеллигенции, занимавших активную гражданскую позицию.

Так, в селе Толмачи известной была личность Василия Ивановича Толмачевского (1876—1950 гг.) Он окончил бухгалтерские и электротехнические курсы, был членом партии эсеров с 1905 года, являлся депутатом II Государственной думы и входил во фракцию трудовиков². В связи с его активной политической деятельностью и радикальными эсеровскими взглядами сотрудники Министерства внутренних дел и Тверского жандармского управления вели наблюдение за деятельностью Толмачевского. В 1907 году на него завели следственное дело по обвинению в распространении литературы, направленной против царского режима. Вызвано это было в связи с тем, что в карельском селе Рамешки полицейский урядник Зинчев задержал в чайной лавке двоих крестьян Бежецкого уезда Заклинской волости Андрея Кондратьева из деревни Исачиха и Михаила Смирнова из деревни Лядины. У них были найдены нелегальные воззвания социалистов-революционеров, трудовой группы Всероссийского крестьянского союза, народных социалистов и армянской партии, в которых критиковались проводившаяся в стране политика центральной власти и самодержавный строй в целом.

Урядник Зинчев докладывал приставу 4-го стана Бежецкого уезда: «Означенные письма читали вслух находившимся в чайной лавке посторонним лицам, раздавали одновременно брошюры нелегального содержания под заглавием “Внутренние враги, хитрая механика”, “О местном самоуправлении”, “Народное право” и три номера газет: “Земля и право”, “Труд и право”, “Общественное дело”».

Революционная, левая направленность данных изданий вытекала из содержания брошюры «Внутренние враги, хитрая механика». В ней критиковался существующий строй, при этом «государь назван главным фабрикантом; царю с министрами да с губернаторами... дозволено над всей землей владеть безотчетно и самовольно, как душе угодно». В издании содержался призыв «распутать эту механику царскую да бар-

скую, расшибить ее на мелкие кусочки, чтобы не было ни царя, ни чиновников, а правил всем народ, через своих выборных».

Задержанные крестьяне пояснили, что данная литература была вручена им в селе Толмачи В. И. Толмачевским, к которому они были направлены ходоками народом своих деревень для получения информации о положении земельного вопроса в Государственной думе³.

Несмотря на то что Первая русская революция потерпела в 1907 году в целом поражение, царский Манифест 19 октября 1905 года предоставлял всем возможность интересоваться событиями, происходившими в России. И карельское население Верхневолжья пристально следило за изменениями экономической и политической ситуации в стране, используя в том числе материалы нового органа власти, в котором в качестве депутатов находились и представители тверских карельских крестьян. Вместе с тем, избрание карела Верхневолжья в Государственную думу свидетельствовало о появлении среди карельского крестьянства лиц, занятых не только в сфере простого сельского труда, но и в системе образования (сельские учителя, врачи, агрономы и т. д.), и теперь даже в структуре государственного управления.

Интересно, что в рамках следственного дела принимались во внимание все факты, так или иначе связанные с личностью В. И. Толмачевского. Начальник Тверского губернского жандармского управления секретно передал своему помощнику копию протокола, составленного в Вышневолоцкой уездной полиции. В документе отмечалось о «сношении Толмачевского с содержащимися под стражей в Вышневолоцкой тюрьме лицами, осужденными за государственные преступления». Толмачевский был замечен около стен тюрьмы разговаривающим с заключенными. Он был задержан, но обыскивать себя не дал, предъявив удостоверение члена Государственной думы, что обеспечивало ему неприкосновенность. По делу были взяты показания даже у восьмилетней дочери начальника тюрьмы, которая присутствовала при этом.

Деятельность В. И. Толмачевского способствовала росту популярности левых идей среди населения Верхневолжья, и прежде всего среди крестьянства. Властью она рассматрива-

лась как опасное явление, угрожающее существующему политическому строю. Представляет интерес приговор по делу В. И. Толмачевского от 1908 года: «По указу Его Императорского Величества Московская судебная палата по особому присутствию в публичном судебном заседании с участием гг. сословных представителей определила: признать... Толмачевского В. И. невиновным в преступлениях и оправданным». Видимо, на вынесение оправдательного приговора оказали влияние открытость судебного заседания и недостаточное количество доказательств.

В 1909 году В. И. Толмачевский снова оказался под следствием. Пристав 4-го стана Бежецкого уезда по распоряжению уездного исправника провел обыск в его доме. Были найдены работы Г. В. Плеханова и П. Л. Лаврова. Предполагалось произвести задержание на основании 29 ст. Положения об охране⁴. В. И. Толмачевскому в ходе обыска в доме удалось бежать. Пристав сообщал бежецкому уездному исправнику: «Во время моего пребывания в Бежецке Толмачевский все время был около села Толмачей, но лишь только я возвращался со стражею из города, Толмачевский, очевидно осведомленный, не стал уже появляться в селе и окрестностях». Пристав Бежецкого уезда также обращал внимание на тот факт, что «молодежь по всем направлениям по Толмачам караулит появления властей с целью предупреждения Толмачевского». Это свидетельствует о том, что у революционно настроенного депутата в селе были сторонники, особенно среди молодежи, что косвенно подтверждал рост революционных настроений у определенной части верхневолжского крестьянства. Карелы проявляли, несомненно, единство в защите земляка, практически не помогали властям в задержании своего односельчанина, что объяснялось во многом приверженностью части карельского крестьянства новым идеям и крепкими родственными связями.

Следственные органы установили, что бежавший В. И. Толмачевский мог скрываться в хуторе Загородье Вышневолоцкого уезда Лугининской волости, принадлежащем его родственнику — Александру Морозову. Родственные связи тогда имели большое значение, часто использовались для про-

паганды радикальных взглядов. В районе пересечения Бежецкого и Вышневолоцкого уездов располагалась зона компактного проживания тверских карел, и многие из них состояли в родственных отношениях. В материалах следствия по делу В. И. Толмачевского отмечалось, что в селе «образовался кружок близких ему единомышленников: брат, учитель Корчевского уезда Баранов, жена которого взята из села Толмачей, Анна Троицкая — дочь бывшего дьякона из села Толмачей». В документах упоминаются также другие единомышленники В. И. Толмачевского: «Иван Батуринов, нападавший на священника Богоявленской церкви села Толмачей Морковина; Алексей Крылов, стрелявший в Толмачевского волостного старшину и его брата» и т. д.

Таким образом, в регионе проживания бежецких карел имели место акции сопротивления властям, выступления против церковнослужителей, что можно расценить как начавшееся расслоение карельского крестьянства по идейным взглядам и зарождение среди них революционных настроений.

В. И. Толмачевский и его сторонники вели агитацию среди крестьян против царской власти. Это вызывало тревогу в связи с тем, что карельское население Верхневолжья воспринималось как православный и практически ассимилированный этнос, на протяжении веков мирно сосуществовавший с титульной нацией и подчинявшийся властным структурам. Характерно, что в документах того времени название «карель» в отношении верхневолжских крестьян не упоминалось. Представители власти в различных делопроизводственных документах указывали только название деревень, не отмечая при этом, что они карельские. Поэтому распространение левых идей среди карел оценивалось властными структурами как ситуация, способная подорвать основы самодержавной власти среди покорного и преданного веками царю населения Верхневолжья.

Из Министерства внутренних дел уездному исправнику было направлено указание: «По полученным данным Толмачевский все время, не выезжая, находится в селе Толмачах. Предлагаю Вам лично со стражей прибыть в село, оцепив его,

произвести обыск»⁵. Но задержать В. И. Толмачевского властям не удалось, он бежал во Францию.

Таким образом, в начале XX века карельское сельское население Верхневолжья было подвержено влиянию левых взглядов и идей русской (российской) интеллигенции. В карельских деревнях распространялась нелегальная литература, проводились акции против церкви и светской власти. Государственная власть, центральная и местная, прикладывала немало усилий для того, чтобы различными способами пресекать распространение революционных настроений, левых идей среди карельского крестьянства Верхневолжья. Но революции 1917 года приближались, и для этого немало делали сторонники радикальных движений России, в том числе и участвовавшие в них представители такого типа малых этнических групп, как тверские карелы.

Примечания

¹ *Ершова Э. Б.* Духовные искания российской интеллигенции XX в.: от радикализма к эволюции // Россия: Европа и Азия : истоки, история и уроки цивилизационного дрейфа : материалы междунар. науч. конф. Кострома, 2000. С. 1.

² *Протасов Л. Г.* Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008. С. 400.

³ Государственный архив Тверской области (далее — ГАТО). Ф. 806. Оп. 1. Д. 412. Л. 1, 5, 7, 28.

⁴ В «Положении об охранных отделениях» от 9 февраля 1907 г., в частности, отмечалось: «...Если негласное расследование установило совершающееся преступление (существование революционного сообщества (102, 124, 126 и др. ст. Угол. Улож.), тайной типографии (132 ст. того же Улож.), лаборатории взрывчатых веществ (закон 9 февраля 1906 г.), склада преступной литературы (132 ст. Угол. Улож.) и т. д.), — то начальник охранного отделения, на основании 257 и 258 ст. Уст. Угол. Суд., если на месте не находятся судебный следователь, начальник жандармского управления или его помощник, принимает все не терпящие отлагательства меры, как-то: осмотры, освидетельствования, обыски и аресты, руководствуясь в этом отношении Уст. Угол. Судопр.» (см.: *Перегудова З. И.* Политический сыск России (1880—1917 гг.). М., 2000. С. 398).

Н. А. Ёхина

СИНТЕЗ ЛИБЕРАЛЬНЫХ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ В ПОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭВОЛЮЦИИ КАДЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ЭМИГРАЦИИ

Попытки партии Народной Свободы в начале XX века направить развитие России по эволюционному пути, избегая крупномасштабных ломок общественных отношений, как известно, не увенчались успехом. К власти пришли те, кто, пообещав народу все и сразу, повели его за утопическими идеями, не совместимыми с реалиями российской жизни. Как справедливо отмечал член кадетской партии Б. Э. Нольде, «в катастрофе, которую пережила Россия, были разрушены не только человеческие жизни и материальные ценности, но были разбиты идеи и идеалы»¹. Однако несмотря на то что кадетская партия «с полной решимостью» встала «на сторону начавшейся борьбы с захватчиками власти»², многие ее члены уже в первый год после октябрьских событий 1917 г. начали понимать, что возврата к старому не будет и победа большевиков есть свершившийся факт, не считаться с которым невозможно, ибо таков был выбор народа. В этой связи, совокупность кадетских «мыслей и формул, созданных в обстановке дореволюционного, мирного времени»³ должна была быть подвергнута коренному пересмотру с учетом перенесенных страной революционных потрясений.

Как раз с этим периодом (1918 г.) связывают некоторые исследователи начало формирования пореволюционной идеологии. По заключению М. А. Колерова, именно статья Бердяева «Духи

© Ёхина Н. А., 2011

Ёхина Наталья Александровна — аспирантка кафедры истории Российского государства, факультета государственного управления Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; ведущий редактор Центра комплексных исследований российской эмиграции ИНИОН РАН. natalia_ekhina@mail.ru.

русской революции», вышедшая в сборнике «Из глубины»⁴, а точнее внесенная в статью правка, отразившая полугодовую эволюцию взглядов мыслителя (с июля по октябрь 1918 г.), «равно дистанцирующая философа и от большевиков и от их противников»⁵, легла в основу формулирования концепции «пореволюционности». А. В. Квакин справедливо указывает на то, что идею, выраженную Бердяевым во внесенной правке, когда к словам: «новая Россия... не будет такой, какой представляют ее себе деятели и идеологи революции» он прибавляет: «но и не такой, какой представляют ее себе деятели и идеологи контрреволюции», — можно считать основой большинства идей будущих «пореволюционеров»⁶.

«Пореволюционность», или «трансреволюционность», определялась как путь «духовного преодоления крайностей большевизма и социалистического по своей сути синтеза либеральных завоеваний предреволюционной России с реальностью большевистского порядка, которую, по мысли Бердяева, призвана была унаследовать будущая небольшевистская Россия. К этой идее синтеза генетически были близки все крупнейшие идейные течения русской мысли после 1917 года — и национал-большевизм, и евразийство, и сменовеховство и либерально-консервативная теория и практика белого движения...»⁷.

В число авторов вышеозначенного сборника входили и представители кадетской интеллигенции С. А. Котляревский, П. И. Новгородцев и А. С. Изгоев. Оценка ими октябрьских революционных событий, при всем понимании их трагичности, не была однозначной. Ответственность за то, что победу одержали именно большевики, возлагалась не только на них самих, но и на всю интеллигенцию в целом. Кадетские идеологи пытались увидеть в революции не только трагедию, разрушившую все прежние жизненные устои, но представить ее как огненное испытание, несущее в себе целительное творчество, должное стать отправной точкой религиозного возрождения. Грех уже совершен, и кара понесена, теперь предстоял путь творческого созидания. С испытанием революцией мыслители связывали и надежды на духовное возрождение интеллигенции, которая, выдержав его, должна была через покаяние и возвышение над жизнью личной, излечиться от «умственных извращений и духовных недугов»⁸.

Возврат к прежней, царской России считался неприемлемым, ибо разрушенная до основания старая ткань политического и социального строя не подлежала механическому восстановлению и повторению⁹. Но при этом и большевизм с его рационалистическим утопизмом, отрицанием Бога и религии не принимался зарождающейся пореволюционной мыслью. Кто-то верил в его эволюцию и перерождение, кто-то говорил о «термидоре», а кто-то — призывал к борьбе с ним. Но в любом случае, это были надежды на рождение некой новой, не царской и не большевистской — «третьей России».

Таким образом, «пореволюционность» идей вышеозначенных представителей кадетской интеллигенции проявилась именно в стремлении увидеть и попытаться объективно оценить перспективы развития новой России, с учетом тех изменений, которые принесла с собой Октябрьская революция, в понимании необходимости выделения из «утопических фантазий» того «здорового» и «жизненного»¹⁰, что несли в себе социалистические идеи. По их мнению, с духовного преобразования должно было начаться утверждение некой новой, политической, экономической и культурной реальности, которая была бы чем-то третьим по отношению к дореволюционному и советскому режимам.

В рамках данной статьи будет предпринята попытка ответить на вопрос, можем ли мы рассматривать эволюцию идей, отстаиваемых представителями демократического крыла кадетской интеллигенции в эмиграции в 1920-е — начале 1930-х гг., как «пореволюционную». За основу будет взято вышеозначенное определение пореволюционности, в котором допускалась мысль о некоем синтезе либеральных и социалистических идей при построении не царской и не большевистской, а некой «Третьей России».

Уже в годы гражданской войны и военной интервенции кадеты не были единой партией, деятельность частей и организаций которой осуществлялась бы из единого центра. После победы большевиков за границей оказался, прежде всего, высший ее слой, притом что основная масса осталась на Родине¹¹. С учетом пересмотра своих идейно-теоретических установок, кадетские идеологи делали попытки собрать партию воедино уже за пределами России. Однако и в эмиграции кадетам не удалось обрести

желанного единства, расколовшись уже по принципу отношения к методам борьбы с большевиками в изменившихся условиях.

«Новая тактика», сформулированная П. Н. Милюковым и его сторонниками, вступив, по определению кадетского лидера, на путь самостоятельного политического существования, предусматривала новый период борьбы с большевиками после поражения белых армий. Она несла в себе мысль о необходимости «считать вооруженную борьбу законченной и военную диктатуру отмененной, открытого признания принципов республики, федерации и радикального решения аграрного вопроса — без предрешения воли учредительного собрания». Позиции, обозначенные новым тактическим курсом, «разрывали с теми компромиссами, которые часть членов партии к. д. принуждена была заключить в период участия в разных белых правительствах», восстанавливая «традиционное и подлинное «демократическое лицо» кадетской партии»¹².

11 августа 1921 г. была образована «Парижская демократическая группа партии Народной Свободы»¹³. Ее выделение после провозглашения нового тактического курса стало следствием раскола внутрипартийного мнения по трем основным вопросам: отношению к революции — положительному или отрицательно-му, вопросу «об устройстве власти, способной освободить Россию, — устройстве, авторитарном извне, или демократическом изнутри» и, наконец, вопросу «о приближении партии к той демократической социальной базе, на которой она до сих пор стояла в принципе»¹⁴. Важность произошедшего события в политическом отношении заключалась в том, что именно Парижской демократической группе предстояло принять «наиболее активное участие» «в дальнейшей политической жизни эмиграции»¹⁵.

Необходимо отметить, что на протяжении весны и лета 1921 г. на страницах «Последних Новостей» появлялись статьи, подводящие своеобразную основу под те изменения (выделение вышеозначенной группы), которые должны были последовать за провозглашением новой тактической линии.

Важным событием для сторонников П. Н. Милюкова стало Кронштадтское восстание. По признанию кадетского лидера, оно было проявлением зарождающейся после «старой интервенции» «новой психологии внутреннего восстания»¹⁶, что подтверждало правильность перехода к «Новой тактике» с ее основной ставкой

на внутренние процессы, происходящие в России, должны привести к свержению большевистской диктатуры. Именно под влиянием кронштадтских событий милюковцы начинают рассматривать вопрос об использовании переизбранных Советов в качестве исходной точки «для более правильной организации провинции, не разрывая с населением»¹⁷. Эта установка основывалась на понимании того, что «des bolchéviks» и «des soviets» не есть «суть синонимы», ибо лозунг «полная власть советам» был немедленно отброшен в сторону, как только эту полную власть захватили большевики»¹⁸.

В июне 1921 г. П. Я. Рысс писал о том, что партия Народной Свободы, как единственная русская либеральная партия, сильная своей сплоченностью и талантом сохранять «среднюю линию», уже три года существовала «без этой средней линии», уходя «вправо» и «влево». В меняющихся же условиях устаревающие программы должны были либо подвергаться радикальным изменениям, либо дополняться с учетом того факта, что революционные события 1917 г. вывели на историческую арену «новые социальные группы с их, отличной от дореволюционных господствующих классов, психологией». В итоге кадетский идеолог делал важное, на наш взгляд, заключение о будущей динамике развития либерализма и социализма. И либерализму и социализму необходимо было изжить «внутри себя кризис». Либерализму, разумно оценивающему жизнь и использующему «меняющуюся социальную обстановку», предстояло невольно меняться, «уходя “влево” от социализма, отвоевывая его позиции». Тем самым он эволюционным путем должен был подойти к тому, что «в порядке революции» обещали «сотворить догматики коллективизма». На этом пути либерализм неизбежно будет расслаиваться на тот, который в революционные периоды, застыв в «программных формулах», превратился в консерватизм, и на тот, который, эволюционируя и подчиняясь требованиям жизни, трансформируется в «радикально-демократическое течение»¹⁹.

Таким образом, можно допустить, что речь шла о некоем синтезе либерализма и социализма. «Эволюционирующий» и отбигающий «позиции у социализма» либерализм, трансформировавшись в некое «радикально-демократическое течение», должен был, в представлении демократического крыла кадетов, стать в

основе возрожденной «Третьей России». При этом рассматривалась и возможность использования созданных «на демократических началах» Советов как некоей, пусть и временной, формы власти на пути к установлению истинного «народовластия на тлеющих развалинах большевизма»²⁰.

Итак, именно «демократической мысли», по убеждению членов «Парижской демократической группы партии Народной Свободы», предстояло попытаться наметить «политические и социально-экономические контуры будущей, освобожденной от большевизма, России»²¹. При этом предполагалось, что для достижения поставленной цели будут предприняты шаги к объединению всех демократических элементов эмиграции.

Первый шаг «к установлению общей линии поведения русской демократии»²², с основной ставкой на союз с правыми эсерами, был предпринят милюковцами до образования «демократической группы» и находился еще в области разногласий тактического плана с противниками нового курса. Речь идет о проходившем в Париже, с 8 по 21 января 1921 г., совещании бывших членов Учредительного собрания. Эсеры изначально достаточно скептически относились к самой возможности создания действенной антибольшевистской коалиции за пределами России. В итоге, из области возможных общих деклараций были заведомо исключены вопросы внутренней политики.

Говоря о политическом значении «Новой тактики» и «Совещания Членов Учредительного Собрания», П. Н. Милюков указывал на то, что они «разделили всю политическую эмиграцию на два лагеря», а «линия водораздела» прошла «через партию народной свободы»²³. При этом кадетский лидер был убежден, что именно демократическая политическая позиция, занятая им и его сторонниками, «ускорила дифференциацию» между «милюковцами» и «обеими крайностями», выраженными, с одной стороны, «неисправимыми утопистами» «той старой России, которая не вернется», а с другой — большевистским опытом, доказавшим «недостижимость» «той будущей России»²⁴.

Следующий шаг к объединению был предпринят уже после того, как образовалась демократическая группа. «Внешним толчком» для этого стала депортация большевиками из Советской России, в 1922 г., целого ряда «представителей русских респуб-

ликанско-демократических течений, пытавшихся сохранить свободу и независимость политической мысли в обстановке советской жизни»²⁵. В числе высланных представителей интеллектуальной элиты были А. С. Изгоев, С. Н. Прокопович, Е. Д. Кускова и др. Именно эти лица «привезли с собой знание нужд России и с их участием трудная задача, поставленная себе республиканско-демократическими элементами за границей, теперь казалась более разрешимой»²⁶.

В лице Е. Д. Кусковой и С. Н. Прокоповича, принесших с Родины «радостную весть» о том, что сторонники новой тактики «ближе к пониманию России, чем другие», милюковцы приветствовали «сильного союзника»²⁷. Их доклады, представленные на проходившем в Париже с 24 сентября по 2 октября 1922 г. «совещании инициативной группы», убедительно показали остальным участникам, что «политическая мысль демократических элементов в России движется путями, параллельными заграничным»²⁸. Принятая совещанием общая политическая платформа не стала основой для какого-либо союза, но явила собой некую сумму «общих директив для объединения идейной работы»²⁹. Ее основу составили вопросы внутренней политики, которые, как указывалось выше, были исключены из обсуждения при реализации «первой попытки» объединения (в рамках работы совещания членов Учредительного собрания).

В декабре 1923 г. конституировался Республиканско-Демократический Блок (Республиканско-Демократический Союз), в который вошли милюковцы и представители новой республиканско-демократической организации «Крестьянская Россия», созданной покинувшими свою партию социалистами-революционерами А. А. Аргуновым и С. С. Масловым.

«Крестьянская Россия» предполагала в перспективе «тесное единение крестьянской и некрестьянской интеллигенции в совместной работе над объединением трудового крестьянства и над созданием в его недрах крепкой культурной и политической силы»³⁰. Основным вопросом существования конституционно-демократической партии Милюков также определял ее превращение «из партии профессоров и интеллигентов» в «сильную общероссийскую партию»³¹. Ставка на крестьянство в борьбе против большевиков предполагала, что «политическая жизнь в России

будет строиться снизу»³². Совместная деятельность милюковцев и группы Маслова, прежде всего, дала им возможность «получать средства из чехословацких источников и совместно искать пути в СССР»³³. Однако постепенно нарастающие внутри Союза разногласия, основанные, преимущественно, на скептическом отношении «Крестьянской России» «к мирным способам борьбы с советской властью» и противопоставлении им своих революционных методов³⁴, привели в итоге к тому, что с 1 января 1929 г. он прекратил свое существование.

Парижская группа в 1923—1924 гг. была фактически единственной из кадетских групп, продолжавшей свою деятельность³⁵. По инициативе П. Н. Милюкова, в связи «желательностью ее расширения», 18 февраля 1924 г. был образован Центральный орган Парижской демократической группы, получивший название «Центральное Бюро демократической партии Народной Свободы». Члены Центрального Бюро были наделены теми же правами и обязанностями, которыми обладали члены ЦК. В его состав вошли 14 человек, «примкнувших к демократической группе»³⁶.

26 июня 1924 г. «Демократическая группа партии Народной Свободы» была переименована в «Республиканско-Демократическую группу партии Народной Свободы». Теперь для группы открывалась возможность «более свободного, чем ранее, приема в число ее членов»³⁷.

Фактически с этого момента, как отмечает В. А. Кувшинов, произошло превращение кадетов в кордеков³⁸. Однако необходимо отметить, что сами кадеты считали подобное название не совсем удачным и настоятельно рекомендовали своим единомышленникам в России называть их эрдеками³⁹.

Новым этапом в политической жизни П. Н. Милюкова и его сторонников стала их деятельность в рамках Республиканско-Демократического Объединения (РДО), которое конституировалось 8 июня 1924 г. Утвержденная «краткая платформа воззвания» РДО была размещена на страницах «Последних Новостей» 20 июня 1924 г. В ней признавался факт совершения в России «народной революции» и отвергалась всякая возможность насильственного возвращения «к социально-политическому строю, предшествовавшему революции». В качестве авторитет-

нейшего фактора в строительстве России, как страны земледельческой, определялся «трудовой земледельческий элемент»⁴⁰.

Особо подчеркивалось, что дальнейшая выработка практической программы будет основываться не на отвлеченных теориях и формулах, а на ближайшем «объективном изучении жизни сегодняшней России, ее ошибок и ее достижений, новых запросов и новой психологии населяющих ее народностей». «Будущая Россия» должна была выйти «из настоящей, а не из до-революционной»⁴¹. РДО, по словам П. Н. Милюкова, должно было стать «необходимой промежуточной формой между «партией» и «союзом»⁴².

К 1926 г. факты, говорящие об «эволюции» России при советской власти, были для эрдеков «налицо». Теперь на очередь вставал вопрос о том, «как далеко может пойти эта эволюция»⁴³. С 1922 по 1926 г. сторонникам Милюкова «пять раз» пришлось менять ответ на этот вопрос. С кратко-однозначного «нет» — позиция постепенно менялась от «Россия может эволюционировать и при советской власти, но — несмотря на нее и вопреки ей» — до «эволюция может происходить также благодаря сознательной политике советской власти, вынужденной в собственных интересах перейти от политики разрушения к политике восстановления русских производительных сил»⁴⁴.

При подведении итогов деятельности РДО, «в лице его центральной парижской группы», было отмечено, что «Объединение самым фактом своего существования свидетельствовало, что между двумя крайними течениями в эмиграции» — «примиренческими» и «реакционными» — присутствовала «вполне самостоятельная и независимая политическая позиция, основанная не на возврате к прошлому и не на капитуляции перед настоящей Россией, а на борьбе за ее будущее»⁴⁵.

1927 г. стал десятым годом пребывания большевиков у власти. Из прочитанных в РДО докладов, определяющих направление политической мысли и приоритетов организации, крайне интересен доклад профессора Н. С. Тимашева «Советский строй и демократия»⁴⁶. В нем, как и в 1921 г., затрагивалась проблема использования Советов в постбольшевистском будущем России.

Тимашев делал важное, на наш взгляд, заявление о том, что «не исключена возможность, что русская демократия при своем рождении будет обличена в формы, заимствованные у советского

стройка». Кадетский идеолог подчеркивал, что поскольку «идея государства советов, освобожденных от коммунистической партии, не только приемлетя некоторыми зарубежными политическими течениями, притом принадлежащими к различным лагерям, — но, несомненно, имеет известные корни и внутри России», необходимо «продумать проблему государства свободных советов с точки зрения демократического мирозерцания». «Советская форма демократии» могла стать приемлемой «или как окончательная», если она «окажется способной ко внутреннему развитию, или как переходная к иной, лучшей, уже изведанной или подлежащей нахождению». Не могла она только стать переходным этапом к захвату власти каким-то новым «правлящим отбором», поскольку не измененный, «рабски скопированный с советских конституций строй свободных советов» мог привести лишь к установлению новой диктатуры⁴⁷.

Начало 1930-х гг. стало еще одной вехой деятельности эрдеков. В частности, в «Хронике РДО», вышедшей в феврале 1932 г., П. Н. Милюков констатировал: «Настоящий номер “Хроники РДО” знаменует новую черту в истории развития нашей политической группы»⁴⁸. Речь шла о более подробной разработке социальной программы, при этом предметом дискуссии стал вопрос «о границах индивидуальной свободы и государственной компетенции»⁴⁹. В процессе его обсуждения перед эрдеками встала «серьезная задача выбора» между признанием «частной собственности и частной инициативы», как «позиции капиталистического мировоззрения», и могущественной ролью государства с его вмешательством в экономические процессы, являющей собой «приближение к социализму». И именно в рамках разрешения этой дилеммы П. Н. Милюков коснулся понятия «синтез», к которому должен был прибегнуть политик, строящий практическую программу, основанную на сочетании «двух, дополняющих одно другое начал»⁵⁰.

Разработка социальной программы проводилась Республиканско-Демократическим Объединением при поддержке парижской республиканско-демократической группы партии Народной Свободы. За «исходную точку» было взято «то положение, в котором Россия оказалась бы на другой день после падения большевиков»⁵¹.

Основные принципы программы выводились из «признания революции» и «всегдашней тактики внимательного отношения к тем огромным переменам, которые совершились в России». Особо подчеркивалось, что не все в «наследстве» большевиков было плохо и не все подлежало уничтожению. В особенности это касалось того, что «было присвоено государством в порядке расширения его компетенции». Более того, указывалось даже на то, что «при всем плачевном крахе пятилетнего плана» «было бы невозможно целиком зачеркнуть самую идею плана», поскольку она не принадлежала «одним большевикам»⁵².

Программные положения, утвержденные 30 октября 1932 г. общим собранием РДО, включали три основных вопроса: промышленный, аграрный и рабочий. В области промышленной политики предусматривалось использование «государственного и частного начал в промышленном хозяйстве».

Несколько подробнее остановимся на аграрном вопросе, поскольку с самого возникновения кадетской партии он рассматривался не только как экономический, но и как политический. В области аграрной политики вводилось понятие «переходного периода», когда до «окончательного решения земельного вопроса» «верховное право на землю» должно было сохраняться за государством. Никакие претензии бывших собственников не принимались. Предусматривалось немедленное «перераспределение земли между земледельцами». Эта задача возлагалась на государственную власть, которая должна была, придав процессу перераспределения «наиболее закономерный характер», «создать в самый короткий срок необходимые условия для нормальной сельскохозяйственной деятельности».

При окончательном разрешении земельного вопроса основная задача законодательства заключалась «в достижении наибольшего благосостояния страны и земледельческого населения». Это, в свою очередь, предусматривало проведение в жизнь определенных начал. Земля из государственного земельного фонда распределялась между «занятыми в сельском хозяйстве земледельцами на праве частной собственности». Частная собственность на землю могла быть «как личной, так и общественной». При этом за государством сохранялось «право регулирования размеров землевладения, борьбы с земельной спекуляцией и

хищническими условиями аренды, принятия мер для наиболее рационального использования сельскохозяйственной площади и принудительного отчуждения земли для общественных надобностей, в частности для надобностей, вызываемых осуществлением мелиоративных сооружений».

Здесь мы подходим к крайне интересному вопросу, относящемуся к судьбе таких двух типов социалистических сельскохозяйственных предприятий, как колхозы и совхозы. По сути, земледельцам предоставлялось право самим решать, как они хотят вести хозяйство — коллективно или индивидуально. В программе ничего не говорится о необходимости ликвидировать колхозы. Указывается лишь на то, что «земледельцам предоставляется полная свобода выхода» из них, с правом получения земли на общих для всех основаниях и «с выделением их доли из имущества колхозов». По желанию члены колхозов «могли вести хозяйство на кооперативных началах». В отношении совхозов позиция была более конкретной. Предусматривалась их ликвидация в тех районах, где земледельцы не могли быть достаточно обеспечены землей. Там же, где не было «земельной тесноты», они оставались в эксплуатации государства, при условии должной доходности для «удовлетворения государственных потребностей». При отсутствии реальных доходов совхозные земли передавались в государственный земельный фонд, а имущество — органам местного самоуправления⁵³.

Относительно рабочей программы отметим лишь, что она строилась на принципах «вмешательства государства в область трудовых отношений»⁵⁴.

В итоге, при изначально четко определенной эрдеками «политической позиции — борьбы за республиканскую демократию»⁵⁵, социальная программа выстраивалась с учетом огромных изменений, произошедших в Советской России. Для решения основного, дискуссионного вопроса о границах индивидуальной свободы и государственной компетенции была использована некая синтетическая формула, предусматривающая, наряду с утверждением личного начала как основного стимула «здоровой народно-хозяйственной деятельности», право вмешательства государства в социально-экономические отношения «в целях достижения подлинного социального мира и благополу-

чия»⁵⁶. Тот факт, что программа признавала «принципиальную равноценность как личного, так и коллективного начала в развитии производительных сил»⁵⁷, на наш взгляд, лишней раз указывал на попытку поиска некоей равнодействующей между индивидуализмом, присущим либерализму, и свойственным социализму коллективизмом.

Таким образом, можно говорить о том, что идейная эволюция представителей демократического крыла кадетской интеллигенции, возглавляемого П. Н. Милюковым, с момента провозглашения нового тактического курса шла в сторону «пореволюционности», концепция которой, как указывалось выше, была сформулирована еще до того, как представители интеллектуальной элиты, принадлежащие к разным партиям и течениям, уже в эмиграции начали разрабатывать разного рода «синтетические», компромиссные по отношению к большевизму теории, получившие общее название «пореволюционных». В основе этой концепции лежала попытка объективной оценки перспектив развития России, с учетом тех изменений, которые принесла с собой Октябрьская революция, а также понимание необходимости выделения из «утопических фантазий» того «здорового» и «жизненного», что несли в себе социалистические идеи. Именно это «здоровое» и «жизненное» мог вобрать в себя «социализирующийся» в своей эволюции либерализм, который, трансформировавшись в итоге в некое «радикально-демократическое течение», должен был стать идеологией «третьего пути» для возрожденной «Третьей России».

В заключение, в подтверждение вышесказанного, хотелось бы привести тот факт, что в статье, посвященной десятилетию деятельности РДО, было сделано заявление о том, что РДО являлось «организацией пореволюционной (не в специфическом смысле этого слова)»⁵⁸. Подчеркнутая неспецифичность пореволюционности эрдеков, возможно, указывает на то, что у них было свое понимание относительно идей, которые должна была проводить истинно «пореволюционная организация». При явно критическом отношении П. Н. Милюкова к организациям, называвшим себя «пореволюционными», он писал о том, что именно он и его сторонники «проповедовали необходимость» «поворота эмиграции лицом к России», «когда о нем еще никто не говорил», а «са-

мая попытка заговорить на эту щекотливую тему считалась чуть ли не изменой и предательством той идеи родины, которая сохранилась в неизменном виде в представлении ушедших»⁵⁹. Но именно РДО, вслед за «новой тактикой» П. Н. Милюкова, «решительно повернулось лицом к России»⁶⁰.

Примечания

- ¹ Последние Новости. 1920. 27 апр.
- ² Милюков П. Н. При свете двух революций : деятельность партии Народной Свободы и ее Республиканско-демократической группы // Исторический архив. 1993. № 2. С. 127.
- ³ Последние Новости. 1920. 27 апр.
- ⁴ Из глубины : сборник статей о русской революции. М., 1990.
- ⁵ Колеров М. К истории «пореволюционных» идей: Н. Бердяев редактирует «Из глубины» (1918) // Исследования по истории русской мысли : ежегодник за 1998 год. М., 1998. С. 321.
- ⁶ Квакин А. В. Сборник «Из глубины» 1918 года и формирование пореволюционной идеологии интеллигенции России // Россия: тенденции и перспективы развития : ежегодник. М., 2009. Вып. 4. Ч. 1. С. 507.
- ⁷ См.: Колеров М. Указ. соч. С. 321.
- ⁸ Котляревский С. А. Оздоровление // Из глубины. С. 185.
- ⁹ Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 570.
- ¹⁰ Изгоев А. С. Социализм, культура и большевизм // Из глубины. С. 152.
- ¹¹ Кувшинов В. А. Кадетская эмиграция: историография, организация, политика : год первый (май 1920 — июль 1921). М., 2005. С. 40.
- ¹² Милюков П. Н. Россия на переломе. Париж, 1927. Т. 2. С. 240.
- ¹³ Протоколы Центрального Комитета и Заграничных групп Конституционно-демократической партии : в 6 т. М., 1997. Т. 5. С. 175.
- ¹⁴ Последние Новости. 1921. 16 июля.
- ¹⁵ Милюков П. Н. Россия на переломе. С. 243.
- ¹⁶ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5856. Оп. 1. Д. 183. Л. 14.
- ¹⁷ Последние Новости. 1921. 18 марта.
- ¹⁸ Там же. 11 марта.
- ¹⁹ Там же. 7 июня.
- ²⁰ Там же. 18 марта.
- ²¹ Там же. 10 июня.
- ²² Милюков П. Н. Россия на переломе. С. 242.
- ²³ Там же. С. 243.
- ²⁴ Последние Новости. 1922. 1 марта.

- ²⁵ Милуков П. Н. Россия на переломе. С. 266.
- ²⁶ Александров С. А. Лидер российских кадетов П. Н. Милуков в эмиграции. М., 1996. С. 47.
- ²⁷ Последние Новости. 1922. 6 окт.
- ²⁸ Милуков П. Н. Россия на переломе. С. 267.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же. С. 268.
- ³¹ Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. М., 1999. Т. 6. Кн. 2 : Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии. 1923—1933 гг. С. 19.
- ³² Там же. С. 16.
- ³³ Соколов М. В. П. Н. Милуков в поиске контактов с оппозицией в СССР в 20-е гг. XX в. Мыслящие миры российского либерализма: Павел Милуков : материалы междунар. коллоквиума. М., 2009. С. 173.
- ³⁴ Протоколы... Т. 6. Кн. 2. С. 421.
- ³⁵ Кувишинов В. А. Деятельность кадетских партийных организаций в эмиграции (июль 1921 — март 1933). М., 2009. С. 180.
- ³⁶ Протоколы... Т. 6. Кн. 2. С. 227.
- ³⁷ Там же. С. 301.
- ³⁸ Кувишинов В. А. Деятельность кадетских партийных организаций в эмиграции. С. 233.
- ³⁹ Последние Новости. 1925. 25 янв.
- ⁴⁰ Там же. 1924. 20 июня.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же. 21 июня.
- ⁴³ Милуков П. Н. Эмиграция на перепутье. Париж, 1926. С. 90.
- ⁴⁴ Там же. С. 91.
- ⁴⁵ Из жизни Объединения : Бюллетень Республиканско-Демократического Объединения. 1926. Октябрь. С. 23.
- ⁴⁶ Тимашев Н. С. Советский строй и демократия // Последние Новости. 1927. 23 июля.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Милуков П. Н. Новый этап // Хроника РДО. 1932. Февраль. № 18/19. С. 1.
- ⁴⁹ Там же. С. 2.
- ⁵⁰ Там же. С. 12.
- ⁵¹ Социальная программа РДО // Последние Новости. 1932. № 4244.

- ⁵² Русское Республиканско-Демократическое Объединение : программные положения, утвержденные общим собранием 30 октября 1932 года // Там же.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Последние Новости. 1933. 4 янв.
- ⁵⁶ Наши задачи // Наше слово. 1934. № 1/2. Май. С. 2.
- ⁵⁷ Современные социальные искания // Там же. 1935. № 3. С. 9.
- ⁵⁸ К 10-летию РДО // Там же. С. 11.
- ⁵⁹ Последние Новости. 1931. 26 сент.
- ⁶⁰ К 10-летию РДО.

ББК 63.3(0)32-283.2

В. Н. Солнцева

СПОРЫ ЛАТИНСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ III—IV ВВ. О ЧЕЛОВЕКЕ: ОПЫТ ХРИСТИАНСКОЙ АПОЛОГИИ АРНОБИЯ И ЛАКТАНЦИЯ

Говоря об «интеллигенции» сегодня, мы в основном подразумеваем те смыслы, которое этот термин получил в XIX веке в российском обществе. Однако само понятие уходит корнями в глубокую древность. Слово *intelligentia* принадлежит еще классической, цицероновской латыни: оно значило в ней «понимание», «способность к пониманию». За две тысячи лет это слово получило в европейской латыни много дополнительных оттенков, но сохранило общий смысл: «разумность», «бессмертное состояние человека как разумного существа». Понятие «интеллигенция» в первоначальном, этимологическом смысле означало «служба ума» и было обращено ко всему миру, как живому, так и неживому — ко всему, что могло потребовать вмешательства разума¹.

© Солнцева В. Н., 2011

Солнцева Виктория Николаевна — аспирантка кафедры истории Древнего мира и Средних веков Ивановского государственного университета. vs-85@yandex.ru.

Исходя из этого, нам кажется, что изучение такого феномена, как интеллигенция, невозможно без обращения к традициям античных интеллектуальных полемик. Кроме того, современный мир европейской интеллектуальной культуры тесно связан с христианским мировоззрением, именно в его трактовке мы воспринимаем главный объект и субъект всех культурных процессов — человека.

На ранних этапах христианства взгляд на человека складывался из многих составляющих — это и достижения эллинистической и античной философии, гностические учения и, наконец, тексты Священного Писания и труды первых Отцов Церкви. Решение антропологического вопроса в христианской мысли оказалось процессом достаточно долгим, и правомерно будет говорить о двух периодах: раннем, доникейском (до 325 г.), когда основной вопрос антропологии — о человеческой природе — только возник и были предприняты первые попытки его разрешения, и зрелом периоде классической патристики и раннего средневековья (IV—VIII вв.), когда этот вопрос получил свое разрешение в трудах Отцов Церкви и решениях церковных соборов².

Стоит отметить, что со второй половины II в. насущной задачей христианства стала адаптация его к внешнему миру и, в первую очередь, к совершенно чуждой ему культурной среде языческого мира. Начинается процесс эллинизации христианства, в ходе которого постепенно меняется и само лицо новой религии, и представления о ней языческого общества³. Решающую роль в этом процессе сыграла христианская интеллектуальная элита, к которой прежде всего следует отнести апологетов и других представителей доникейской патристики. В задачу апологетов входило: отвести обвинения от христиан; добиться терпимого отношения к христианской религии со стороны государства; в сопоставлении греческой философии с христианским учением доказать истинность и преимущество последнего. Началом литературной деятельности апологетов был момент, когда христианство отважилось представить себя как высшее осуществление культурных стремлений общества. В этом смысле апологетика — это не «эллинизация христианства», а полноценный диалог с языческой философией, в котором христианство осваивало ее понятийный язык и трансформировало его в религиозно-богословском ключе.

Кроме того, апологетика предлагала осмыслить всю предшествовавшую мудрость как ступень на пути к истине, которая была открыта Христом и которую воплотило христианство⁴. Нужно было найти параллели между греческой философией и христианской мыслью, но одновременно представить греческую философию предшественницей христианства, а его, в свою очередь, — откровением того, что предшествующая философия лишь предчувствовала⁵. Поэтому христианские апологеты в ключевых вопросах новой веры стремились подчеркнуть интеллектуальную связь между Священным Писанием и идеями некоторых философов и поэтов Античности, добиваясь того, чтобы снять напряжение между христианством и наиболее значимыми греческими и латинскими учителями. В этой объемной проблеме культурно-исторического синтеза Античности и христианства мы для своего исследования берем один аспект — вопрос о человеке.

Большинство ранних Отцов Церкви, в том числе и апологеты, происходили из высших слоев общества и до обращения так или иначе были связаны с профессиональным философствованием. Для них противоречие между двумя культурами, иудео-христианской и языческой, стало противоречием внутренним. Именно в таком положении оказались христианские апологеты III — начала IV века Арнобий и Лактанций: будучи воспитаны в традициях языческой культуры и философии, оба долгое время оставались в пределах языческой культуры, приняли христианство в зрелом возрасте и, скажем так, изнутри решали проблемы адаптации собственного мировоззрения к качественно новой культуре.

Из всех ранних христианских писателей именно для них вопрос о человеке стал предметом пристального внимания. В этом проявилось изначальное своеобразие латинского направления христианской мысли. Если восточной патристике было свойственно внимание к высокой теологической проблематике и первостепенная ориентация на платоническую метафизику, то латинский Запад, объединенный римской культурной традицией, проявлял наибольший интерес к проблемам индивида и социума, т. е. к антропологии, этике и праву⁶.

Обращение именно к Лактанцию и Арнобию связано и с тем, что их точки зрения на человека резко противопоставляются друг другу. Не расходятся в определенных пунктах, а являются

полностью противоположными по сути. Там, где Лактанций видел плюсы, Арнобий ставил минусы. Некоторые различия кроются уже в самой постановке проблемы. Если Лактанций посвятил антропологии специальное произведение — «О творении Божиим»⁷ и впоследствии обращался к этой тематике в книгах «Божественных установлений»⁸, то Арнобий развивает антропологическую тему в первую очередь с целью развенчать языческие заблуждения и умерить тщеславие античных философов в оценке человека и его места в мире⁹.

Задолго до того, как христианство вплотную занялось разработкой антропологической темы и достигло на этом поприще определенных результатов, Античность уже дала свои ответы на вопросы о сущности человека и его месте в мире. Тема человека была поставлена в центр философствования к середине V века до н. э. Сократом и софистами. Протагор объявляет человека «мерой всех вещей». Сократ этого не утверждал, но именно его метод извлечения скрытого в человеке знания с помощью искусных наводящих вопросов сконцентрировал греческую мысль на человеке, определении его достоинства, на познании человеком самого себя и жизни в согласии с нравственными нормами, диктуемыми разумом¹⁰. Философия Платона представляла весь существующий мир, космос как «живое существо, наделенное разумом» и человека — в качестве его крайнего звена. В «Тимее» Платон провел параллель между Космосом и человеком как между макрокосмом и микрокосмом. Согласно Платону, сам Космос представляет собой живое, разумное существо, вместилище космического ума, космической души и космического тела. Согласно его философии, объединяющим началом всего существующего является начало духовное, душа человека — часть мировой души. Поэтому человек, с точки зрения Платона, есть, прежде всего, душа. Она божественна по происхождению, нематериальна, вечна и бессмертна, в земном существовании она временно соединена с телом, но тело — темница души¹¹.

Мысль об особом положении человека в мире развивал и Аристотель: определяя человека как «общественное животное», наделенное разумом, он тем самым подчеркивает его уникальность среди прочих творений. Аристотель вносит свои коррективы в платоновское учение о душе: определив типологию различных

«уровней» души, самое высокое место он отводит душе разумной, которой обладает из всех животных один лишь человек. Она наделена высшей из способностей — рассуждением и мышлением. Разум открывает для человека путь к добродетелям, дарует бессмертие (в слиянии единичного разума с мировым заключается бессмертие индивидуальной души), в способности к познанию Аристотель видит особое достоинство человечества как вида¹².

В противоположность аристотелевскому «общественному человеку», чьи устремления направлены вовне, Эпикур и его последователи представляют индивидуалистическую концепцию человека. Индивид — первичен; все общественные связи, все отношения людей зависят от отдельных лиц, от их субъективных желаний и рациональных соображений пользы и удовольствия. Индивидуалистической трактовке человека вполне соответствует атомистическая натурфилософия Эпикура: реальным является бытие отдельных изолированных атомов, а то, что составляется из них — вещи и явления видимого мира, — это лишь вторичные образования, скопления атомов. Атомизм Эпикура распространяется и на представления о душе; в отличие от теорий Платона и Аристотеля здесь она лишена бессмертия и подвержена разложению, как все существующее¹³.

Эти идеи греческих философов не остались лишь элементом греческой культуры. Благодаря, прежде всего, Цицерону мысли Платона, Аристотеля, Эпикура о человеке зазвучали на латыни и стали важной составляющей римской культуры. Однако ко времени становления христианской антропологии сама античная философия заметно поменяла свой облик. Эллинистическая культура породила множество эклектичных по своей природе взглядов на мир, в том числе на человека и его место в мире. В III веке н. э. рождается неоплатонизм, связанный с именами Плотина, Порфирия, Прокла и Ямвлиха. Согласно Плотину, человек может вести существование как низменного существа, чьи устремления направлены на удовлетворение потребностей тела, так и возвышенного — для такого человека приоритетной является душа. Неоплатоники развивали теорию о предсуществовании души, о ее ниспадении на землю из божественного окружения, когда изначально совершенная, наполненная божественным светом душа подвергается испытаниям в отнюдь не идеальном земном мире¹⁴.

Противоречия между духом и плотью беспокоили и приверженцев гностического учения. Это сложное и неоднородное по характеру направление религиозно-философской мысли интересовалось в основном метафизическими, трансцендентальными проблемами и не имеет систематизированной антропологии. Однако, противопоставляя духовное и мирское, гностики противопоставляют среди прочего плоть и дух, последний из которых также не совершенен, как и первая, происходит не от высшего божества, чем и обусловлена его средняя природа¹⁵. В противоположность гностицизму герметизм дает человеку гораздо более высокую оценку: хотя человек является двояким существом, приобщенным к высшему и знающим с низшим¹⁶, в герметических писаниях он трактуется как существо универсальной природы, как образ Божий и владыка всех тварей¹⁷.

Используя весь накопленный опыт философской мысли, апологеты разрабатывали антропологическую тему, которая в их трудах переориентировалась с этико-космологической позиции Античности на личностно-ориентированную, заявленную христианством. На Западе в первые три века христианства над проблемой антропологии работали Минуций Феликс, Киприан Карфагенский и особенно Тертуллиан¹⁸. К концу III века мы можем наблюдать пеструю картину религиозно-философских взглядов, которые предоставляли достаточно аргументов как для возвышения человека, так и для его ниспровержения. Арнобий и Лактанций использовали оба типа аргументации, дополнив и расширив их сообразно со своим темпераментом, опытом и целями. Объединяет апологетов идея моральной ответственности человека и его спасения посредством христианской веры¹⁹, что напрямую вытекает из особенностей христианской апологии как жанра, равно как и круг антропологических проблем — свойства тела и души, их природа и соотношение. Двойственность человека, идущая еще от Платона, в равной мере осознается апологетами, они оба также видят приоритет души над плотью²⁰. Однако конкретное решение поставленных проблем у апологетов противоположно. Если Лактанций рассматривает тело как мудро устроенный механизм, в котором видна рука Творца, восхищается красотой и продуманностью Божьего замысла²¹, то Арнобий уравнивает человека со всеми живыми существами, проводит с ними

физиологические параллели и показывает телесную слабость человека²². Принципиальное различие в конечном итоге сводится к тому, что Лактанций, вслед за Овидием, Аристотелем, Цицероном и вместе со всеми христианскими апологетами, ставит человека в центр мира, называет его венцом творения²³. Арнобий же, напротив, предпочитает не выделять особо человека из животного мира, дабы умерить тщеславие людей, и собственно значение человека для мира сводит практически к нулю²⁴. Уникальность и высокое положение человека подкрепляются у Лактанция утверждением бессмертия человеческой души и ее божественным происхождением²⁵. Этот тезис, воспринятый у античных философов и закреплённый Священным Писанием, стал одним из неоспоримых догматов христианства. Но Арнобий и здесь не хочет дать человеку чрезмерно высокую характеристику, предпочитая наделить души «средней природой» и потенциальной способностью к разрушению, что позволяет некоторым исследователям утверждать влияние идей Эпикура на апологета²⁶. Само утверждение о средней природе души напрямую связано у него с идеей спасения и призвано подчеркнуть, что *только* следуя заветам христианской веры, можно спасти душу, и *только* посредством Христа можно достигнуть бессмертия.

Столь различные подходы к решению антропологического вопроса могут иметь несколько причин. Например, понимание авторами своей апологетической задачи и форма использования риторических приемов: путь к христианскому Богу через доказательство совершенства его творений и преодоление пессимизма и ничтожности человеческого бытия в устремленности к Богу²⁷ — равно сильные по эмоциональному воздействию формы доказательства преимуществ новой веры и, несмотря на разницу в общем характере повествования, равно аргументированные. Могут быть также приняты во внимание эмпирический опыт и обстоятельства жизни апологетов. Предположим, более благополучная судьба Лактанция могла способствовать формированию его оптимистических взглядов, тогда как суровые условия жизни Арнобия²⁸ придавали его суждениям мрачный характер. Так или иначе сами различия свидетельствуют прежде всего об отсутствии в начале IV века четкого, раз и навсегда определенного христианского взгляда на человека, его предназначение и место в мире.

Однако, несмотря на существенные различия в характере антропологии, на своеобразии трактовок принципиальных для христианства вопросов о происхождении и природе души, общий перечень решаемых ими антропологических задач, попытка связать фундаментальные вопросы человеческого бытия с его пребыванием в рамках новой веры делают Арнобия и Лактанция христианскими писателями. Становление христианской догматики проходило на фоне тесного взаимодействия христианства с многовековой и многоликой языческой культурой²⁹. Это вынуждало апологетов не просто защищать новую веру, но и органично включать ее постулаты в формировавшееся веками языческое мировоззрение. Если учесть, что наши апологеты на момент написания своих трудов пребывали в лоне христианства весьма недолго и были не очень хорошо знакомы собственно со Священным писанием³⁰, появление спорных суждений было неизбежным. Арнобий и Лактанций признаются, что по некоторым вопросам не только сами не могут дать точного ответа, но и сомневаются, что это вообще возможно (таким туманным оставался вопрос о происхождении души)³¹. Но сообразуясь со своими целями и взглядами на мир, апологеты систематизировали различные утверждения разнообразных авторов, создавая самобытные антропологические учения.

В рассматриваемый нами период можно условно выделить две группы интеллектуалов: собственно церковная интеллигенция, чье мировосприятие проявлялось в большей степени в русле формирующейся «церковной культуры», и интеллигенция «светская», хотя и принявшая христианство, но не обладавшая сколько-нибудь специфическим христианским взглядом на мир. Конечно, степень знакомства Арнобия и Лактанция со Священным Писанием, время пребывания в лоне Церкви и некоторые особенности мировоззрения не позволяют в полной мере говорить об их *специфически-христианском* взгляде на мир. Но в то же время Арнобия и Лактанция традиционно включают в число Отцов Церкви. И действительно, они внесли свой, пусть и скромный, вклад в формирование христианского мировоззрения, в том числе — христианской антропологии. Концепция Лактанция, построенная на утверждении позитивного начала в человеке, заняла прочное место в истории христианской мысли, к ней обращались

авторы последующих эпох, особенно Возрождения. Арнобий со своим негативным отношением к человеку стоит несколько особняком в ряду апологетов, но именно его идеи мы слышим в словах средневековых критиков человека. И безусловно, концепции Лактанция и Арнобия представляют неоспоримый интерес как примеры интеллектуального осмысления античного наследия носителями новой религиозной культуры.

Примечания

- ¹ *Гаспаров М. Л.* Интеллектуалы, интеллигенты, интеллигентность // Русская интеллигенция : история и судьба. М., 2000. С. 7—9.
- ² *Фокин А. Р.* Соотношение души и духа в греческой и латинской патристике // Человек. 2009. № 3. С. 84.
- ³ *Реверсов И.* Защитники христианства (апологеты). СПб., 1898.
- ⁴ *Столяров А. А.* Патрология и патристика. М., 2001. С. 85—91.
- ⁵ *Болотов В. В.* Лекции по истории древней Церкви : в 4 т. М., 1994. Т. 2. С. 165.
- ⁶ *Реверсов И.* Очерк западной апологетической литературы II—III вв. Казань, 1892. С. 14.
- ⁷ *Lactantius.* De opificio Dei // CSEL / eds. S. Brandt, G. Laubmann. Vien, 1893. Т. 27.
- ⁸ *Lactantius.* Divinae Institutiones // CSEL / ed. S. Brandt. Vien, 1890. Т. 19.
- ⁹ *Arnobius.* Adversus nationes // CSEL / ed. A. Reifferscheid. Vien, 1875. Т. 4.
- ¹⁰ *Вальверде К.* Философская антропология. Гл. II. URL: http://krotov.info/libr_min/v/val/verde.
- ¹¹ Там же.
- ¹² *Аристотель.* О душе. III ; *Вальверде К.* Указ. соч.
- ¹³ *Лукреций.* О природе вещей. III. 784—829.
- ¹⁴ См. об этом: *Лосев А. Ф.* История античной философии в конспективном изложении. URL: <http://lib.ru/FILOSOF/LOSEW>.
- ¹⁵ *Иринея Лионский.* Против ересей. V. 5 ; XXIV.1.
- ¹⁶ *Асклепий.* Божественная книга Гермеса Трисмегиста, посвященная Асклепию. 6 // Чаша Гермеса: гуманистическая мысль эпохи Возрождения и герметическая традиция. М., 1996.
- ¹⁷ *Кудрявцев О. Ф.* «Великое чудо человека» // Там же. С. 11.
- ¹⁸ Самые общие замечания об антропологии этих апологетов см.: *Фокин А. Ф.* Латинская патрология. М., 2005. Т. 1. С. 38, 103—110, 178—180.

- ¹⁹ *Arnobius*. Op. cit. II. 53, 60 ; *Lactantius*. Div. inst. VI. 15—16.
- ²⁰ *Arnobius*. Op. cit. II.13 ; *Lactantius*. Div. inst. II. 12.10—11.
- ²¹ *Lactantius*. De opif. Dei. 5—16.
- ²² *Arnobius*. Op. cit. II. 45, 76.
- ²³ Ср.: *Минуций Феликс*. Октавий. 5 ; *Овидий*. Метаморфозы. I. 84—86 ; *Цицерон*. О природе богов. II. 56. 140. Об отношении Арнобия к трудам Минуция Феликса см.: *Geffcken J.* Zwei griechischen Apologet. Leipzig, 1907. S. 288—289.
- ²⁴ *Arnobius*. Op. cit. 37.
- ²⁵ *Lactantius*. De opif. Dei. 17. 1—4.
- ²⁶ *Arnobius*. Op. cit. II. 53. См. об этом: *Klussmann E.* Arnobius und Lucrez, oder ein Durchgang Epikuräismus zum Christentum // *Philologus*. Bd. 26. 1867. S. 362—366 ; *Голенищев-Кутузов М. И.* Средневековая латинская литература Италии. М., 1972. С. 74 ; *Дуров В. С.* История римской литературы. СПб., 2000. С. 500—501.
- ²⁷ Принятие человека как специальный прием «христианских скептиков» на примере Арнобия рассмотрен Э. Жильсоном: *Жильсон Э.* Средневековая философия. 1922. URL: <http://www.lib.ua-ru.net>.
- ²⁸ *Дроздов Н. М.* Древнехристианский писатель Арнобий и его апология христианства // Арнобий. Против язычников. СПб., 2008. С. 9—14.
- ²⁹ О заимствованиях апологетов из античных источников см.: *Amata B.* Problemi di antropologia arnobiana. Roma, 1984 ; *Loi V.* Lattanzio nella storia del linguaggio e del pensiero teologico pre-niceno. Zürich, 1970 ; *Perrin M.* Homo christianus. Christianisme et tradition antique dans l'anthropologie de Lactance. Lille, 1979. P. 99—102 ; *Дроздов Н. М.* Указ. соч. С. 37—40 ; *Тюленев В. М.* Лактанций и его «Божественные установления» // Лактанций. Божественные установления. Кн. I—VII. СПб., 2007. С. 16—24 ; *Он же.* Малые сочинения Лактанция // Лактанций. О творении Божиим. О гневе Божиим. О смерти гонителей. Эпитомы божественных установлений. СПб., 2007. С. 6—13.
- ³⁰ О знакомстве Арнобия и Лактанция с текстами Священного Писания см., напр.: *Дроздов Н. М.* Указ. соч. С. 41 ; *Садов А. И.* Древнехристианский церковный писатель Лактанций. СПб., 1895. С. 66—71.
- ³¹ *Arnobius*. Op. cit. II. 47 ; *Lactantius*. De opif. Dei. 17. 4.

Э. Б. Ершова

ОТ СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ К НАШИМ ДНЯМ

На первый взгляд, обозначенная тема для интеллигентоведения довольно-таки необычная, скорее литературоведческая или историко-психологическая, но, с другой стороны, в ней предполагается анализ жизни интеллигенции за большой период времени — более 40 лет. В эти годы над страной пронеслись и прошумели многие события, явления, оставившие глубокий след в жизни всего советского общества. И если вспомнить о них их ровесникам, то понятен будет и посыл молодого поколения, родители и деды которого прошли через бури 40—80-х годов XX столетия. Исходя из такого подхода, монография интересна и научно значима, так как до сих пор живы участники событий тех десятилетий. Об этом Владимир Вячеславович Комиссаров пишет во Введении, где четко формулирует факторы актуальности заявленной темы. Интересен анализ социального статуса и места проживания писателей-фантастов, чьи произведения вошли в вышедшую в 1965—1973 годы многотомную «Библиотеку современной фантастики», а также их контакты между собой.

Автор прав, когда говорит о влиянии фантастики на формирование сознания интеллигенции 60—80-х годов. В условиях идеологического давления и несвободы мнений о властях предрешающих именно фантастика давала возможность несколько иносказательно выразиться о том, что происходило в нашем обществе.

© Ершова Э. Б., 2011

Ершова Эльвира Борисовна — доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политологии Государственного университета управления (Москва). elvira40@mail.ru.

Помню большие дискуссии в среде интеллигенции, в частности в Белоруссии, где мы проживали, о романе Ивана Ефремова «Час быка». С огромным интересом мы продирались сквозь фантастические картины будущего человечества к нашим дням, ибо поняли, что «Часом быка» писатель назвал именно наши годы. Кстати, В. В. Комиссаров уделяет большое внимание этому автору и собственное видение трудов И. Ефремова я опишу чуть ниже.

Важным фактором актуальности своей работы исследователь называет влияние фантастики на современном этапе, и с ним нельзя не согласиться, ибо по фантастике того времени можно мерить уже происшедшие изменения в мире и нашей стране. Разве романы братьев Стругацких не предвосхитили информационные возможности людей — легко получать любую информацию, не выходя из дома? Так что актуальность темы достаточно очевидна.

Первая глава, посвященная теоретическим основам изучения научно-фантастической литературы в контексте интеллигентоведческого исследования, также дает представление о научной значимости монографии В. В. Комиссарова. В ней рассматриваются вопросы объекта исследования, определяются понятия, используемые в работе, формулируется проблема. Автор дает краткий обзор научно-фантастических произведений советских писателей избранного им периода жизни нашего общества и, наконец, говорит об источниках ценности этой прозы. В небольшой рецензии невозможно подробно остановиться на всех положениях, обоснованных в этой главе, но то, что в ней дано достаточно глубокое проникновение в теоретическую базу, не оставляет никакого сомнения в научной значимости темы.

Во второй главе, на наш взгляд, наиболее литературно-исторической и тем интересной, раскрыты такие события и явления, как проблема соотношения между научной фантастикой и Второй мировой войной с точки зрения прогнозов и реальности; значение этого литературного направления в послевоенное время и др.

Автор посвятил отдельный параграф феномену И. А. Ефремова с точки зрения интеллигентоведческого анализа. И на этом хотелось бы остановиться поподробнее. То, что Иван Ефремов — феномен, признают все, кто писал о нем. В. В. Комиссаров анализирует внешние обстоятельства, которые

сформировали личность писателя и ученого, отмечает, что тот «ворвался в науку и литературу по-красногвардейски». Интересно замечание В. В. Комиссарова о том, что И. А. Ефремов воспитывался в старообрядческой среде. Хотелось бы отметить следующее — «внешние факторы» будят в человеке те внутренние духовные устремления, которые живут в его подсознании. И «красногвардейство» И. А. Ефремова было вовсе не «маханием» шашкой, а новым подходом и к людям, и к науке. Оно, безусловно, базировалось на духовном стержне ученого и писателя-фантаста, который был заложен в старообрядческом детстве. «Старообрядческое восприятие» формировало в нем, как совершенно верно отметил В. В. Комиссаров, такие черты, как умение различать добро и зло, уверенность, что всякое видимое явление имеет свое невидимое основание — духовное. Именно оно является ведущим двигателем поступков человека, главной мыслью серьезных философских претензий, о которых пишет часто цитируемый в монографии В. Кайтох. Также корректно использование частной переписки Ивана Ефремова, касающейся воспоминаний о плаваниях по Тихому Океану и посещении Японии. Увиденное в Японии фактически совпало с его духовными исканиями, которые пробудились в нем еще в детстве. Из этого следует вывод, что феномен И. А. Ефремова сформировался не только под влиянием старообрядчества, но и в связи с признанием его таланта как современниками, так и нынешними поколениями.

И. А. Ефремова можно назвать одним из первых писателей, который увидел информационно-технологическое будущее из своих 50—60-х годов XX века. С помощью фантастики писатель показал, какими должны быть люди в будущем («Туманность Андромеды», «Час быка»), что их превосходство должно базироваться на знаниях природы человека и законов человечества в целом и избавлении от того, что вредит самому человеку в его отношениях с миром. На наш взгляд, фактически писатель дал характеристику интеллигенции будущего.

Третья глава, безусловно, интереснейшая по своим подходам к исследованию проблемы роли фантастики в ее предощущении постиндустриального перехода, трансформации политической значимости интеллигенции, противостоянию и взаимовлиянию писателей-фантастов (И. А. Ефремова и братьев Стругац-

ких), соотношению футуристических проектов и другим вопросам. В ней много места отводится ведущим фантастам 60—80-х годов, анализу их взглядов, противопоставлению их произведений и т. д. Автор объясняет свой выбор сопоставимости произведений этих писателей как наиболее ярких и характерных в их творчестве. Но могу сказать, что лично мне ближе И. А. Ефремов с его «Гуманностью Андромеды», «Таис Афинской», «Часом быка» и т. д. С удовольствием перечитываю иногда его произведения и даже рекомендую их своим студентам.

И хотя понятна философская основа произведений братьев Стругацких, но воспринимались они в то время как далекие от действительности. Вполне вероятно, что интеллигенция 60—80-х годов не сразу доходила до сути такой фантастики, как это было, например, с фильмом «Сталкер» по их одноименной книге, поскольку среди нас шла дискуссия о том, что же братья хотели сказать, о какой пустыне, каких разрушениях поведать. Сегодня их произведения уже воспринимаются совершенно по-другому, с позиций прожитого времени, опыта, понимания сути их таланта.

Очень важно то, что в своей работе В. В. Комиссаров, кроме указанных выше писателей, дал анализ произведений еще двух фантастов — В. И. Савченко и С. Ф. Гансовского, расширив тем самым как базу исследования, так и фактуру интеллигентского интереса к их произведениям, которые также пользовались успехом, но без надрыва в обсуждении содержания их трудов.

Можно было бы предложить В. В. Комиссарову рассмотреть многие другие аспекты этой проблемы. Но, во-первых, считаю, право самого автора решать что и как показать в своем исследовании. Во-вторых, в Заключении четко обозначены вопросы, не нашедшие отражения в монографии, что свидетельствует о научном потенциале молодого ученого, его знании предмета. Неоспорима и новизна работы, и очень хорошо, что такое исследование появилось в рамках нашего научного направления — интеллигентоведения.

ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

В. С. Меметов

**Отзыв официального оппонента
на диссертацию Раскатовой Елены Михайловны
«Советская власть и художественная
интеллигенция в 1964—1985 гг.»**

Диссертация была представлена на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 — «Отечественная история». Защита диссертации состоялась 21 февраля 2011 г. на заседании диссертационного совета Д 212.154.01 при Московском педагогическом государственном университете.

Проблема «художественная интеллигенция и власть» всегда являлась и является ведущей, главной проблемой российского интеллигентоведения. И это не случайно, так как типология художественной интеллигенции включает в себя не одну-две, а многочисленные группы креативной интеллигенции, которые объединены общностью целей и задач художественного отображения окружающего мира. К ним, на мой взгляд, очень близко примыкают искусствоведы, литературоведы, театроведы и другие высококвалифицированные специалисты, без коих немислим глубоко профессиональный анализ всего происходящего в мире

© Меметов В. С., 2011

Меметов Валерий Сергеевич — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Ивановского государственного университета, директор НИИ интеллигентоведения при ИвГУ, Заслуженный работник высшей школы РФ. vs_memetov@mail.ru.

искусства и литературы. Отметим также, что каждая из групп художественной интеллигенции отличается своей спецификой и особенностью воздействия на умы и сердца людей. Сегодня можно утверждать, что художественная интеллигенция, как и все современное российское общество, дифференцирована. Ее высший креативный слой по праву занимает достаточно высокое место не только в профессиональной, но и в общественно-политической структуре. Мы также знаем, что истоки Творчества уходят в глубину веков. Оно всегда будило наш разум, помогало в созидательной деятельности, отвечало на вызовы истории.

Отмеченное выше позволяет мне говорить об актуальности обсуждаемой сегодня темы. Представленный на защиту научный труд Е. М. Раскатовой, конечно же, является логическим продолжением анализа отношений власти и интеллигенции в постсталинскую эпоху, представленного в докторской диссертации М. Р. Зезиной, и тем самым восполняет пробелы в научном освещении темы «советская власть и художественная интеллигенция», рассматривая ее на другом историческом отрезке — 1964—1985 гг. У многих из нас исследуемая эпоха, как справедливо замечает сама Е. М. Раскатова, вызывает далеко не однозначные суждения, вопросы. Это, прежде всего, связано с нашим недавним прошлым и непрекращающимися в последние 20 лет кризисными явлениями во всех сферах жизнедеятельности российского общества.

В диссертации четко обозначены цель и задачи исследования, хронологические и территориальные рамки, определен его понятийно-терминологический аппарат.

Научная новизна диссертации много шире, нежели она представлена в тех шести пунктах, которые отмечены соискательницей в автореферате и в самой работе. Я бы хотел подчеркнуть научную смелость и глубину проникновения Е. М. Раскатовой в исследуемую проблему, особенно во второй и четвертой главах. Каждый раздел или подраздел — это, в большинстве случаев, формулирование автором новых или малоизученных научных тем самого высокого уровня, либо самостоятельных тем монографического масштаба. При этом все они мыслятся автором как междисциплинарные, с широким использованием методов не только истории, но и философии, социологии, культурологии, политологии, психологии и других гуманитарных наук.

Я полагаю, что Е. М. Раскатовой понадобилась научная смелость и при вынесении на защиту десяти основных положений диссертации. Они подводят своеобразный итог анализа системы отношений власти с художественной интеллигенцией и феномена «партийного руководства».

Структурно диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованной литературы и источников.

В **первой главе** «Научные основы изучения взаимоотношений советской власти и художественной интеллигенции» представлен историографический обзор, дан анализ источников, обоснована методология исследования.

Анализ проблемы «Советская власть и художественная интеллигенция в 1964—1985 гг.» позволил Елене Михайловне выделить три смысловых этапа в историографии темы. Первый этап она связывает с «хрущевской оттепелью». Именно в это время вышли в свет обобщающие работы историков М. П. Кима, Л. К. Ерман, В. Р. Лейкиной-Свирской и др., известных философов А. И. Арнольдова, Э. А. Баллера, В. В. Журавлева, М. Т. Иовчука, Л. Н. Когана и др. Е. М. Раскатова особо выделяет социолога В. А. Копырина, который первым дал определение понятия «художественная интеллигенция». Что касается вопроса, кто же стоял у основания исторических исследований проблем советской интеллигенции, то она справедливо выделяет С. А. Федюкина, В. Т. Ермакова, В. Л. Соскина, М. Е. Главацкого и молодого, талантливого В. С. Волкова. Верен и ее вывод — именно они создали историю формирования социалистической интеллигенции. Я согласен с Е. М. Раскатовой, что на этом этапе официальная историческая наука не допускала осмысления проблем и противоречий в отношениях власти и художественной интеллигенции.

Конец 1980-х — рубеж 1990—2000-х гг. автор относит ко второму этапу. По ее мнению, перестройка положила начало новому периоду в отечественной исторической науке, в том числе — истории советской художественной интеллигенции. Принципиально важны были вывод М. Р. Зезиной — о возвращении власти на рубеже 1960—70-х гг. к неосталинизму и анализ причин духовного кризиса общества в эти годы, сделанный Е. Ю. Зубковой. Соискательница пишет, что реальностью стали дискуссии специалистов гуманитарных наук по проблемам «Ин-

теллигенция и народ», «Интеллигенция и Власть», «Художник и Власть» и др.

Анализ работ по третьему этапу позволил Е. М. Раскатовой сделать вывод о продуктивности исследований, которые велись на стыке разных научных направлений и при помощи новейших методик гуманитарных исследований. Справедливы и ее высокая оценка сборника научных статей «Русская интеллигенция. История и судьба» (М., 2000), и ее самостоятельный вывод, что интеллигенция предстает субъектом, ответственным за духовное производство, даже в тех случаях, когда она сама — объект манипуляции.

Я согласен с соискательницей, что тема «Советская власть и художественная интеллигенция» еще не получила должного освещения в исторических трудах. Верно и то, что в последнее время наметилась тенденция создать положительный образ поздней советской эпохи.

Говоря об источниковой базе по теме исследования, следует отметить, что Е. М. Раскатова активно использует опубликованные еще в советское время материалы партийных постановлений, пленумов и съездов, которые рассматриваются как характерное выражение идеологического дискурса эпохи. В числе партийных документов присутствуют и такие уникальные образцы, как постановление Секретариата ЦК КПСС «О повышении ответственности руководителей органов печати, радио, телевидения, кинематографии, учреждений культуры и искусства за идейно-политический уровень публикуемых материалов и репертуара» от 7 января 1969 г., ранее известное только по названию или в пересказе (с. 47).

Автор отмечает, что в 1990-е — начале 2000-х гг. реорганизованные российские архивы совместно с творческими коллективами научных институтов начали реализацию целевой программы публикации источников. Следует согласиться с Е. М. Раскатовой, что эти документы не полностью раскрывают всю сложность взаимоотношений власти и художественной интеллигенции (с. 49), поэтому важнейшую ценность для исследования приобретают массивы документов, хранящихся в фондах центральных и региональных архивов (РГАНИ — справки и отчеты различных государственных учреждений (Министерств культуры СССР и

РСФСР, КГБ при СМ СССР и т. п.), поступившие в архив ЦК КПСС; ГАРФ — материалы Министерства культуры РСФСР и Управления по охране государственных тайн в печати и т. д.). Это помогло автору определить «зоны постоянного внимания» государственного ведомства (театры, выставочная деятельность), перечень обязательных для систематического обсуждения вопросов (с. 53); исследовать взаимоотношения власти и художника, особенности мышления «чиновников от культуры»; проанализировать столкновение мнений о социальных функциях культуры и т. д., и т. п. (с. 54).

Нужно отметить, что предметом особенно тщательного анализа стали фонды партийных, государственных и творческих организаций в государственных архивах областей Верхневолжского региона (например, документы первичных партийных организаций театров и областных отделений творческих союзов и др.). Эти документы позволили Е. М. Раскатовой составить объективную и сложную картину реализации государственной культурной политики в областях региона, выявить внутреннюю динамику, локальные особенности. Несомненным достоинством диссертации Е. М. Раскатовой является разнообразие типов и видов источников, например периодическая печать, материалы которой часто выступают подлинными образцами «языка эпохи», значимым политическим и культурным дискурсом (с. 62—63). Мне представляется достаточно глубоким и интересным анализ соискателем опубликованных и неопубликованных источников личного происхождения (мемуаров, дневников, писем и т. д.), в числе которых особое место занимают интервью с представителями художественной интеллигенции столицы и провинции.

Выбранная автором методология позволяет вести комплексное междисциплинарное исследование широкого круга проблем и отражает состояние современной гуманитарной науки. По утверждению Е. М. Раскатовой, ее многолетнее обращение к изучению различных аспектов взаимоотношений власти и художественной интеллигенции в эпоху позднего социализма показало не только продуктивность использования традиционных методов, но и необходимость пересмотра теоретико-методологического инструментария, использования актуальных исследовательских методик. Интересно в этом плане выделение автором двух

взаимно конфликтующих полей поздней советской эпохи — официальной, прогосударственной культуры и культуры неофициальной, которые пересекались, влияли друг на друга и создавали особый исторический фон эпохи (с. 70—71).

Вторая глава посвящена раскрытию особенностей официальной политики советской власти в сфере художественной культуры в 1964—1985 гг. Анализ проблемы в указанный период Е. М. Раскатова считает невозможным без «обращения к историческим истокам их формирования в первое послереволюционное десятилетие», с чем трудно не согласиться. Полагаю, она права, утверждая, что к началу 30-х гг. властью была принята и поставлена во главу угла ленинская установка на «партийность литературы», необходимость партийного руководства развитием культуры. Нельзя не согласиться и с выводом Е. М. Раскатовой о предопределенности противоречивых отношений советской власти и художественной интеллигенции в новой модели общественного развития (с. 90).

В первом параграфе этой главы Е. М. Раскатова анализирует процессы второй половины 1960-х гг. в СССР и делает вывод, что несмотря на смену политического руководства и провозглашение нового курса концепция государственной культурной политики не изменилась: культура по-прежнему понималась как участок коммунистического строительства, а ее деятели считались «бойцами идеологического фронта». Согласимся с утверждением о том, что назначения на ключевые посты в системе власти, в том числе и в управлении в сфере культуры, демонстрировали победу консервативных сил (с. 94).

Анализ материалов XXIII—XXIV съездов КПСС позволил Е. М. Раскатовой сделать вывод, что власть, по-прежнему, отводила художественной интеллигенции вспомогательные функции, видя в ней лишь «активного бойца за революционное переустройство мира». Права она и тогда, когда подчеркивает желание власти видеть лояльную интеллигенцию, чья идейная преданность рассматривалась в качестве важнейшего условия «успешного творчества».

Мне импонирует попытка соискателя разобраться в вопросах деятельности Политбюро ЦК КПСС, которая, конечно же, была осложнена внутренними противоречиями, «дифферен-

циацией» (выделено мной. — В. М.) чиновничьего аппарата (с. 110). Думаю, она права, замечая, что значительная часть советской художественной интеллигенции придерживалась консервативных взглядов и в каком-то смысле востребовала жесткую линию власти (там же). Широко использует автор понятие «сталинизм». Сегодня оно в числе наиболее употребляемых в широких слоях общества.

На мой взгляд, особо значимым при рассмотрении темы исследования является раздел 2.2. «Отдел культуры ЦК КПСС и художественная интеллигенция: *новый* стиль деятельности советской номенклатуры». Соискательница, на основании анализа широчайшей документальной базы (фонды РГАНИ), объективно оценила место и роль Отдела культуры ЦК КПСС в системе формирования партийно-государственной политики в сфере художественной культуры. Очень важный сюжет затрагивает Е. М. Раскатова, когда рассматривает сотрудничество трех властных структур: собственно ЦК КПСС, Комитета государственной безопасности при Совмине СССР и Комитета по охране государственных тайн в печати. На основе анализа работы этих структур, во многом, складывается концепция диссертации в разделах характеристики действия власти.

В разделе 2.3. Е. М. Раскатова рассуждает о роли Управления по охране государственных тайн в печати при СМ СССР в формировании художественной политики. В исследуемый период, считает она, складывался «иной» стиль власти (умный, тонкий, жесткий) по отношению к художественной интеллигенции. Интеллигенция, в свою очередь, все чаще прибегает к тактике недосказанности, намек, эзопова языка (С. 142). Без всякого сомнения, пишет Е. М. Раскатова, эзопов язык усложнял задачи цензуры, требовал иного уровня подготовки цензоров, рождал принципиально иной тип цензора — умного профессионала, способного понять тип мышления автора, но при этом цинично защищавшего интересы государства, стоявшего на страже официальной идеологии. Главлит после секретного постановления 1969 г. становится одним из оснований контрольно-идеологического треугольника (ЦК КПСС, КГБ, Главлит). Более того, постепенно вместе с КГБ при СМ СССР он превращается в аналитический орган, поставлявший в ЦК КПСС информацию о настроении

ях художественной интеллигенции. Обязательными квалификационными требованиями цензоров все чаще становятся высшее гуманитарное образование (МГУ, ЛГУ, МГИМО и др.), знание иностранных языков, основ искусствоведения, литературоведения и т. п. (с. 149).

Особый характер деятельности Главного управления по охране государственных тайн в печати позволял ему выполнять не только информационно-контролирующую, но и контрольно-репрессивную функцию. С помощью сотрудников данного Управления творцы выталкивались в пространство неофициальной культуры, «тамиздата» и «самиздата», порой «андеграунда». Механизм такого перехода был достаточно типичен и в позднюю советскую эпоху приобрел характер отработанной технологии общения власти с художественной интеллигенцией (с. 170).

Новый курс власти, означавший свертывание «оттепели», справедливо замечает Е. М. Раскатова, проявился не просто в восстановлении основных звеньев политической системы, но в существенном перераспределении их функций (с. 171). Об «особой» роли КГБ в системе власти писали и Т. М. Горяева, и Р. Г. Пихоя, и др. Ф. Д. Бобков, один из руководителей КГБ, объясняет «высокую результативность» своего ведомства созданием в его структуре спецподразделения (Пятого Управления) по изучению настроений в среде интеллигенции.

Ценность рассуждений Е. М. Раскатовой, на мой взгляд, в том, что они основаны на анализе косвенных материалов — документов КГБ, направляемых в ЦК КПСС, среди которых «записки», «справки-информации», «предложения» и др. Они позволяют соискателю исследовать содержание и некоторые методы работы КГБ с художественной интеллигенцией. Сотрудники КГБ строго контролировали не только публичные выступления художественной интеллигенции, но и разговоры «в кулуарах», на вечеринках, «на кухнях», а также «непроизнесенные речи», тексты частных писем и др., информацию о которых руководители КГБ представляли в ЦК КПСС. Активно поставляя сведения о недовольстве руководителей творческих союзов и учреждений искусств, КГБ осторожно, дозированно информировал ЦК партии о политических настроениях отдельных представителей художественной интеллигенции (с. 181). Мне близка точка зрения

Е. М. Раскатовой о том, что «собирая даже опасный компромат» на деятелей литературы и искусства, власть (в лице КГБ при СМ СССР) преследовала не только запретительные цели: некоторые из сотрудников органов понимали, что крупный художник (выделено мной. — В. М.), в силу своего таланта, обладал уникальными способностями замечать еще в зародыше тенденции будущих серьезных явлений, проблем в жизни общества (с. 183). Многого стоит и мысль-фраза соискателя о том, что к работе по составлению аналитических материалов привлекались профессиональные искусствоведы. При этом уровень образования, гуманитарной культуры сотрудников КГБ, готовящих документы для ЦК КПСС, был весьма высок (с. 185). Эти факты дали основание Е. М. Раскатовой сделать вывод, что КГБ был одним из немногих государственных ведомств, который реагировал на растущее многообразие художественной культуры более или менее адекватно. Его руководители искали иные, необходимые, по их мнению, в меняющихся условиях, формы контроля за творчеством (с. 185). Этого нельзя сказать о других государственных и общественных организациях, ответственных за развитие культуры в стране, предпочитавших «по старинке» не замечать нового «другого» искусства. Руководители КГБ в исследуемый период выступили как реальные политики, прекрасно понимавшие, что запрещать «другую культуру» и иное искусство уже просто нельзя.

Изучение КГБ настроений художественной интеллигенции велось, по мнению соискателя, для выяснения причин ее недовольства властью, проявлявшегося в различных формах (от скрытой оппозиционности до участия в публичных культурных, реже политических, акциях или эмиграции как последнего шага отчаяния известных и малоизвестных деятелей литературы и искусства). Я согласен с данной точкой зрения.

Убедительно, логично ведет анализ Е. М. Раскатова, когда говорит о молодежи, о поколении семидесятых, несколько ироничном и относительно независимом. Традиционные попытки власти сохранить влияние на молодую художественную интеллигенцию, пишет она, оказались недостаточно эффективными. Именно в начале 1970-х гг. в деятельности творческих союзов возникли новые формы работы с молодой художественной интеллигенцией: смотры работы театров с творческой молодежью,

объединения молодых художников и т. п. В диссертации отмечаются специальные совещания молодых писателей, выставки молодых художников и др. Думаю, она права, утверждая, что власть, и в первую очередь КГБ при СМ СССР, апробировала на художниках-авангардистах новые формы работы, каналы влияния на художественную интеллигенцию. Важно, что за внешне цивилизованными формами взаимоотношений государства и художника стояли лишь «умные» методы реализации властью своего права вмешательства в творческие процессы. Такие методы соискатель называет «новым» стилем отношения власти к художественной интеллигенции (с. 205).

Не менее интересен и подраздел 2.5, раскрывающий место и роль Министерства культуры РСФСР, его основные направления и формы работы с художественной интеллигенцией. Анализ документов Министерства культуры РСФСР (от протоколов заседаний коллегий и материалов к ним до приказов министра и статистических отчетов) позволяет историку не только выявить некоторые особенности технологии принятия и реализации решений, но и специфического поведения и стиля работы его сотрудников, место данного государственного органа в системе власти. Министерство культуры РСФСР проводило линию власти, реагируя постановлениями коллегии на все важнейшие официальные события в стране (с. 210).

Решение коллегий предусматривало участие органов культуры и учреждений искусства РСФСР в патриотическом воспитании молодежи, в мероприятиях по атеистическому воспитанию трудящихся, в борьбе с пьянством силами и средствами культуры и искусства и т. д. Принципиально важно, что это была власть, максимально приближенная к художнику, знавшая его проблемы изнутри и потому отчасти понимавшая и разделявшая его позицию, что делало ее особенно уязвимой в ряде конфликтных ситуаций Власти и художественной интеллигенции (с. 216). В лице Министерства культуры РСФСР государство выступало в качестве и заказчика и идеологического контролера — поддерживало талантливых, но обязательно, подчеркивает Е. М. Раскатова, лояльных художников (с. 225).

На протяжении 1970-х гг. Министерства культуры РСФСР и СССР, региональные органы культуры, отделения творческих

союзов уделяли пристальное внимание работе по идейно-художественному воспитанию детей и подростков. Хорошо известна деятельность Комиссии по музыкально-эстетическому воспитанию детей и юношества (председатель — Дмитрий Борисович Кабалевский). Заметным явлением периода стало движение за создание школьных музеев искусства. В СССР было организовано более сотни таких музеев. Увеличилось общее количество музыкальных и художественных школ в регионах (с. 226). Именно в 1970-е гг. прошли впервые и получили поддержку такие акции, как Всероссийская неделя «Театр и дети», «Неделя музыки для детей», «Неделя детской книги». С 1975 г. стала ежегодной Неделя «Театр и дети», с 1976 г. регулярно проводилась выставка «Художники России — детям». Работа с детьми не стала бы системой в деятельности театров, если бы не творческое отношение к делу, «бескорыстие», подвижнический характер работы представителей театральной интеллигенции, режиссеров, актеров.

В работе Е. М. Раскатовой большой интерес вызвал раздел 2.6, раскрывающий деятельность творческих союзов художественной интеллигенции как общественных организаций в системе взаимоотношений власти и художника. Подчеркивается, что они всегда, со времени их образования в 30-е гг., поддерживали и проводили в жизнь генеральную линию партии. В исследуемый период, отмечает соискатель, творческие союзы впитали в себя многие черты и признаки государственных учреждений, стала заметна бюрократизация в этих общественных организациях (с. 247). Руководители творческих союзов умело выстраивали свои отношения с партийной властью, добиваясь все новых и новых привилегий для себя, стали процветать конформизм и сервилизм (с. 263). Другие рядовые члены творческого союза советских писателей издавали книги, которые и в наши дни позволяют говорить о развитии советской литературы в 1964—1985 гг. Созданные в эти годы произведения отразили духовно-нравственные искания эпохи (В. Распутин, Ю. Трифонов, Ф. Абрамов и др.). Е. М. Раскатова подчеркивает, что оба литературных процесса протекали в границах официальной культуры.

Таким образом, вторая глава диссертационной работы является самостоятельным масштабным фрагментом исследования и позволяет составить объективное многоаспектное, докумен-

тально подтвержденное представление о функционировании механизмов власти в сфере культуры в изучаемую эпоху.

В преамбуле к **третьей главе** «Региональный аспект реализации художественной политики власти в 1964—1985 гг. (на материалах Владимирской, Ивановской, Костромской и Ярославской областей)» автор справедливо акцентирует внимание на теоретико-методологических вопросах и связанных с ними теоретических понятиях: «региональная политика», «провинция и провинциализм», «художественная интеллигенция российской провинции» и др. — эти понятия «работают» в тексте диссертации (с. 290—294).

Провинция как уникальный мир, замкнутый в пространстве и открытый во времени, конечно же, имеет свои оригинальные формы бытия. Некоторые события и фигуры региональной культуры 1964—1985 гг., как справедливо замечает Е. М. Раскатова, получили значение выдающихся феноменов общероссийской культуры: школа «владимирского пейзажа», исторические романы Э. Зорина, литературная критика И. Дедкова и др. Безусловно, в провинции был и свой авангард — практически не выставлявшиеся художники В. Бахарев, Б. Французов и др. Автор подчеркивает, что характерные черты официальной культурной политики (*идеологизация* всех сторон художественной жизни, *регламентация* деятельности, *сужение функций* интеллигенции в обществе и др.) преломлялись в деятельности партийно-государственных органов и художественных организаций региона, отражая не только объективно сложившиеся историко-культурные, социально-экономические особенности областей, но и субъективные вкусы, привязанности, уровень общей и гуманитарной культуры чиновников, руководителей областных отделений творческих союзов. Благодаря вниманию областных властей к вопросам литературно-художественной критики произведений молодежи, заключает Е. М. Раскатова, в регионе возникли особые формы поддержки молодых литераторов: литературные объединения (Иваново, Ярославль) и Студия (Владимир), ежегодные семинары (Кострома) и др., в работе которых принимали заинтересованное участие известные всей стране поэты и прозаики, профессиональные критики, в том числе И. А. Дедков. В практику совместной работы редакций областных газет и отделений

ний Союза писателей РСФСР вошел выпуск страниц с произведениями молодых поэтов, писателей. Результатом реализации целевых программ поддержки молодой художественной интеллигенции в Верхневолжском регионе, в соответствии с Постановлением ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью» (1976), стали: введение во вновь созданные при всех областных комитетах ВЛКСМ Советы творческой молодежи заслуженных мастеров искусства (Кострома — И. А. Дедков, Ярославль — Ф. Е. Шишигин и др.); систематическое присуждение областных премий Ленинского комсомола творческой молодежи «за создание произведений большого общественного звучания». В рамках Всесоюзного смотра работы театров с творческой молодежью была учреждена ежегодная премия за лучшее исполнение женской и мужской роли молодыми актерами. Кроме этого, отмечает автор, обязательным стало проведение комсомольскими комитетами и отделениями творческих союзов — семинаров творческой молодежи, региональных и областных выставок молодых художников, контролировалось выделение мастерских, подготовка и издание тематических сборников произведений молодых поэтов и писателей, предоставление творческих командировок молодой художественной интеллигенции и т. д., и т. п. (с. 309—315).

В исследуемый период, как и в предшествующие, ряд партийно-государственных решений был посвящен шефству художественной интеллигенции над производственными коллективами крупных промышленных предприятий, колхозами, воинскими частями и др. В 1964—1985 гг. эта работа приобрела действительно колоссальные размеры. Ее планированием занимались самые разные структуры системы (от комиссий по шефству до управлений министерств культуры РСФСР и СССР). Как справедливо отмечает Е. М. Раскатова, по «госзаказу» были созданы многие талантливые произведения «производственной тематики». В центральных и Верхне-Волжском издательствах вышли книги очерков о новаторах производства, Героях Социалистического Труда. Из творческих командировок молодые художники привезли произведения, составившие основу тематических выставок «Наш современник» (Ярославль, 1978), «Мое Нечерноземье» (Кострома, 1977) и др. (с. 320—328).

В своей работе Е. М. Раскатова предприняла попытку если не решить, то затронуть очень сложную и неблагодарную тему — личные художественные вкусы, уровень общей и гуманитарной культуры партийно-государственных работников региона и то, как они проявлялись в определении ими важности того или иного объекта культуры, приоритетов культурной политики в подчиненных областях. Так, если результатом своеобразной «антитеатральной» политики в Иванове стала частая смена режиссеров, отъезд талантливых актеров (например, в Свердловск и Владимир), «долгострой» драматического театра и т. д., то следствием заинтересованной «театральной» политики ярославских властей можно считать не только традиционно привилегированное положение Ярославского драматического театра драмы имени Ф. Волкова, но и рождение принципиально нового, авангардного театрального коллектива — ТЮЗа. Либеральная обстановка во Владимире благоприятно повлияла на творчество художников — развитие школы «владимирского пейзажа», создание объединения молодых графиков, уникальной Литературной студии и др. В то же время желание местной власти иметь свои «художественные жемчужины» создавало режим материального благопритствования в отношении отдельных коллективов (Палехские художественно-производственные мастерские, Ярославский академический театр драмы имени Ф. Волкова и др.). При этом в двух специальных подразделах (3.3.1.—3.3.2.) автор показала трудности во взаимоотношениях с властью даже этих привилегированных коллективов. Результатом размышлений автора стало выявление не только *временной* специфики региональной культуры, но и ее особенностей — в каждой из областей региона.

Особого внимания заслуживает та часть третьей главы, где автор анализирует деятельность «маленьких Брежневых» (с. 331—332), которые, освободившись от страха массовых репрессий периода сталинизма, пытались влиять и влияли на политику центра в исследуемый период, что особенно проявилось в так называемой «реакции с мест» — откликах, отзывах, письмах-рецензиях на необычные для провинции художественные акции. Е. М. Раскатова убедительно показала, что в исследуемые годы сформировалась «технология влияния» регионального партийно-государственного руководства на официальную художественную

политику. Обнаруженные архивные документы позволили автору прийти к значимому научному выводу не только о консервативных взглядах чиновников, но и об их уверенности в своем праве корректировать, в сторону ужесточения, политику центральной власти (с. 354—356).

Говоря о **четвертой главе** «Художественная интеллигенция 1964—1985 гг.: особенности самоидентификации», хотелось бы, прежде всего, отметить научную глубину проникновения автора в обозначенную проблему. Именно в этой главе Е. М. Раскатова демонстрирует владение современными методиками междисциплинарного исследования, о которых шла речь в методологическом разделе диссертации (личная история, история культуры повседневности и др.). В результате автору во многом удается достоверно реконструировать и описать сложный внутренний мир художника, особенности его самосознания и самоопределения в непростом историческом времени. Е. М. Раскатова знает, понимает и любит художника, слышит его индивидуальный голос и в то же время при анализе культурно-исторической ситуации сохраняет отстраненность и — как следствие — объективность.

Особо хотелось бы отметить специфику работы с документальной базой, используемой в четвертой главе, — во многом она построена на источниках личного происхождения (как опубликованных мемуарах, дневниках, эпистолярике художников, так и на материалах «устной истории»), чрезвычайно сложных для анализа. Автору удается найти корректный тон объективного научного рассуждения; отчасти это достигается и благодаря взаимопроверке документов личного происхождения и официальных источников. Одна из важнейших тенденций периода, выявленная автором, — углублявшаяся внутренняя дифференциация в художественной среде (с. 413—415). Е. М. Раскатова сумела аргументированно выделить внутри нее несколько категорий художественной интеллигенции, каждую из которых характеризует особый тип отношений с властью, понимание задач творчества, представление о границах свободы художника и т. д. Е. М. Раскатова показывает положение советского «истеблишмента», выявляет причины его ведущего положения в отечественной культуре. Именно этим людям принадлежали ведущие позиции в иерархии

творческих союзов, они контролировали литературные журналы, участвовали во всех всесоюзных и республиканских выставках, становились победителями многочисленных конкурсов (с правом государственной закупки произведений), получали высшие государственные награды — звания, премии и т. д. Нельзя не оценить справедливое замечание автора о возможно искренней поддержке власти и ее культурной политики частью этих деятелей литературы и искусства, разделявших социалистические идеалы (с. 418, 430 и др.). Интересны и размышления автора о положении в выявленной иерархии другой части художественной интеллигенции, условно названной соискательницей «честными художниками». Это довольно многочисленная группа, представители которой «сторонились» официальной культурной жизни, особенно ее одиозных форм. Нельзя не согласиться с выводами автора о сложности существования этой группы и возможных внутренних «сшибках» ее представителей, о скрытых формах конфликта с властью, о цене компромиссов (с. 421—429).

Главное и чрезвычайно ценное наблюдение Е. М. Раскатовой — в позднюю советскую эпоху параллельно официальной, поддерживаемой властью культуре сформировалась и развивалась «другая культура» («вторая», «неофициальная», «культура андеграунда»). Прежде всего, к «неофициальной культуре» можно отнести ставшие заметными в 1970-е гг. авангардные художественные поиски, затронувшие все сферы искусства. Представители «другого искусства», как правило, предлагали современникам художественные концепции, альтернативные официальным как с формальной, так и с содержательной точек зрения (с. 431—437).

Согласимся с Е. М. Раскатовой, что самоопределение художественной интеллигенции было чрезвычайно многоплановым и включало в себя размышления по поводу различных аспектов действительности (подразделы раздела 4.2). Автор диссертации предлагает оригинальный взгляд на культурные акции исследуемого периода («Бульдозерная выставка» 1974 г.), выпуск литературно-художественного альманаха «Метрополь» в 1978 г. и т. п.) как формы диалога с властью даже в начале 1980-х гг. (ситуация с постановкой Ю. П. Любимовым спектакля «Владимир Высоцкий» в Театре на Таганке в 1982 г.). Интересны и продуктивны выводы о поколенческих различиях «шестидесятников» и «семи-

десятников» (с. 564—565), об особой творческой свободе художников андеграунда, о порой невыносимом положении «честных художников», балансировавших на грани официальной и неофициальной культуры и т. д., и т. п.

В Заключении автор констатирует, что особенность историко-культурной ситуации 1964—1985 гг. — движение от монокультуры к художественному многообразию — стала питательной почвой для появления выдающихся достижений отечественной культуры, которые получили мировую известность и признание. Характерным признаком советской культуры указанного периода являлось одновременное существование наряду с официальной, прогосударственной культурой — «другой культуры», неофициальной, культуры советского андеграунда.

Еще один справедливый и убедительный вывод Е. М. Раскатовой — о динамике основных форм реализации политики власти в границах изучаемого периода, о заметном перераспределении, смещении функций внутри так называемого «властного треугольника» (с. 562—563). Особенно важно, что внутри самой политической системы власть была разной (заметны различия чиновников ЦК КПСС, спецслужб, министерства культуры), так же как и внутри каждого звена политической системы (консерваторы и реформаторы, сторонники авторитарной линии и демократической, западники и славянофилы).

Сложное состояние и двойственное положение органов партийно-государственной власти по отношению к культуре, подчеркивает Е. М. Раскатова, не могло не сказаться на отношении художественной интеллигенции к власти и политической системе, где чрезвычайно характерной стала девальвация революционно-романтических идей, составлявших основу бескорыстного служения художника государству.

Таким образом, диссертация Е. М. Раскатовой является оригинальным, квалификационным исследованием, содержит совокупность новых научных результатов и положений, выдвигаемых для публичной защиты, имеет внутреннее единство и свидетельствует о личном вкладе автора в историческую науку.

Однако, наряду с несомненно высокой оценкой достоинств диссертации Е. М. Раскатовой, хотелось бы высказать некоторые замечания:

1. Так, на наш взгляд, Е. М. Раскатова, излагая теоретические основы диссертации, уходит от обсуждения таких серьезных, но непопулярных сегодня вопросов, как определение сущностных черт интеллигенции, в том числе и художественной, не останавливается подробно на ее характеристиках в сравнении с другими категориями интеллигенции (например, военной, научной, медицинской и др.), что является важным при постановке любых проблем истории интеллигенции. Исследовательские наблюдения стали бы более основательными, если бы соискательница дала и внутривидовые характеристики художественной интеллигенции, указав на характерные различия в мироощущении, творческом кредо и общественной позиции различных категорий — писателей, актеров, художников и т. д., тем более, что разговор об этом уже был начат другими исследователями (С. А. Федюкин и др.).

2. На мой взгляд, работа бы только выиграла, если бы автор дополнила убедительный ряд источников материалами первичных партийных организаций творческих союзов и учреждений искусств Москвы (мы знаем, что более шестидесяти процентов членов творческих союзов были коммунистами). Это позволило бы более глубоко и, может быть, объективно вести анализ выдвинутых проблем, так как именно документы первичных партийных организаций убедительно показывают различные аспекты внутривидовой жизни, перипетии взаимоотношений художника и чиновника, искренность художника-коммуниста и др., тем более что Е. М. Раскатова активно использует подобные документы, анализируя ситуации с Ярославским академическим театром имени Ф. Волкова и Палехским художественным промыслом.

3. Представляется не вполне оправданной сознательная отстраненность Е. М. Раскатовой от «будней современности», которая заметна в выводах диссертации. На мой взгляд, исторические параллели неизбежны, поскольку автор ведет разговор о временах, еще не ставших историей в полном смысле слова, но этот позитивный и негативный опыт необходимо учитывать при вы-

работке современных стратегий развития государства и культуры. Диссертация могла бы содержать объективную историческую оценку конструктивных позиций государственной политики в сфере культуры, которые позволили бы преодолеть культурный кризис настоящего времени.

Высказанные замечания не могут изменить общей положительной оценки рецензируемой работы.

Содержание диссертации Е. М. Раскатовой отражено в опубликованных работах, ее суть представлена авторефератом. Диссертационное исследование является научно-квалификационной работой, в которой решается крупная научная проблема, она соответствует требованиям п. 8 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», а ее автор — РАСКАТОВА Елена Михайловна — заслуживает присуждения искомой ученой степени — доктора исторических наук по специальности 07.00.02 — «Отечественная история».

Зябликов А. В. Художественная интеллигенция и партия конституционалистов-демократов в 1905—1907 годах

Ключевые понятия: интеллигенция, конституционалисты-демократы, партия народной свободы, политические партии, Государственная дума в России в начале XX века.

Рассматривается деятельность партии кадетов, изучаются ее взаимоотношения с художественной интеллигенцией, исследуется политическая позиция отдельных интеллигентов — членов данной партии. На основе широкого круга источников высказываются оригинальные идеи относительно истории кадетской партии.

Никонов О. А. Профессионально-образовательные контакты с Россией в свете формирования иранской интеллигенции (вторая половина XIX — начало XX века)

Ключевые понятия: образовательные контакты, Мохаммед Таги-хан, «Дар-аль-фунун» (Дом науки), Хасан Рушдие Мальком-хан, светские школы, иранская интеллигенция.

Рассматриваются малоизвестные аспекты зарождения российско-иранских связей в профессионально-образовательной сфере, способствовавшие началу формирования национальной современной интеллигенции Ирана. Отмечены усилия иранских реформаторов и просветителей по созданию светских образовательных учреждений, подготовке профессиональных кадров в просвещенных странах Европы и в России. Выделены начальные успехи участия иранской интеллигенции в общественно-политическом и экономическом развитии Иранского государства в условиях его формационных преобразований на рубеже XIX—XX веков.

Чередникова А. Ю. Женские немецкие общественные организации в советской оккупационной зоне: к вопросу о формировании новой «идеологической интеллигенции» (1945—1949 гг.)

Ключевые понятия: Советская оккупационная зона (СОЗ), Советская военная администрация в Германии (СВАГ), женские организации, Демократический Союз женщин (ДСЖ), «идеологическая интеллигенция».

Статья посвящена одной из граней оформления новой «идеологической интеллигенции» — функционированию женских немецких общественных организаций в СОЗ. Утверждается, что особая идеологическая направленность деятельности данных организаций определялась политикой СВАГ и СЕПГ, укрепляющей свои позиции на постфашистском пространстве Восточной Германии. Делается вывод о том, что политический контроль за всеми сферами деятельности общества привел к возникновению марионеточных женских общественных организаций, ставших одним из весомых компонентов немецкой «идеологической интеллигенции» в СОЗ.

Баженов А. М., Мартынова Т. М. Интеллигенция как участник модернизации российского общества

Ключевые понятия: модернизация, российское общество, экономика, демократия, политические институты, интеллигенция.

Рассматривается совокупность факторов, предопределивших модернизацию российского общества. Формулируются основания, которые создают благоприятные условия для осуществления модернизации. Анализируются препятствия для процесса модернизации в обществе, отмечается и то, что модернизация необходима не только для экономики, но и для политических институтов. Определяется роль интеллигенции в процессе модернизации российского общества.

Юшкова-Борисова Ю. Г. Новые аспекты взаимовлияния российской интеллигенции и общества

Ключевые понятия: интеллигенция в современных условиях, социальная стратификация, перестройка общества, влияние технологического развития.

Рассматривается состояние российской интеллигенции с точки зрения ее роли в общественной жизни страны в изменившихся социально-экономических условиях. Указываются объективные причины реформирования интеллигенции и частичной утраты ею признаков самостоятельной общественной страты. Прогнозируется взаимозависи-

мость судьбы интеллигенции и российского общества. Приводятся данные авторских социологических исследований.

Возиллов В. В. Проблема подражания Европе в спорах русских интеллигентов XIX века

Ключевые понятия: интеллигенция, Европа, прогресс, революция, консерваторы, либералы, революционеры.

Затрагивается проблема «европейничания» (подражания Европе) в работах русских публицистов и общественных деятелей XIX века. Данный вопрос не терял своей актуальности на протяжении всего XIX века и являлся отражением отдельных элементов различных общественных дискуссий: о патриотизме интеллигенции, о путях развития страны, о роли интеллигенции в преобразовании русского общества.

Ефименко О. К. Некоторые вопросы историографии деятельности советской художественной интеллигенции Верхней Волги в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.)

Ключевые понятия: художественная интеллигенция, Великая Отечественная война, историография, искусство, литература, театр.

Рассматриваются вопросы историографии художественной интеллигенции Верхневолжского региона. Дается анализ научной, научно-популярной литературы и диссертационных исследований, выходящих в период с 1941 по 2010 год. Анализируя каждый период историографии, автор рассматривает основные направления и отмечает малоизученные вопросы по данной теме.

Андреева Л. Ю. В. И. Толмачевский: судьба интеллигента тверских карел

Ключевые понятия: сельская интеллигенция верхневолжских карел, революционные настроения, неповиновение власти, агитация революционных идей.

Рассматривается распространение в начале XX в. среди сельской интеллигенции верхневолжских карел революционных идей на примере судьбы В. И. Толмачевского, депутата II Государственной думы и члена партии эсеров. Уделяется внимание мерам борьбы центральной и местной властей с революционными настроениями в Тверской губернии, в районах компактного проживания тверских карел. Анализируются акты неповиновения властям карельского крестьянства, формы революционной агитации, осуществляемой левыми партиями в карельских районах, в частности деятельность В. И. Толмачевского в этом направлении.

Ёхина Н. А. Синтез либеральных и социалистических идей в пореволюционной эволюции кадетской интеллигенции в эмиграции

Ключевые понятия: либерализм, социализм, эволюция, кадетская интеллигенция, синтез, «пореволюционность», «Третья Россия», демократические элементы, политическая платформа.

Анализируется проблема синтеза либеральных и социалистических идей в пореволюционной эволюции кадетской интеллигенции: социализирующийся либерализм должен был стать идеологией «третьего пути» в возрожденной «Третьей России». Делается попытка объяснить эволюцию идей, защищаемых представителями демократического крыла кадетской интеллигенции в 1920-е — начале 1930-х гг.

Солнцева В. Н. Споры латинских интеллектуалов III—IV вв. о человеке: опыт христианской апологии Арнобия и Лактанция

Ключевые понятия: интеллигенция, интеллектуалы, Античность, язычество, христианство, апологеты, синтез культур, антропологические воззрения.

Статья посвящена определению места христианских апологетов Арнобия и Лактанция в интеллектуальной традиции поздней Античности. Особое внимание уделено рассмотрению синтеза языческой и христианской культур в трудах интеллектуалов III—IV вв. и формированию антропологических воззрений в доникейский период развития Церкви.

Zyablikov A. V. Artistic intelligentsia and the party of constitutionalists-democrats in 1905—1907

Key notions: intelligentsia, constitutionalists-democrats, party of national freedom, political parties, the State Duma in Russia at the beginning of the 20th century.

The article shows the activity of the Cadets' party, studies its relationship with artistic intelligentsia, researches the political position of the separate intelligentsia members — members of this party. The article uses many sources and gives original ideas about the history of the Cadets' party.

Nikonov O. A. Professional educational contacts with Russia in the light of Iranian intelligentsia formation (the late 19th — the beginning of the 20th century)

Key notions: educational contacts, Mohammed Tagi-khan, «Dar-al-funun» (home of science), Hasan Rushdie Malkom-khan, secular schools, intelligentsia of Iran.

The article shows less-known aspects of the beginning of the Russian-Iranian relationship in the professional educational sphere that assisted the beginning of the formation of Iranian national contemporary intelligentsia. The efforts of Iranian reformers and educators in the creating the secular educational institutions and training of professional specialists in the countries of Europe and in Russia are marked out. The first success of Iranian intelligentsia participation in social, political and economic development of the Iranian state in the conditions of its formational transformation in the end of the 19th — the beginning of the 20th century is shown in the article.

Cherednikova A. Yu. Women's German social organizations in the Soviet occupational zone: to the question of the new «ideological intelligentsia» formation (1945—1949)

Key notions: the Soviet occupational zone (SOZ), Soviet military administration in Germany (SMAG), women's organizations, Democratic union of women (DUW), «ideological intelligentsia».

The article describes one of the sides of the new «ideological intelligentsia» — the functioning of women's German social organizations in SOZ. It is stated that the special direction of these organizations' activity was taken by the policy of SMAG and it strengthened its activity on the post-fascist territory of Eastern Germany. The author makes the conclusion that the political control over all the activity spheres of society resulted in the appearance of the «puppet» women's social organizations that became one of the strong components of the German «ideological intelligentsia» in SOZ.

Bazhenov A. M., Martynova T. M. Intelligentsia as a participant of Russian society modernization

Key notions: modernization, Russian society, economy, democracy, political institutes, intelligentsia.

The article shows the combination of factors predefining modernization of Russian society. It formulates the basics conditions that create good conditions for modernization. Besides, the obstacles for modernization process in society are analyzed. It is stated that modernization is necessary not only for economics but for political institutions as well. The role of intelligentsia in the process of the Russian society modernization is defined.

Yushkova-Borisova Yu. G. New aspects of interrelationship between Russian intelligentsia and society

Key notions: intelligentsia in contemporary conditions, social stratification, reconstruction of society, influence of technological development.

The article shows the state of Russian intelligentsia from the point of view of its role in the country's life in the changed social economic conditions. The objective reasons of reformatting intelligentsia and its partial loss of signs of independent social strata are given. The interdependence of intelligentsia's destiny and Russian society is foretold. The results of the author's sociological research are given.

Vozilov V. V. The problem of Europe imitation in the discussions of Russian intelligentsia members of the 19th century

Key notions: intelligentsia, Europe, progress, revolution, conservatives, liberals, revolutionaries.

The article deals with the problem of Europe imitation in the works of Russian publicists and public figures of the 19th century. The problem did not become less actual during the whole 19th century and was the reflection of separate elements of different public discussions: about intelligentsia's

patriotism, about the ways of the country's development, about the role of intelligentsia in the modernization of Russian society.

Efimenko O. K. Several questions of historiography of the Soviet artistic intelligentsia activity on the upper Volga river during the Great Patriotic war (1941—1945)

Key notions: artistic intelligentsia, The Great Patriotic war, historiography, art, literature, theatre.

The article deals with the questions of historiography of the artistic intelligentsia of the upper Volga river region. The author analyzes the scientific and scientific popular literature and dissertations published from 1941 till 2010. Analyzing each period of historiography, the author shows the main directions and marks the lesser-known questions on the given subject.

Andreeva L. Yu. V. I. Tolmachevsky: destiny of the intelligentsia member of Tver Karelians

Key notions: rural intelligentsia of the upper Volga river Karelians, revolutionary mood, authority resistance, agitation of revolutionary ideas.

The article shows the revolutionary ideas' spread among rural intelligentsia of the upper Volga river Karelians in the beginning of the 20th century on the example of V. I. Tolmachevsky's destiny, the deputy of the second State Duma and the member of Social Revolutionary party. Attention is paid to the struggle measures of central and rural authorities with revolutionary mood in the town of Tver, in the regions of compact living of Tver Karelians. The acts of insubordinations of Karelian peasantry to the authorities are shown. The forms of revolutionary agitation made by the left parties in the regions of Karelia, and in particular the activity of V. I. Tolmachevsky in this direction are analyzed.

Yokhina N. A. The synthesis of liberal and socialistic ideas in revolutionary evolution the Cadets' intelligentsia in emigration

Key notions: liberalism, socialism, evolution, Cadets' intelligentsia, synthesis, revolutionary, «Third Russia», democratic elements, political platform.

The author analyzes the problem of synthesis of liberal and socialistic ideas in the revolutionary evolution of the Cadets' intelligentsia. The socialistic liberalism should have become the ideology of «the third way» in the reconstructed «Third Russia». In this article the author tries to explain the evo-

lution of the ideas defended by the representatives of democratic part of the Cadets intelligentsia in the 1920 — the beginning of the 1930.

Solntseva V. N. Debates of Latin intellectuals of III—IV centuries about human: the experience of the Christian apologia of Arnoby and Lactansy

Key notions: intelligentsia, intellectuals, antiquity, paganism, Christianity, apologists, synthesis of cultures, anthropological views.

The article is devoted to the definition of the place of the Christian apologists Arnoby and Lactansy in the intellectual tradition of the late antiquity. Special attention is paid to the synthesis of pagan and Christian cultures in the works of the intellectuals of III—IV centuries and to the formation of the anthropological views in the Donikian period of the Church development.

Информация для авторов

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству ведущих специалистов и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. С 2010 года наш журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук по историческим, философским и политическим наукам. Материалы журнала размещены в Научной электронной библиотеке (e-library.ru) и Восточно-европейской электронной библиотеке (www.cceeol.com)

Мы будем рады видеть на страницах журнала «Интеллигенция и мир» Ваши публикации по следующим **актуальным проблемам** современной науки:

- **Актуальные проблемы современного интеллигентоведения;**
- **Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции;**
- **Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран;**
- **Интеллигенция и общество в современных условиях;**
- **Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории;**
- **Международные отношения и личность;**
- **Роль религии в развитии мировой культуры;**
- **Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла;**
- **Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни;**
- **Из архивных фондов: публикация исторических источников.**

Требования к оформлению статей

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать фамилию, имя, отчество автора, полный почтовый адрес, телефон, ученую степень, звание, должность и место работы, контактную информацию (e-mail или телефон). Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

9. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук

2011 № 2

Директор издательства *Л. В. Михеева*

Редактор *М. Б. Балябина*

Технический редактор *И. С. Сибирева*

Компьютерная верстка *Н. Г. Юркин, Т. Б. Земскова*

Подписано в печать 09.06.2011 г.

Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.

Усл. печ. л. 9,3. Уч.-изд. л. 7,9. Тираж 300 экз.

Адрес редакции: 153025 Иваново, ул. Ермака, 39

Факс: (4932) 32-66-00 E-mail: vs_memetov@mail.ru

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41 E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Типография ГОУ СПО «Ивановский энергетический колледж»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 41

☎ (4932) 32-50-89 Адрес в Интернете www.tip1.ru

